

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал

№ 2(2) 2025

- Теоретические и методологические проблемы ономастики
- Региональные ономастические исследования
- Имя в пространстве художественного текста
- Прагматический аспект имятворчества
- Онимная периферия
- События, обзоры, рецензии

ONOMASTIC BULLETIN

Scientific journal

№ 2(2) 2025

- Theoretical and methodological problems of onomastics
- Regional onomastic studies
- Name in the literary text space
- Pragmatic aspect of name creation
- Onym periphery
- Events and reviews

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал

Журнал выходит четыре раза в год.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – С.А. Скуридина, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Н.Б. Бугакова, доктор филологических наук

Ответственный секретарь – О.В. Сулемина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

М.Р. Багомедов – доктор филологических наук – Махачкала, Россия; **М.Ю. Беляева** – доктор филологических наук – Славянск-на-Кубани, Россия; **В.Л. Васильев** – доктор филологических наук – Великий Новгород, Россия; **Н.В. Васильева** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Л.Н. Верховых** – доктор филологических наук – Борисоглебск, Россия; **В.В. Вязовская** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **И.А. Дамбуев** – кандидат филологических наук – Улан-Удэ, Россия; **З.М. Дударева** – доктор филологических наук – Стерлитамак, Россия; **Г.А. Заварзина** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **В.М. Калинин** – доктор филологических наук – Донецк, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Е.О. Кузьминых** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **И.А. Меркулова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **С.А. Мызников** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.С. Обухова** – доктор филологии – Скопье, Северная Македония; **Ф. Пашаева** – доктор филологических наук – Карс, Турция; **С.А. Попов** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Е.А. Попова** – доктор филологических наук – Липецк, Россия; **Ю.С. Попова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Р.В. Разумов** – кандидат филологических наук – Ярославль, Россия; **И.Э. Ратникова** – доктор филологических наук – Минск, Республика Беларусь; **О.А. Селеменова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В.И. Супрун** – доктор филологических наук – Волгоград, Россия; **А.С. Щербак** – доктор филологических наук – Тамбов, Россия.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Адрес редакции: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473)271-50-48.



© ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025

ONOMASTIC BULLETIN

Scientific journal

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – S.A. Skuridina, doctor of philology

Deputy chief editor – N.B. Bugakova, doctor of philology

Executive secretary – O.V. Sulemina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

M.R. Bagomedov – Doctor of Philology – Makhachkala, Russia; **M.Yu. Belyaeva** – doctor of philology – Slavyansk on the Kuban, Russia; **V.L. Vasiliev** – Doctor of Philology – Veliky Novgorod, Russia; **N.V. Vasilyeva** – doctor of philology – Moscow, Russia; **L.N. Verkhovnykh** – doctor of philology – Borisoglebsk, Russia; **V.V. Vyazovskaya** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **I.A. Dambuev** – PhD in philology – Ulan-Ude, Russia; **Z.M. Dudareva** – doctor of philology – Sterlitamak, Russia; **G.A. Zavarzina** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **V.M. Kalinkin** – doctor of philology – Donetsk, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.O. Kuzminykh** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **I.A. Merkulova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **S.A. Myznikov** – Doctor of Philology – Moscow, Russia; **E.S. Obukhova** – doctor of philology – Skopje, Northern Makedonia; **F. Pashayeva** – Doctor of Philology – Kars, Turkey; **S.A. Popov** - PhD in philology – Voronezh, Russia; **E.A. Popova** – doctor of philology – Lipetsk, Russia; **Yu.S. Popova** - PhD in philology – Voronezh, Russia; **R.V. Razumov** – PhD in philology – Yaroslavl, Russia; **I.E. Ratnikova** – Doctor of Philology – Minsk, Republic of Belarus; **O.A. Selemeneva** – doctor of philology – Yelets, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V.I. Suprun** – doctor of philology – Volgograd, Russia; **A.S. Shcherbak** – Doctor of Philology, Tambov, Russia.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Address of the founder and publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.



© Voronezh State Technical University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|--|-----|
| <i>Скуридина С.А.</i> Вступительное слово главного редактора..... | 6 |
| Теоретические и методологические проблемы ономастики | |
| <i>Новикова Д.Д.</i> представление псевдонимов в лексикографической практике..... | 7 |
| Региональные ономастические исследования | |
| <i>Беловцева А.В.</i> Ойконимы-перифразы как элемент формирования имиджа малого туристического города (на примере малых городов Ярославской области)..... | 12 |
| <i>Гайдукова Ю.В.</i> Ойконимия Кантемировского района Воронежской области..... | 18 |
| <i>Николаев Е.Р.</i> Манчаары – имя национального героя якутов (Саха)..... | 23 |
| <i>Можгин К.В.</i> Принципы номинации в микропонимии села Бурляевка Новохопёрского района Воронежской области..... | 26 |
| Имя в пространстве художественного текста | |
| <i>Скуридина С.А.</i> Зооморфная свадебная символика апеллятивно-онимного единства в произведениях Ф.М. Достоевского..... | 31 |
| <i>Бугакова Н.Б.</i> Роль терминов родства в формировании ономастического пространства романа «Чевенгур»..... | 37 |
| <i>Беляева М.Ю.</i> Этиология изменений антропонимов в романе «Лондон» Э. Резерфорда..... | 42 |
| <i>Трубицина Н.А.</i> Топонимика Парижа в рассказе И.А. Бунина «Богиня разума»..... | 46 |
| <i>Богословская Н.А.</i> Африканские онимы как маркеры африканского сверхтекста..... | 52 |
| <i>Кондратьев А.С.</i> «Имя судьбы» героев и духовный смысл «Войны и мира» Л.Н. Толстого..... | 58 |
| <i>Карташова Е.Н.</i> Термины родства как элемент номинации персонажей в произведениях В.М. Шукшина..... | 62 |
| <i>Кормилаева А.А.</i> Ономастикон рассказа Ю.Буйды «Все больше ангелов» как способ интерпретации художественного текста..... | 66 |
| <i>Титова А.С.</i> Прагматика художественного прецедентного имени (лингвокультурологический комментарий к текстам-реципиентам поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»)..... | 71 |
| <i>Хотакко В.А.</i> Роман Ф.М. Достоевского «Бесы»: художественная антропология и ономастическая палитра..... | 76 |
| <i>Разумкова Н.В.</i> Текстовые единицы с антропонимическим компонентом в лирическом наследии Осипа Мандельштама..... | 80 |
| <i>Обухова Е.С.</i> Особенности перевода некоторых брендов в романе И. Петрова и Е. Петрова «Двенадцать стульев» на македонский язык..... | 85 |
| Прагматический аспект имятворчества | |
| <i>Шевченко Т.С.</i> Растительный и животный код культуры в русских прагматонимах (на примере названий изделий Павловопосадской платочной мануфактуры)..... | 91 |
| <i>Щукина Д.А., Минченкова К.Р.</i> Географическая карта как источник ономастической информации о месторождениях полезных ископаемых..... | 97 |
| Онимная периферия | |
| <i>Островерхая И.В.</i> Маскулинные фелисонимы, мотивированные белым цветом денотата..... | 102 |
| Правила оформления статей | 108 |

CONTENTS

| | |
|--|-----|
| <i>Skuridina S.A.</i> Opening remarks of the chief editor | 6 |
| <i>Theoretical and methodological problems of onomastics</i> | |
| <i>Novikova D.D.</i> The representation of pseudonyms in lexicographic practice..... | 7 |
| <i>Regional onomastic studies</i> | |
| <i>Belovtseva A.V.</i> Oikonyms-periphrases as an element of forming the image of a small tourist city (on the example of small cities in the Yaroslavl region)..... | 12 |
| <i>Gaidukova Yu.V.</i> Oikonymy of the Kantemirovsky district of the Voronezh region..... | 18 |
| <i>Nikolaev E.R.</i> Manchaary is the name of national hero of the Yakuts (Sakha)..... | 23 |
| <i>Mozhin K.V.</i> Principles of nomination in the microtoponymy of the Burlyayevka village of Novokhopersky district of Voronezh region..... | 26 |
| <i>Name in the literary text space</i> | |
| <i>Skuridina S.A.</i> Zoomorphic wedding symbols are appealing-they have a lot of unity in the works of F.M. Dostoevsky..... | 31 |
| <i>Bugakova N.B.</i> The role of kinship terms in the formation of the onomastic space of the novel “Chevengur”..... | 37 |
| <i>Belyaeva M.Y.</i> Etiology of changes in anthroponyms in the novel “London” by E. Rutherford..... | 42 |
| <i>Trubitsina N.A.</i> Toponymy of Paris in I.A. Bunin’s short story “The goddess of reason”..... | 46 |
| <i>Bogoslovskaya N.A.</i> African onyms as markers of the African supertext..... | 52 |
| <i>Kondratiev A.S.</i> “The name of fate” of the heroes and the spiritual meaning of “War and peace” by L. Tolstoy..... | 58 |
| <i>Kartashova E.N.</i> Kinship terms as an element of character nomination in the works of V.M. Shukshin..... | 62 |
| <i>Kormilaeva A.A.</i> Onomasticon of Y. Buida’s short story “More and more angels” as a way of interpreting a literary text..... | 66 |
| <i>Titova A.S.</i> The pragmatics of an artistic precedent name (linguistic and cultural commentary on the recipient texts of N.V. Gogol’s poem “Dead souls”)..... | 71 |
| <i>Hotakko V.A.</i> F.M. Dostoevsky’s novel “Demons”: artistic anthropology and onomastic palette..... | 76 |
| <i>Razumkova N.V.</i> Text units with antroponimal component in the lyrical heritage of Osip Mandelshtam..... | 80 |
| <i>Obukhova E.S.</i> Peculiarities of translating some brands in the novel by I. Ilf and E. Petrov “The twelve chairs” into the Macedonian language..... | 85 |
| <i>Pragmatic aspect of name creation</i> | |
| <i>Shevchenko T.S.</i> The plant and animal code of culture in Russian pragmatonyms (using the example of the names of products of the Pavlovo Posad shawl manufactory)..... | 91 |
| <i>Shchukina D.A., Minchenkova K.R.</i> Geographical map as a source of onomastic information about mineral deposits..... | 97 |
| <i>Onym periphery</i> | |
| <i>Ostroverkhaya I.V.</i> Masculine feliconyms motivated by the white color of the denotation..... | 102 |
| <i>Layout of the articles</i> | 108 |

Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей второй выпуск научного журнала «Ономастический вестник» Воронежского государственного технического университета, который включает работы, посвященные актуальным проблемам ономастики, прозвучавшие на I Всероссийской ономастической конференции с международным участием «Воронежские ономастические чтения» 18 февраля 2025 года.

Научный журнал состоит из следующих разделов: I – «Теоретические и методологические проблемы ономастики», II – «Региональные ономастические исследования», III – «Прагматический аспект имятворчества», IV – «Имя в пространстве текста», V – «Онимная периферия». Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 20 научных работ.

В разделе «Теоретические и методологические проблемы ономастики» представлена статья, рассматривающая псевдонимы в лексикографической практике (*Д.Д. Новикова*).

Раздел «Региональные ономастические исследования» содержит статьи авторов, исследующих ойконимию малых городов Ярославской области (*А.В. Беловцева*) и Кантемировского района Воронежской области (*Ю.В. Гайдукова*), обращающихся к имени национального героя якутов (Саха) Манчаары (*Е.Р. Николаев*), устанавливающих принципы номинации в микропонимии села Бурляевка Новохопёрского района Воронежской области (*К.В. Можин*).

В разделе «Имя в пространстве текста» представлены работы, выделяющие зооморфную свадебную символику апеллятивно-онимного единства в качестве одного из принципов ономастического кода произведений Ф.М. Достоевского (*С.А. Скуридина*), выявляющие роль терминов родства в формировании ономастического пространства романа «Чевенгур» (*Н.Б. Бугакова*), рассматривающие этиологию изменений антропонимов в романе «Лондон» Э. Резерфорда (*М.Ю. Беляева*), представляющие топонимику Парижа в рассказе И.А. Бунина «Богиня разума» (*Н.А. Трубицина*) и «имя судьбы» героев и духовный смысл «Войны и мира» Л.Н. Толстого (*А.С. Кондратьев*), изучающие африканские онимы как маркеры африканского сверхтекста (*Н.А. Богословская*) и термины родства как элемент номинации персонажей в произведениях В.М. Шукшина (*Е.Н. Карташова*), обращающиеся к ономастикону рассказа Ю.Буйды «Все больше ангелов» как способу интерпретации художественного текста (*А.А. Кормилаева*), прагматике художественного прецедентного имени на ономастическом материале поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» (*А.С. Титова*), художественной антропологии и ономастической палитре романа Ф.М. Достоевского «Бесы» (*В.А. Хотакко*), текстовым единицам с антропонимическим компонентом в лирическом наследии О. Мандельштама (*Н.В. Разумкова*), особенностям перевода некоторых брендов в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» на македонский язык (*Е.С. Обухова*).

Раздел «Прагматический аспект имятворчества» содержит работы, представляющие растительный и животный коды культуры в русских прагматонимах (на примере названий изделий Павловопосадской платочной мануфактуры) (*Т.С. Шевченко*) и рассматривающие географическую карту как источник ономастической информации о месторождениях полезных ископаемых (*Д.А. Щукина, К.Р. Минченкова*).

В разделе «Онимная периферия» описываются маскулинные фелисонимы, мотивированные белым цветом денотата (*И.В. Острокверхая*).

Содержащиеся в выпуске 2(2) научные работы затрагивают проблемы современной ономастики, рассматриваемые на основе анализа разнопланового материала, что обусловлено особым положением имен собственных в языке. Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, историкам, географам, преподавателям русского языка, литературы и краеведения, учителям школ, гимназий и лицеев, аспирантам, магистрантам и студентам, а также всем, кого интересует имя как знаменательный элемент лингвокультуры.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук



С.А. Скуридина



**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ОНОМАСТИКИ
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL
PROBLEMS OF ONOMASTICS**

УДК 81'373.23

Д.Д. Новикова

Воронежский государственный университет

(Воронеж, Российская Федерация)

e-mail: novikova.darya28@yandex.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПСЕВДОНИМОВ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

В статье представлен обзор основных лексикографических трудов в области псевдономастики. Предметом анализа являются словари, содержащие информацию о псевдонимах и их особенностях. Описана макро- и микроструктура анализируемых словарей. Делается вывод о необходимости не только дополнения и обновления лексикографического пласта псевдономастики, но и разработки новых словарей псевдонимов, соответствующих современной научной проблематике.

Ключевые слова: псевдоним, антропоним, ономастика, словарь, лексикография.

D.D. Novikova

Voronezh State University

(Voronezh, Russian Federation)

e-mail: novikova.darya28@yandex.ru

THE REPRESENTATION OF PSEUDONYMS IN LEXICOGRAPHIC PRACTICE

The article provides an overview of the main lexicographical works in the field of pseudonomastics. The subject of the analysis is dictionaries containing information about pseudonyms and their features. The macro- and microstructure of the analyzed dictionaries is described. It is concluded that it is necessary not only to supplement and update the lexicographic layer of pseudonomastics, but also to develop new dictionaries of pseudonyms corresponding to modern scientific problems.

Keywords: pseudonym, anthroponym, onomastics, dictionary, lexicography.

Значимость словарей в гуманитарных исследованиях трудно переоценить. Лексикографическое описание неформальных антропонимов помогает в первую очередь установить связь между псевдонимом и реальной личностью. Это является важным инструментом для изучения биографий не только писателей, но и художников, политических и общественных деятелей и других публичных людей, использовавших псевдонимы для изменения своего подлинного имени по различным причинам. Также словари позволяют отследить цель и причины сокрытия реального имени в разные исторические периоды. Например, популярность псевдонимов в советское время обусловлена цензурными ограничениями, в то время как в XXI веке псевдонимы чаще служат для создания определенного образа. Лексикографическое описание псевдонимов способствует сохранению культурного наследия: именно псевдонимы становятся частью общественного сознания, отражая не только уникальные особенности определенной культуры, но и исторические изменения в разные эпохи.

В данной работе проанализированы преимущественно отечественные словари псевдонимов от конца XIX века до современных изданий. Выбор словарей обусловлен исторической зна-

чимостью, подходом составителя к созданию лексикографического труда, а также характером содержащейся информации.

1. Одним из самых первых словарей в области псевдономастики можно считать труд В.С. Карцова и М.Н. Мазаева «*Опыт словаря русских писателей*», изданный в 1891 году. Данный словарь представляет собой сборник псевдонимов русских писателей рубежа XVIII – XIX веков. Составители отмечают, что в издании зафиксированы не только псевдонимы известных авторов, но и псевдонимы «мелких» писателей. В работу вошло более 4000 псевдонимов, что для конца XIX века является значительным и, безусловно, ценным трудом [2, с. 7].

Что касается структуры, то словарь разделен на 5 условных блоков: псевдонимы русского алфавита, псевдонимы латинского алфавита, псевдонимы греческого алфавита, псевдонимы в числовом формате, а также псевдонимы, представленные в виде различных знаков. Псевдонимы в словаре упорядочены в алфавитном порядке. Словарная статья выглядит следующим образом: псевдоним (в скобках указывается произведение, в котором зафиксирован данный оним, а также год выхода публикации) – подлинное имя писателя. Стоит отметить, что дополнительная информация о писателе, содержащая биографические данные, в словарной статье отсутствует. Псевдоним обычно включает в себя фамилию и инициалы, причем сначала идет фамилия, а затем инициалы. Если псевдоним состоит из инициалов и сокращенной формы фамилии, то он помещается в алфавит по первой букве фамилии, а инициалы ставятся после, отделяясь запятой [2, с. 7]. Например, псевдоним «Н. Н. Л-ъ», использовавшийся К. Н. Леонтьевым, нужно искать как «Л-ъ Н. Н.».

Важно отметить, что словарь обладает огромной научной ценностью в первую очередь для литературоведов, так как именно в данном издании можно найти уникальные сведения об известных писателях. Так, например, здесь можно найти малоизвестные псевдонимы А.С. Пушкина, такие как «Ст. Ар.», «Крс.» и другие.

2. Значимым трудом в отечественной псевдономастики является работа Ивана Филипповича Масанова – «*Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей*». Данный словарь можно рассматривать как некий универсальный справочник, служащий основой для различных филологических исследований в области антропоники. Он является результатом более чем сорокалетней работы И. Ф. Масанова. Работа над созданием словаря началась в 1900 году, в 1904 году сделана первая попытка опубликовать словарь: были напечатаны несколько листов, однако составитель остановил публикацию, решив более тщательно изучить материал. В последующие годы автор словаря усердно занимался сбором и исследованием материала, и уже в середине 40-х годов была предпринята попытка опубликовать сокращенное издание словаря. Полное же издание было опубликовано сыном умершего И. Ф. Масанова во второй половине XX века и включало все материалы, собранные в период с 1900 по 1945 год [3, т. 1, с. 5-6].

«Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» включает в себя два раздела. В первом разделе (тома 1-3) представлены словарные статьи в алфавитном порядке, отдельно для русских, латинских и греческих псевдонимов: 1 том – псевдонимы русского алфавита от А до И, 2 том (продолжение) – от К до П, 3 том (продолжение) – от Р до Я, а затем псевдонимы латинского и греческого алфавита, псевдонимы с небуквенными обозначениями (астронимы, арабские цифры и другие знаки). Основной частью второго раздела словаря (том 4) является «Алфавитный указатель авторов», в котором после истинного имени приводятся списки псевдонимов, принадлежащих данным лицам. Также во втором разделе приведены новые дополнения и расшифровки к псевдонимам, выявленным по последним источникам [3, т. 1, с. 6]. В словарной статье, помимо псевдонимов и подлинных имен людей, скрывавшихся за ними, приводится следующая информация: годы жизни, род занятий, публикации (если это литературные деятели и журналисты), некоторые произведения, для женщин указывается также фамилия до замужества. Важным является наличие ссылки на источник информации.

Стоит отметить некоторые особенности словаря. Вступительная статья Всесоюзной книжной палаты в начале первого тома нацелена на объяснение того, как продуктивно пользоваться словарем. Помимо отечественных деятелей, в словарь включены зарубежные авторы, публиковавшиеся в России под псевдонимами. Стоит заметить, что в словарь вошли псевдонимы и подписи людей, появившихся только в печатных материалах, в сборнике отсутствуют партийные клички и прозвища, популярные в литературных кружках [3, т. 1, с. 6].

Хотя данный труд обладает огромной научной ценностью, «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» все же имеет некоторые недостатки, которые обусловлены цензурными ограничениями. В условиях первой половины XX века в словарь не были включены псевдонимы некоторых политических деятелей и журналистов, оказавшихся в немилости у советской власти. Помимо этого, в словарь не вошли псевдонимы, которые встречались в зарубежных русских изданиях в силу недоступности самих изданий, что было также обусловлено политической ситуацией [5, с. 7-8].

3. В течение долгого времени после издания четырехтомного словаря И.Ф. Масанова в области псевдономастики не появлялось ни одной работы, сопоставимой по научной ценности. Весомый вклад в развитие отечественной псевдономастики внес немецкий литературовед и русист Манфред Шруба. Его работа «*Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917-1945)*» стала своего рода дополнением к словарю И.Ф. Масанова, заполнившее возникшие в нем пробелы.

Данный словарь представляет собой специализированный справочник, освещающий проблему псевдонимов определенного исторического периода: 1917-1945 гг. Однако в словаре также включены сведения, выходящие за временные рамки данного периода. В частности, в словаре фиксируются послевоенные псевдонимы довоенных деятелей русского зарубежья (в таких случаях псевдонимы помечаются пометой «послевоенный псевд.»); некоторые дореволюционные псевдонимы деятелей первой волны эмиграции (такие псевдонимы помечаются пометой «дореволюционный псевд.») [5, с. 10]. Кроме этого, в словаре присутствуют псевдонимы, употребляемые в несоветской печати юга России конца 1910-х годов. Помимо временных рамок, словарь ограничивается описанием псевдонимов русской эмиграции только в Европе, включая Ближний Восток, Кавказ и Турцию. Под «русским зарубежьем» автор понимает всех тех людей, кто как-либо причастен к русской культуре, кто является носителем русского языкового сознания, а также тех, происхождением которых является Российская Империя, включая территории, которые после 1917 года стали независимыми или отошли к другим государствам [5, с. 10-11]. В «Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917-1945)» включены псевдонимы деятелей русского зарубежья, к которым относятся писатели, общественные и политические деятели, а также художники и журналисты, которые по тем или иным причинам эмигрировали в Европу. Важно отметить, что в словарь фиксируются не только псевдонимы русских эмигрантов, но и тех людей, чьи имена встречаются в зарубежных изданиях. В работе в основном учтены псевдонимы людей первой волны эмиграции, включая Вторую мировую войну [5, с. 8].

Несколько слов скажем о структуре издания. Словарь разделен на несколько частей: вступительная статья, где содержится информация об истории создания труда, о структуре, об использованных источниках; основная часть, которая делится на разделы «псевдонимы» (указатель псевдонимов) и «автонимы» (именной указатель носителей псевдонимов), а также приложение, куда входит список неопознанных псевдонимов и список изученных изданий.

Основной раздел словаря – указатель псевдонимов. Словарные статьи расположены в алфавитном порядке: сначала псевдонимы на кириллице, затем псевдонимы на латинице, а также графониимы. В рамках одного алфавита сначала приводятся усеченные псевдонимы (например, инициалы (М. В., А.), а затем полные формы онимов. Каждая словарная статья состоит из двух частей (абзацев). В первом абзаце указаны псевдоним и соответствующий ему автоним, во втором – информация о псевдониме (факультативна) и указание на источник атрибуции (обязательно). В информационной части словарной статьи могут быть представ-

лены следующие сведения: этимология псевдонима, морфология, причины выбора. Вопросительный знак в скобках после автонима указывает на то, что псевдоним атрибутирован предположительно [5, с. 21-23].

Второй раздел словаря (указатель автонимов) содержит информацию о носителях псевдонимов. Словарные статьи также расположены в алфавитном порядке. Каждая статья делится на две части: на биографическую аннотацию и перечень псевдонимов. В части биографической аннотации может содержаться следующая информация о владельце псевдонима: 1) подлинное имя (ФИО, вариации имени); 2) дворянский титул; 3) альтернативные имена (например, у женщин указывается девичья фамилия); 4) дата и место рождения; 5) область знаний; 6) семейные связи с другими лицами, которые есть в словаре; 7) начало эмиграции; 8) информация об эмигрантской жизни (например, с сентября 1921); 9) издательская деятельность; 10) участие в эмигрантских политических движениях; 11) особые обстоятельства смерти. Во второй части словарной статьи второго раздела, как отмечено, содержится перечень псевдонимов, принадлежащий именно этому автонуиму [5, с. 23-28].

4. Также стоит отметить работу Сергея Подсевакина под названием «*Энциклопедический словарь псевдонимов*». Этот словарь впервые увидел свет в 1999 году в Воронеже, а потом был переиздан в 2009 году. В данном издании представлено более 2500 псевдонимов, однако, по словам автора, это не полное издание, работа над словарем продолжается, и в будущем запланировано его полное переиздание [4, с. 4-5]. В введении Сергей Подсевакин пишет об истории всемирной псевдономастики, о причинах сокрытия подлинного имени: боязнь преследования, неблагозвучность, веяние моды, наличие однофамильцев и так далее.

Словарь представляет собой обширный список антропонимов, в котором содержится не только литературные псевдонимы, но псевдонимы политических деятелей, ученых, музыкантов, художников, а также актеров и артистов. Нельзя не отметить, что в словаре отсутствует разделение на отечественные и зарубежные псевдонимы, кроме того, временные границы также не установлены: в словаре соседствуют псевдонимы, относящиеся как к середине XVIII века (например, Анти Дювернуа), так и к современности (например, Мадонна).

Согласно названию, словарь носит энциклопедический характер: словарные статьи достаточно подробные, автор делает акцент не на причинах сокрытия подлинного имени или способах создания антропонима, а на личности, скрывающейся за псевдонимом. Статьи расположены в алфавитном порядке, каждая статья начинается с псевдонима, который представлен в виде фамилии, имени и отчества (факультативно); в скобках прописывается истинное имя человека. Далее следует краткая биография: годы жизни, место рождения, социальное положение, образование и достижения. Если обладатель псевдонима – писатель, то перечислены его произведения, если – певец, то приводятся самые известные альбомы и так далее. Также встречаются цитаты в словарных статьях, так, например, к биографической справке псевдонима В. И. Ленина приводится цитата Н. К. Крупской, объясняющая причины выбора именно такого антропонима: «... Ленские события были уже после того, как он взял себе этот псевдоним. На Лене он в ссылке не был. Вероятно, псевдоним был выбран случайно...» [4, с. 161-162].

Важной особенностью данного труда является разнообразие использованных источников. В процессе работы над словарем псевдонимов были использованы энциклопедии, литературные музыкальные словари, а также словари кино и театра, помимо этого, в качестве материалов использованы научные труды В. Г. Дмитриева такие, как «Скрывшее свое имя» и «По стране Литературии. Этюды» [4, с. 351].

5. Также стоит обратить внимание на труд Т. Ф. Вединой и Н. В. Лебедевой «*Тайны псевдонимов: словарь для любознательных*». Концепция словаря – не просто фиксация реального имени человека, использующего псевдоним, но и описание обстоятельств использования неформального имени, скрывающего настоящее лицо. В преамбуле словаря находится ознакомительная статья «Скрывать свое имя – зачем?», где авторы описывают частотные причины сокрытия

реального имени. Также указываются и способы, с помощью которых создавались псевдонимы [1, с. 3-12].

Книга ориентирована на широкий круг читателей, поскольку носит научно-популярный характер, цель которого не описать всевозможные псевдонимы, а познакомить читателей с реальными именами всем известных людей. Личности людей, входящие в сборник псевдонимов, неоднозначны: нет ранжирования по времени и стране, поэтому в словаре легко встретить как выдающегося театрального деятеля советского времени, например, Станиславского, так и всемирно известного ученого эпохи Возрождения, например, Эразма Роттердамского. Наряду с этим, словарь имеет некоторые разделы: псевдонимы в литературе, псевдонимы в искусстве, псевдонимы ученых; псевдонимы религиозных деятелей; псевдонимы политических и общественных деятелей.

Большую часть словаря составляют литературные псевдонимы, где подробно описываются причины сокрытия реального имени, и способы, с помощью которого создавались псевдонимы самых известных писателей таких, как Анна Ахматова, Марк Твен, Максим Горький, Стендаль, Саша Черный и т.д. Также немалую часть словаря составляет псевдонимы деятелей искусства, среди которых художники, архитекторы, музыканты, артисты, актеры театра и кино.

Стоит отметить, что в словарной статье не только указываются причины и способы использования псевдонима, но и краткая информация о человеке: кем является, где родился, годы жизни.

Таким образом, несмотря на значительные труды в области псевдономастики, проблема лексикографического описания псевдонимов остается актуальной. Остро стоит вопрос создания словарей, охватывающих не только литературные псевдонимы, но и сценические имена (псевдонимы артистов и актеров), псевдонимы общественных и политических деятелей, а также псевдонимы деятелей искусства. Важно отметить, что в отечественной ономастике также отсутствует лексикографическое описание современных псевдонимов (псевдонимы XXI века). Ощутима потребность не только обновления и дополнения уже изданных лексикографических работ в области псевдономастики, но и разработки новых словарей псевдонимов, соответствующих современной научной проблематике.

Библиографический список

1. Ведин Т.Ф., Лебедева Н.В. Тайны псевдонимов: словарь для любознательных. М.: «Русский язык» Курсы: Флинта, 2003. 232 с.
2. Карцова В.С., Мазаева М.Н. Опыт словаря русских писателей. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1891. 158 с.
3. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 1–4. М.: 1956-1960.
4. Подсеваткин С.Н. Энциклопедический словарь псевдонимов. 2 изд. Воронеж: Научная книга, 2009. 351 с.
5. Шруба М. Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917-1945). М.: Новое литературное образование, 2018. 1059 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Новикова Дарья Дмитриевна,
магистрант филологического факультета
Воронежского государственного университета;
SPIN-код 8796-9830;
e-mail: novikova.darya28@yandex.ru

Novikova Darya Dmitrievna,
Master's student at the Faculty of Philology
of Voronezh State University;
SPIN-код 8796-9830;
e-mail: novikova.darya28@yandex.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ REGIONAL ONOMASTIC STUDIES

УДК 811.161.1'373.211

А.В. Беловцева

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
(Ярославль, Российская Федерация)
e-mail: belovceva2012@mail.ru*

ОЙКОНИМЫ-ПЕРИФРАЗЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА МАЛОГО ТУРИСТИЧЕСКОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ МАЛЫХ ГОРОДОВ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье рассматриваются особенности формирования и функционирования ойконимов-перифраз малых туристических городов Ярославской области. Автор анализирует подходы к созданию локальных брендов этих населенных пунктов, особенности выражения образов в названиях. Представлены примеры создания метафорических оборотов городов Гаврилов-Яма, Ростова Великого, Мышкина, Пошехонья, Тутаева, Углича.

Ключевые слова: топонимика, неофициальное название, неофициальный топоним, малый город, образ города, имидж города, туризм, туристический потенциал.

A. V. Belovtseva

*Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky
(Yaroslavl, Russian Federation)
e-mail: belovceva2012@mail.ru*

OIKONYMS-PERIPHRASES AS AN ELEMENT OF FORMING THE IMAGE OF A SMALL TOURIST CITY (ON THE EXAMPLE OF SMALL CITIES IN THE YAROSLAVL REGION)

The article examines the features of the formation and functioning of oikonyms-periphrases of small tourist towns in the Yaroslavl region. The author analyzes approaches to the creation of local brands in these localities, the features of the expression of images in the names. Examples of creating metaphorical turns of the cities of Gavrilov-Yama, Rostov the Great, Myshkin, Poshekhonya, Tutaev, and Uglich are presented.

Keywords: toponymy, unofficial name, unofficial toponym, small town, image of the city, image of the city, tourism, tourist potential.

В последние несколько десятилетий внутренний туризм в России приобрёл значительную популярность. Это явление охватывает различные категории городов, включая малые и средние населенные пункты. Популярность крупных культурно-исторических центров (Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Ярославля и др.) и курортных городов (Сочи, Ялты и др.) вполне очевидна. Причины повышенного интереса к малым провинциальным городам, на первый взгляд, не совсем понятны. Туристический спрос на них объясняется множеством факторов, одним из которых является грамотно выстроенный имидж населенного пункта: уникальная атмосфера спокойствия и взаимодействия человека с природой и первозданным ландшафтом, значимые исторические и культурные хранилища, своеобразные музеи под открытым небом, принимавшие непосредственное участие в становлении российского государства и формировании национальной идентичности [см.: 5; с. 129-130].

Имидж города – это комплекс ассоциативных представлений, виртуальный образ, су-

шествующий в сознании потребителя туристических услуг, направленный на создание определённого впечатления. В отличие от социальных стереотипов имидж является управляемым феноменом, он может быть искусственно скорректирован для достижения желаемого восприятия и подчеркивания достоинств объекта и сокрытия его недостатков, либо формироваться стихийно, что иногда приводит к возникновению отрицательных ассоциаций. Для успешного привлечения туристов к малым провинциальным городам необходима их широкая информационная поддержка в СМИ и Интернете, при этом туристические блоги, форумы и социальные сети играют важную роль в формировании положительного имиджа населенного пункта.

Одним из способов формирования имиджа населенного пункта является использование ярких метафорических топонимов-перифраз, основанных на исторических, культурных и географических особенностях населённых пунктов, что способствует созданию уникального имиджа города, формированию его региональной идентичности [2].

В данной статье мы рассмотрим эту проблему на примере брендов малых городов Ярославской области. Отдельные населенные пункты региона (например, Данилов и Любим) не имеют чётко продуманного рекламного образа, что ставит под сомнение их туристическую привлекательность.

С помощью анализа сайтов в Интернете нами были найдены следующие примеры рекламных ойконимов-перифраз городов Ярославской области: *Страна Ямщика* (о Гаврилов-Яме); *Город мышей, Мышиная столица, Мышиное царство* (о Мышкине); *Город пяти рек и семи мостов, Родина русского анекдота* (о Пошехонье); *Первая столица Северо-Восточной Руси* (о Ростове Великом); *Жемчужина на Волге, Город на семи холмах* (о Тутаеве); *Город царевича Дмитрия, Город на реке времени, Город на углу Волги* (об Угличе). Рассмотрим указанные выше примеры подробно.

Перифраз *Страна ямщика*, используемый для номинации Гаврилов-Яма, встречается на сайте «Живое наследие. Национальная карта локальных культурных брендов России»: «По рассказам и легендам <...> Гаврилов-Ям был создан <...> простым ямщиком, которого звали Гаврилой. Он содержал ям (почтовую станцию) и постепенно развивал город. Вся история происхождения и развития Гаврилов-Ямской земли тесно связана с историей настоящих русских дорог – именно тут проходили важные тракты, торговые пути, региональные и федеральные трассы. Уже в конце XVI века Гаврилов-Ям обозначали как станцию ямской службы, о чём свидетельствуют официальные документы. Местные извозчики служили дорогам, чем зарабатывали и кормили свои семьи. Ямская работа даже в самые тяжелые времена была налажена отлично и выполнялась прекрасно. Такая работа на русских дорогах всегда была рискованной и опасной: она обязывала ямщиков к силе, храбрости и мужеству, и брали на эту работу только самых отважных, ответственных и рослых. В 2005 г., с развитием туризма, дорожная тема легла в основу процветания города, она стала особенностью, которая отличала небольшой городок из глубинки от похожих» [6].

Исторически достоверной информации о происхождении топонима в заметке не приведено, поэтому мы можем говорить о намеренном продумывании истории города. За основу берётся ключевой персонаж – *ямщик Гаврила*, с помощью введения которого развивается «дорожная», ямщицкая, почтовая тема, привлекаются связанные с этим графические образы: *телега, колесо, подкова, лошадь*. Поддержание городского бренда осуществляется за счёт ключевых достопримечательностей и мероприятий: «чудеса “СТРАНЫ ЯМЩИКА” – это и ямщицкий погодный камень, который рассказывает погоду; и колесо времени, символизирующее движение и силу и предсказывающее Вашу судьбу <...>. СТРАНА ЯМЩИКА сохранила всевозможные музеи, включая уникальный, единственный в России Музей Ямщика, где находится конный двор. ... Окунаясь в былое, изучив историю и легенды, жители города в 2011 году придумали и организовали фестиваль дорожной песни “СТРАНА ЯМЩИКА” (который стал обладателем гран-при национальной премии в сфере событийного туризма “RUSSIAN EVENT AWARDS – 2014”, как лучший проект в области культуры)» [6]. Герб го-

рода подтверждает локальную идентичность: «Конская дуга с колокольчиком указывает на историческое название города, связанное с поселением ямщиков на тракте Москва, Суздаль, Ярославль. Ромбы символизируют ткацкие челноки, то есть промышленность города...» [1]. Заметим, что не менее важной исторической специализацией края была льняная промышленность, однако «текстильные города» близ Ярославской области уже есть – это Иваново и Кострома, поэтому любые попытки использования подобного перифразы были бы неудачными.

Анализируемый ойконим-перифраз, сконструированный из компонентов легенды (антропоним – *Гаврила*, деятельность – *ямицкая перевозка, транспортировка* + гипогипероним места: *город/край/страна*), образует полноценный бренд города (ключевой основатель / первопоселенец, специализация края, образы-ассоциации, наталкивающие на достопримечательности населённого пункта). Несмотря на кажущуюся логичность, связность образа, город не очень популярен у туристов. Ярославцы же пренебрежительно называют его *Гаврилка, Гаврюшка*, иногда и вовсе – *Говноям*, что обусловлено плохим качеством проезжей части внутри города.

Туристический имидж города Мышкина ранее уже рассматривался специалистами. В. М. Ленская отмечала, что «отсчёт становления туристической отрасли в Мышкине начинается с первого «Фестиваля Мыши 1996», для которого и была придумана легенда о появлении названия города. Мышкин стал музеем под открытым небом с известным брендом, созданным с нуля. В городе планомерно создают сказочное мышинное царство. Мыши появились везде и всюду, начиная от самого известного Музея Мыши, где собраны более 10000 мышей экспонатов, до информационных указателей. Грамотное продвижение в средствах массовой информации привлекло постоянный поток российских и иностранных туристов» [9]. Акцент на простом образе оказался продуктивным и успешным: «Построены гостиницы и рестораны: “Кошкин дом”, “Мышеловка”, “Мышкино подворье”, действует туристическое бюро “Мышгород”, муниципальный туристский комплекс “Мышкины палаты”, служба такси “Mouse City”. ... проводятся международный фестиваль мыши, фестиваль “Русские валенки” и другие. В 2006 году был учрежден Орден мыши – высшая награда Мышкина» [12]. В Интернете можно найти несколько метафорических ойконимов-перифраз, так или иначе развивающих мышиную историю города: *Мышиное царство* («**Мышиное царство** (город Мышкин) входит в «медвежью империю» (в Ярославскую область)» [15]; «*Ну разве кто подумать мог, / Что славу принесут простые / мышки? “Мышиным царством” назовут / Красивый русский город Мышкин*» [7]), *Город мышей* («*Мышкин, прозванный “Город мышей”*», *завораживает своей необыкновенной атмосферой и музеями, посвященными этим милым животным. Именно в Мышкине можно увидеть единственный в России «Мышинный дом»* [16]); *Мышиная столица* («*В полном соответствии с названием, здесь процветает настоящий «мышинный культ», а сам крохотный городок пользуется репутацией «мышинной» столицы мира*» [12]).

У города Пошехонье нами выявлено два метафорических ойконима-перифразы, первый из них связан с географическими особенностями территории, второй – с его населением. Интересно, что сырная тема в них не обыгрывается, хотя, как отмечает в своём интернет-блоге Павел Кремнев (псевдоним *dibazollll*), у обычных людей иных ассоциаций с г. Пошехонье не возникает [22]. Автор в своём блоге употребляет географический топоним-перифраз населённого пункта: «*Пошехонье называют городом пяти рек и семи мостов. Самая крупная из них – Согожа, которая через несколько километров по течению впадает в Шекснинский рукав Рыбинского водохранилища. Остальные четыре – поменьше: Сога, Пертомка, Шельша и Троицкий ручей*» [22]. Это же название встречается ещё в нескольких интернет-источниках: «*Город стоит аж на пяти реках, которые впадают в Согожу в самом центре города. Поэтому Пошехонье называют «городом пяти рек и семи мостов»*» [13]; «*Пошехонье – не большой город с названием, как у сказочного края, окруженный лесами и водой. Его ещё на-*

зывают **городом пяти рек и семи мостов**. Пошехонская земля славилась тем, что здесь ковали сусальное золото, варили превосходный «Пошехонский» сыр, выращивали богатые урожаи льна» [8]; «Пошехонье – край лесов, сейчас это один из самых маленьких городов Ярославской области. <...> Пошехонцы любовно называют свой город “северной Венецией”: в самом центре Пошехонья три реки сливаются в одну – Сога, Согожа и Пертомка, также в городе протекают Шельша и Троицкий ручей. **Город пяти рек и семи мостов**, благодаря которым Пошехонье неповторимо в своей тихой провинциальной красоте» [17]. В последнем случае мы встречаем еще два названия-перифразы: *северные ворота Ярославля* и *Северная Венеция*, однако популярными они не являются, к тому же в сознании носителей русского языка перифраз *Северная Венеция* прочно «закреплен» за Санкт-Петербургом, поэтому использовать его по отношению к Пошехонью проблематично.

Более интересным является топоним-перифраз *Родина русского анекдота*, который удачно создает образ города и обыгрывает его географические и культурные особенности. Трансформация фольклорного (весёлого глупца) и литературного (тёмного, грубого человека) образов была использована в туристической сфере (авторская орфография и пунктуация сохранены): «*Популярность туристического бренда “Пошехоны-чудаки”*. В настоящее время пошехоны-чудаки – это литературные персонажи, с которыми коренные пошехонцы и гости города встречаются в стране Пошехонии и играют с ними в игры, основанные на анекдотах о древних пошехонцах. Три молодых гида с шутками и прибаутками рассказывают о своем крае. За 2 года (2009–2010) пошехонские чудачки стали узнаваемым туристическим брендом, источником которого являются сказки про пошехонов. Собрательные образы расторопных пошехонских мужичков заслужили неподдельный интерес и любовь местных жителей и туристов» [14].

Об имиджевых наименованиях города Ростов Великий мы нашли мало информации. Единственное метафорическое название, которое удачно характеризует город, – *первая столица Северо-Восточной Руси*: «*Ростов Великий – один из старейших русских городов и первая столица Северо-Восточной Руси (территории, ставшей потом основой централизованного Русского государства)*» [10]. Прочие перифразы, встретившиеся нам в Интернете, оказались слишком общими, применимыми к большому количеству русских городов: *жемчужина Золотого кольца*, *духовный центр*, *город митрополитов*, *город с тысячелетней историей*, *музей под открытым небом*.

Метафорические ойконимы города Тутаева отражают его географические особенности – рельеф и расположение: *Жемчужина на Волге* и *Город на семи холмах*. Интересно, что самое полное перифрастическое название-описание этого населенного пункта звучит следующим образом: «*Город – на семи холмах, семи ключах, семи оврагах. (Народная молва)*» [11].

Углич является одним из наиболее популярных у туристов малых городов Ярославской области. Формирование бренда этого населённого пункта, анализ успешности его имиджа уже были рассмотрены ранее [9; 21]. Нам остаётся лишь подтвердить общее суждение авторов об эффективности развития «исторического» направления, которое проявилось в использовании топонимов-перифраз *Город царевича Дмитрия* [3; 18], *Город на реке времени* [20], *Город на углу Волги* [19].

Таким образом, ойконимы-перифразы малых городов нередко основываются на народных или авторских легендах и исторических персонажах (*Страна Ямщика*), в них используются культурные и исторические события (*Мышиное царство*, *Город мышей*, *Мышиная столица*, *Первая столица Северо-Восточной Руси*), отражаются географические особенности населенных пунктов (*Городом пяти рек и семи мостов*, *Жемчужина на Волге*, *Город на семи холмах*). Подобные описательные обозначения городов играют важную роль в туристическом дискурсе, помогая привлечь туристов и создать положительный имидж города.

Библиографический список

1. Герб города Гаврилов-Ям // URL: <https://geraldika.ru/s/28626> (дата обращения: 11.12.2024).
2. Голомидова М.В. Топонимическое имиджирование городских пространственных объектов // Вопросы ономастики. 2020. Т.17. №3. С. 263-278.
3. Город царевича Димитрия // Седмица.ру. URL: <https://sedmitza.ru/text/1183753.html> (дата обращения: 22.10.2024).
4. Живое наследие. Национальная карта локальных культурных брендов России // URL: <https://livingheritage.ru/> (дата обращения: 30.10.2024).
5. Зайцева А.С. Туристический потенциал малых городов России (на примере Костромской и Ярославской областей) // Современные проблемы и перспективы развития туризма и сферы услуг: Сб. статей Всерос. научно-практ. конф., Владимир, 10 ноября 2022 года / под общей редакцией И.Ф. Жуковской. Владимир: Издательско-полиграфическая компания «Транзит-ИКС», 2022. С. 129-133.
6. Иродова А.С. Гаврилов-Ям – «Страна ямщика» // URL: <https://livingheritage.ru/brand/yaroslavskaya-oblast/gavrilov-yam-strana-yamshhika> (дата обращения: 30.10.2024).
7. Искандарян М. Город Мышкин // URL: <https://www.chitalnya.ru/users/marisk3/photoalbum/7323/> (дата обращения: 31.10.2024).
8. Культура Ярославии // URL: <https://m.ok.ru/group/55263045156966/topic/153313217767526> (дата обращения: 17.11.2024).
9. Ленская В.М. Развитие туризма в малых городах России // Молодой ученый. 2020. №20. С. 380-383.
10. Максимов А. Ростов и Ростовский кремль // URL: <https://livingheritage.ru/brand/yaroslavskaya-oblast/rostov-i-rostovskij-kreml> (дата обращения: 13.11.2024).
11. «Мы с тобой два берега у одной реки»: удивительный город Тутаев // URL: <https://www.personalguide.ru/articles/rossiya/my-s-toboy-dva-berega-u-odnoy-reki-udivitelnyy-gorod-tutaev> (дата обращения: 12.11.2024).
12. Мышкин // URL: <https://tonkosti.ru/%D0%9C%D1%8B%D1%88%D0%BA%D0%B8%D0%BD> (дата обращения: 13.11.2024).
13. Пошехонье: а у нас не как у вас // URL: <https://chemodanus.ru/news/poshekhone-a-u-nas-ne-kak-u-vas/> (дата обращения: 31.10.2024).
14. Прошлое и настоящее Пошехонского края Ярославской области // URL: <https://goo.su/EErB> (дата обращения: 20.10.2024).
15. Путешествие в мышиное царство // URL: <https://www.yar.kp.ru/daily/24243.4/442494/> (дата обращения: 25.10.2024).
16. Ростов Великий – великий сквозь века. Ярославская область // URL: <https://histrf.ru/read/articles/rostov-velikiy-velikiy-skvoz-veka-yaroslavskaya-oblast> (дата обращения: 22.10.2024).
17. Смирнова Ю. Город пяти рек и семи мостов // Угличе поле. 2017. №1. С. 184–199.
18. Странник С. Углич город царевича Дмитрия // URL: <https://proza.ru/2014/11/18/384?ysclid=m3ev67i5en848073219> (дата обращения: 22.10.2024).
19. ТАМ! Рядом с Петербургом. Городок «на углу» Волги // URL: <https://dzen.ru/a/YARkvNDUOGyFQAo?ysclid=m3ev38bzu2157349693> (дата обращения: 11.10.2024).
20. Углич – город на реке времени // URL: https://xn--b1acldbbu8cj7b.xn--p1ai/pro_uglich/ (дата обращения: 31.12.2024).

21. Щегольков Ю. Ю., Метелкина П. В. Развитие туризма в малых городах России // Мир новой экономики. 2017. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-turizma-v-malyh-gorodah-gossii> (дата обращения: 31.12.2024).
22. Пошехонье – северный угол Ярославской // URL: <https://dibazollll.livejournal.com/53608.html> (дата обращения: 31.10.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Беловцева Анастасия Владимировна,
магистрант кафедры русского языка Яро-
славского государственного педагогического
университета им. К.Д. Ушинского,
SPIN-код: 7321-7347
e-mail: belovceva2012@mail.ru

Belovtseva Anastasia Vladimirovna,
Master's student of the Russian Language De-
partment of the Yaroslavl State Pedagogical
University named after K.D. Ushinsky,
SPIN-code: 7321-7347
e-mail: belovceva2012@mail.ru

УДК. 81.373.211.1

Ю.В. Гайдукова

*Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: grm564@mail.ru*

ОЙКОНИМИЯ КАНТЕМИРОВСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В данной статье объясняется происхождение названий некоторых населенных пунктов Кантемировского района Воронежской области, которые существуют сегодня. В статье представлена научная и народная этимология названий посёлков, сел, деревень и некоторых хуторов.

Ключевые слова: ономастика, ойконимия, микропонимия, оним, название, значение, происхождение, посёлок, село, хутор и т.д.

Yu. V. Gaidukova

*Voronezh State Forestry Engineering University named after G.F. Morozov
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: grm564@mail.ru*

OIKONYMY OF THE KANTEMIROVSKY DISTRICT OF THE VORONEZH REGION

This article explains the origin of the names of some settlements in the Kantemirovsky district of the Voronezh Region that exist today. The article presents the scientific and folk etymology of the names of towns, villages, villages and some farms.

Keywords: onomastics, oikonymy, microtoponymy, onym, name, meaning, origin, settlement, village, farm, etc.

Мы ежедневно используем в речи имена собственные, которые служат для обозначения окружающих нас объектов: природных объектов, населённых пунктов, организаций, произведений искусства и т.д. Наука, изучающая собственные имена существительные – это *ономастика*.

Для познания местных географических названий особый интерес представляют такие разделы ономастики, как *ойконимия* – названия населенных пунктов, к таким объектам относятся посёлки, села, хутора и т.п., и *микропонимия* – названия внутри или вокруг населенных пунктов, к таким объектам относятся луга, поля, улицы, пруды, колодца и т.п.

Кантемировский район – южные «ворота» Воронежской области с неповторимой и интересной историей. Разговор между местными жителями заметно отличается от других районов. Лингвисты считают, что в нашем районе говорят на украинско-русском языке. Но, при этом жители владеют и русским литературным языком. А украинский диалект используют в обиходно-бытовом повседневном общении.

Следует отметить, что хутора и села официально назывались по *имени* владельца земли, а народ по старинке называл их по *фамилиям* владельцев. Например, село официально называется *Федоровка*, а в народе – *Балин* или по-украински *Балын*. Не удивительно, что именно некоторые народные названия становились наиболее употребительными и закреплялись потом и официально. Такую особенность мы наблюдаем в каждом сельском поселении. Из бесед с местными жителями мне удалось узнать о происхождении некоторых местных народных названий.

В первую очередь важно назвать посёлок городского типа *Кантемировка*:

КАНТЕМИРОВКА (Кантеміровка) – административный центр Кантемировского района. У С.А. Попова читаем: «Прежнее название – *Алексеевка*, *Таркановка* (по имени и фамилии первого владельца – генерала *Алексея Тарканова*), *Константиновка* (по имени нового владельца – *Константина Кантемира*)» [6; с. 91]. Своё название Кантемировка получила от Константина Кантемира, принадлежавшего к знатному молдавскому роду. Краевед В.А. Прохоров считает, что фамилия Кантемир происходит от сочетания двух тюркских слов: “хан” и “темир”. Первое слово имеет значение – титул тюркских правителей, второе – тюркское имя Темир – Тимур, что буквально означает “железо” [7; с. 118-119].

Интересны и названия других посёлков:

КОВАЛЕНКОВСКИЙ (Ковалёнковский) – посёлок Осиковского сельского поселения. Прежнее название – село *Коваленково*. Название, может быть, связано с фамилией местного жителя *Коваленков*. Или же происхождение оного связано с тем, что в этом посёлке местные жители в основном занимались ковкой железа. У С.А. Попова зафиксировано название: «КОВАЛЕНКОВСКИЙ – посёлок Кантемировского района, а входит в состав Осиковского сельского поселения. Назван по фамилии первопоселенца» [6, с. 95]. Этимологически слово может быть связано с фамилией *Коваленко* (от укр. и южно-русс. *коваль* – кузнец). В словаре В.И. Даля оно обозначает: «КОВАТЬ железо, ковывать, обрабатывать молотом, давать ему любой вид [3; с. 563].

ОХРОВЫЙ ЗАВОД (Охровый Завод) или ЧЕРВОНЕЦ (Червонец) – посёлок, входящий в состав Журавского сельского поселения. Название связано с расположением здесь *акционерного общества «Журавский охровский завод»*. «Ещё с той поры посёлок Завод “Червонец” стал именоваться Охрозаводом...» [2; с. 3]. «Займств. из польск. *czegwony* “красный”» [11; с. 335].

На территории района встречается большое количество *сел*:

БУГАЁВКА (Бугаёвка) – село Бугаевского сельского поселения. Прежнее название – хутор *Бугай*. Скорее всего, название связано с фамилией первопоселенца *Филиппа Бугаева* или же прозвища *Бугай*. «Название села Бугаёвка – от фамилии или от прозвища “*бугай*” – *сильный, как бык?* Лишь исторические источники могут внести ясность, – отметил Сергей Попов» [9, с. 5]. Прежнее название – хутор *Бугай*.

ВОЛОКОНОВКА (Волоко́новка) – село, входящее в состав Бондаревского сельского поселения. «Вероятно, название села произошло от слова *волок*, которое В.И. Даля трактует как “перегон, расстояние от одной стоянки или смены лошадей до другой; само место пристанища, стан, становище» [3; с. 579]. Но скорее всего от фамилии первопоселенца *Волоконов*.

ГАРМАШЕВКА (Гармашёвка) – село Зайцевского сельского поселения. По одной из версий, фамилия *Гармашов* образована от прозвища *Гармаш*, что в переводе с украинского означает «артиллерист, пушкарь» [6; с. 56]. Очевидно, что основатель рода Гармашовых был мастером, который изготавливал или обслуживал пушки, или артиллеристом.

ЕВДОКИЕВКА (Евдокиёвка) – село Митрофановского сельского поселения. Прежнее название – хутор *Криулин*. «Сейчас это село Евдокиевка. В селе много людей с фамилией Криули, почти в каждой второй семье, даже мои бабушка и дедушка с такой фамилией. Там местный житель жил ... И у него тоже была фамилия Криуля. Вот и назвали *Криуловка*. Улицы не кривые, нет. Вполне ровные» [от Семенцовой В.А.]. «Основано в 1850-х годах. Первопоселенцем был *Василий Криуля*. По его имени долгое время хутор назывался Криулиным. Позднее хутор перешел во владения к помещикам Чертковым. С середины прошлого столетия хутор стал называться *Евдокиевкой*, по имени одного из членов семьи Чертковых» [1; с. 51].

ЖУРАВКА (Жура́вка) – село Журавского сельского поселения. «Основано в 1780-е гг. Село находится при овраге *Журавкине* и своё название получило по нему. А овраг так назван по встречающимся там журавлям» [7; с. 103].

ЗАЙЦЕВКА (Зайцивка) – село Зайцевского сельского поселения. Прежнее название –

хутор Зайчиха. Назван по прозвищу первопоселенца *Ивана Зайца* [7; с. 80]. «Зайцевка в конце XVIII века именовалась хутором Зайчиха. То ли та самая Зайчиха была чересчур бойкой дамой, то ли бедное животное кому-то показалось слишком несерьёзным, но, когда хутор дорос до уровня слободы, переименовали Зайчиху в Зайцевку. Чем уж провинились верные подруги этих широко распространенных зверьков...А может, дело совсем не в зайцах. Может, любящий муж в маленьком хуторке сказал жене, глядя на многочисленное семейство: “Ну, ты у меня и зайчиха!”, а народная молва увековечила эту шутку, навсегда связав ее с этим хуторком. А может, он сказал это с укором» [2; с. 7].

ИВАНОВКА (Ива́новка) – село, входящее в состав Осиковского сельского поселения. Название – по имени владельца *Ивана Куколевского*. «Что касается Ивановки, то она раньше называлась *хутор Куколевский*, думаю, по фамилии острогожского сотника, который был замешан в не очень чистой истории возникновения по подложной купчей слободы Константиновки-Кантемировки» [инф. от Грушovenко Л.Н.]. И действительно, читаем об этом у Е.П. Романова: «Хутор влад., отмечен на карте Шуберта... В 1887 году принадлежал Шуриновской волости... Свое название получил по имени помещика Ивана Янова...Сейчас хутор находится на территории Кантемировского района» [8; с. 135]. «Сначала [хутор Ивановка] имел название *Клубовка*. По документам он известен с 1773 года. Название получил по имени *майора Ивана Куколевского*» [7; с. 108].

КОЛЕСНИКОВКА (Колеснико́вка) – село, входящее в состав Зайцевского сельского поселения. «Первая семья, которая там жила, имела фамилию Колесниковы...» [от Дудникова Л.С.]. «Возникло в самом конце XVIII века. Основано крестьянами села Галы (ныне в том же районе). Название – по первопоселенцу Колесникову» [5; с. 127].

КУЗНЕЦОВКА (Кузнецо́вка) – село, входящее в состав Осиковского сельского поселения. В основе названия – фамилия местного жителя (Кузнецов). «Что интересно, названия сел Кузнецовка и Коваленковский по происхождению и значению – синонимы. Кузнец – по-русски, и коваль – по-украински. Означают одного и того же ремесленника, – человека, всегда бывшего в чести в народе, – кузнеца. От него и фамилия пошла. Чей сын? – кузнецов сын. Кузнецов. Вот и есть уже фамилия. А позже, через поколения, и село носит имя потомка некоего кузнеца...», – рассказала Лилия Николаевна Грушovenко.

МИТРОФАНОВКА (Митрофа́новка) или **ОЛЬГИНО** (О́льгино) – село Кантемировского района. Раннее название дано по железнодорожной станции. Другое название связано с именем сына помещика *Ивана Черткова*. «...как через Митрофановку была проложена железная дорога из Воронежа до Ростов. В то время село называлось *Ольгино (станция Ольгинская)*. В 1896 году станция Ольгинская переименована в село Митрофановка, по имени одного из детей помещика Черткова» [5; с. 4].

НОВОБЕЛАЯ (Новобе́лая) – село Новобелянского сельского поселения. «Речек с названием Белая на земле существует много. Чаще всего такие имена они получали по меловым холмам, или по глинистой белесой воде» [7, с. 205]. О значении названия С.А. Попов пишет: «Первая часть названия отражает более молодой возраст населенного пункта по сравнению с соседним с.Белая. “Белые” реки, как правило, текут по меловым осыпям, белому глинистому дну» [6; с. 150].

ОСИКОВКА (Оси́ковка) – село Кантемировского района. «Село возникло как крепостное поселение в середине XVIII века по ручью Осикову на правой стороне реки Лево́й» [1; с. 60]. Село, входящее в состав Осиковского сельского поселения. Своё название село получило по ручью Осикову (укр. осика – «осина») [6; с. 162].

ПАСЮКОВКА (Пасюко́вка) – село Журавского сельского поселения. Вероятно, название дано по фамилии первопоселенца или владельца (от укр. *пасюк* – крыса). «Основано как хутор в 1775 году войсковыми жителями по фамилии Пасюковы: Фёдором, Акимом и Осипом (отсюда и название села)» [4; с. 61].

ПОПАСНОЕ (Попа́сное) – село Кантемировского района. В словаре Г.Ф. Ковалева читаем:

«По ручью был назван хут. Попасное Кантемировского р-на» [4, с. 300]. У В.И. Даля с пометой “южное, западное” попасать волов, коней – “покормить дорогой на подножном корму, попас – место для паствы скота» [3; с. 773].

СКНАРОВКА (Скнарóвка) – село Кантемировского района. «Село возникло в 1750 году в связи с переходом таловских крестьян с Алексеем Скнарóй на новое место жительства. Село располагалось на правой стороне Старобельского тракта» [1; с. 63]. Село, входящее в состав Смаглеевского сельского поселения. Скорее всего, в основе названия – фамилия первопоселенца *Скнара*. Значение названия связано со словом “скнара”, имеющее значение “скупой, жадный человек, скряга” [10; с. 36].

ТАЛЫ (Талы́) – село Кантемировского района. Очевидно, что название села пошло от произрастающей здесь растительности – тальника. «Своё название Талы получило от росшего вокруг поселения тальника... оно [село] основано в 1747 году острогожскими казаками» [1; с. 66].

ТИТАРЕВКА (Титаревка) – село Кантемировского района. Название дано по фамилии первопоселенца Титаренко. «Основано в 1760 году крестьянином из села Писаревка Григорием Титаренко. Его именем и названо село» [1; с. 67]. Прежнее название – *хутор Титарев* [6; с. 222].

ФЕДОРОВКА (Федорóвка). – село Титаревского сельского поселения. Возможно, что название дано по имени владельца крупной усадьбы *Федора Остафьевича Татарчукова*. Прежнее название – *Балин / Балын*. «А Балын это село, но он, кажется, правильно Фёдоровка называется...» [от Дудниковой Л.С.]. «Я – сибирячка, интересуюсь родиной своих предков хут. ФедорОвка (второе название Балын или Балин). Двойное название этого исчезающего хутора встречалось мной во многих исторических документах 19 века, и крепко держится до сегодняшнего дня. При поисках наткнулась на интересную статью об одноименном половецком городе Балин, географическое место которого точно не установлено. У меня есть смелое предположение, что хутор Балын может быть как-то связан с этим городом (не исключаю самое невероятное – что он стоит на месте того самого города). А возможно первые поселенцы хутора были родом из одноимённого села» [от Нагулиной С.А.]. «Балить, “болтать”, связано с баять и содержит тот же элемент *бал-, который представлен также в балакать, балагур, баламут» [11; с. 115].

ШЕВЧЕНКОВО (Шевчénково) – село, входящее в состав Пасековского сельского поселения. Первое название села связано с фамилией *Шевченко*. Второе – скорее всего, связано с тем, что в овраге не растут кустарники и деревья. «В 1759 году жители Талы на речке Голóй поставили водяные мельницы и стали селиться возле них на свободных землях. Образовался хутор, получивший название Голый» [1; с. 70]. «Современные шевченковцы на вопрос о происхождении названия рассуждают примерно так: название селу дало название большого яра и протекающего в нем ручья, по берегам которого поселились первые жители» [2; с. 7].

ШУРИНОВКА (Шури́новка) / ШУРЫНКА (Шуры́нка) – село Кантемировского района. Возможно, что название дано по глине, которая преобладает на территории села. «Не Шуриновка, а Шурынка» [от Грушовенко Л.Н.]. Скорее всего, название пошло от слова “шура”, которое в словаре Д.И. Даля имеет значение “вязкая, чистая глина, которою забивают гати и плотины» [3; с. 1817].

Представленный краткий материал показывает, что названия населенных пунктов Кантемировского района разнообразны и довольно информативны, но, конечно, требуют дальнейшего изучения. Современная народная ойконимия посёлка Кантемировка Воронежской области – прекрасный источник изучения историко-культурного наследия Воронежского края. «Причем крайне важно, как нас учил профессор Г.Ф. Ковалев, исследовать в равной степени как русские, так и украинские названия» [4; с. 47].

Библиографический список

1. Аббасов А.М. Край Кантемировский / А.М. Аббасов, Л.А. Головина. В.: Центр.-

Чернозем. кн. изд-во, 1995. 104 с.

2. Александров В. Немцы на Заводе «Червонец» // Кантемировский вестник. № 77. 2015. С. 3.

3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. [в 4 ч.] / [соч.] В. И. Даль. М.: Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1863. 627 с.

4. Ковалёв Г.Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области. В 3-х т. В., 2023, т.1, А-Й, 526 с.; т.2, К-О, 535 с.; т.3., П-Я, 582 с.

5. Котова А. Из истории Митрофановки // Кантемировский вестник. № 84. 2009. С. 4.

6. Попов С. Даль А., Пухова Т.Ф., Грибоедова Е.А. Топонимия Воронежского края. В.: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2018. 336 с.

7. Прохоров В.А. Вся Воронежская земля. Краткий историко-топонимический словарь. Центр.-Черноз. книж. изд-во. В., 1973. 367 с.

8. Романов Е. П., Романова З. М. Краткая история сел и хуторов Богучарского района. Исторические исследования. В.: АО «Воронежская областная типография», 2018. 188 с.

9. Саубанова Г. О чем говорят названия воронежских сел и хуторов // Кантемировский вестник. № 48. 2019. С. 5.

10. Словарь русских народных говоров, вып. 1-43 (А-Т). Л.-С-П: Наука, 1965-2007.

11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I-IV. Москва, 1964-1973.

Данные об информантах

1. Грушовенко (Щербакова) Лилия Николаевна, 1962 г. рожд. Родилась и проживает в селе Ивановка. Окончила филологический факультет Воронежского государственного университета в 1985 году. Проработала в школе по специальности 30 лет. Пенсионер.

2. Дудникова (Мельник) Людмила Сергеевна, 1996 г. рожд., родилась в Колесниковке, проживает в городе Богучар Воронежской области. Окончила Россошанский педагогический колледж.

3. Нагулина Светлана Александровна, 1964 г. рожд., родилась в городе Улан-Удэ. Проживает в городе Чита. Окончила Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления. Пенсионер.

4. Павленко Михаил Тихонович, родился в хуторе Бык в 1947 г. Проживает в селе Гармашевка. Окончил Кантемировское СПТУ-46, работал в колхозе механизатором более 40 лет. Пенсионер.

5. Семенцова (до замужества – Ковалёва) Виктория Александровна, 1995 года рождения. Родилась в селе Евдокиевка. Проживает в городе Воронеж. Окончила Россошанский педагогический колледж.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Гайдукова Юлия Викторовна,
преподаватель кафедры социально-
гуманитарных наук Воронежского государ-
ственного лесотехнического университета
имени Г.Ф. Морозова,
SPIN – код 3888-2926
e-mail: grm564@mail.ru

Gaidukova Yulia Viktorovna,
lecturer at the Department of Social and Hu-
manitarian Sciences
of Voronezh State Forestry University named
after G.F. Morozov,
SPIN – код 3888-2926
e-mail: grm564@mail.ru

УДК 811.512.157

Е.Р. Николаев

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
(Якутск, Российская Федерация)
e-mail: 1953307@mail.ru*

МАНЧААРЫ – ИМЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ГЕРОЯ ЯКУТОВ (САХА)

В статье рассматривается семантико-мотивационный аспект имени национального героя якутов (саха) Манчаары. Семантика имени обусловлена историко-культурной традицией имяназвания. Мотивированность имени основана на представлении местного ландшафта, внешнего облика и формы растения манчаары. В современном якутском именнике имя Манчаары стало знаковым, своеобразным культурным кодом, представляющим образ мужественности и благородства.

Ключевые слова: якутские личные имена, Манчаары, национальный герой якутов (саха).

E.R. Nikolaev

*Institute of Humanitarian Studies and Problems of the Indigenous Peoples of the North SB RAS
(Yakutsk, Russian Federation)
e-mail: 1953307@mail.ru*

MANCHAARY IS THE NAME OF THE NATIONAL HERO OF THE YAKUTS (SAKHA)

The article examines the semantic and motivational aspect of the name of the national hero of the Yakuts (Sakha) Manchaara. The semantics of the name is determined by the historical and cultural tradition of naming. The motivation of the name is based on the representation of the local landscape, the appearance and shape of the manchaara plant. In the modern Yakut namebook, the name Manchaara has become a landmark, a kind of cultural code representing the image of masculinity and nobility.

Keywords: Yakut personal names, Manchaars, national hero of the Yakuts (Sakha).

Каждый народ имеет национальных героев, чьи имена становятся впоследствии прецедентными, знаковыми, своеобразными символами идеала человека, который борется за свободу и честь своего народа. В истории якутского народа имя *Манчаары* ассоциируется с борьбой за интересы простого народа, и, обычно, упоминается и сравнивается с именами Емельяна Пугачева, Салавата Юлаева, Робин Гуда.

Биография Василия Федоровича Слободчикова-*Манчаары* общеизвестна, изучена достаточно хорошо [4; 8; 3]. Он родился в 1805 г. в Нерюктяйском наслеге Мегино-Кангаласского улуса. Когда ему было 9 лет умер его отец Федор Быттааны. *Манчаары* испытал что такое бедность, социальная несправедливость, жестокость богачей, особенно дяди по отцу Василия Слободчикова-Чоочо, что послужило причиной его мятежных выступлений. Чоочо добился заключения *Манчаары* в тюрьму, затем отослал его на каторжные работы в Охотский солеваренный завод. *Манчаары* арестовывали пять раз, он четыре раза совершал побеги из тюрем и каторги и продолжал борьбу против местных богачей-тойонов. Дело *Манчаары* дошло до Сената. В 1847 г. суд вынес решение: приковать *Манчаары* цепью к стене якутской тюрьмы сроком на десять лет. В 1859 г. сняли цепь и выслали *Манчаары* на поселение в I Бордонский наслег Мархинского улуса [7; с. 74].

Как известно, якутский антропонимикон состоит из двух пластов – русского календарного и исконно якутского. В основе русского пласта лежит факт крещения якутов (саха) с первой половины XVII в. до 20-х гг. XIX в. [9; с. 3]. В свете этих фактов имя *Манчаары* имеет статус прозвища, поскольку официальное имя носителя имени – русское.

Фитофорных имен в дохристианском якутском именнике очень мало. Большинство из них

являются прозвищными: *Теганя Оттуев* – от *от* 'трава', *От Сыалдыа*, букв. 'Травяные Натазники' (*Сыалдыа ууһа* – название рода в наслеге Хамагатта) [6; с. 2424], *Силлргэх Оелгин* от *силлргэх* 'корневище', *Кучукта* от *кучукта* 'растения название', *Өлөн Төбө* от *өлөн* 'манник болотный' и т. д.

Современный якутский именник содержит много новообразований, среди которых фитофорные имена выглядят достаточно искусственными, например: мужские имена – *Мас* 'Дерево', *Мутук* 'Ветка', *Тиит* т и 'Лиственница'. д.; женские имена – *Мутукча* 'Хвоя Лиственницы', *Ньургуһун* 'Подснежник', *Сибиктэ* 'Хвощ', *Отон* т и 'Ягода'. д. [1; 12]. Мотивированность мужских имен прозрачна и имеет цель обозначить качественные признаки настоящего мужчины – крепкое здоровье, твердый характер, сильный телом и т. п. Женские фитофорные имена подчеркивают нежность, девственность, красоту девушки, женщины.

Манчаары в якутском именнике относится к описательным, фитофорным именам. Большой толковый словарь якутского языка дает такое определение апеллятиву имени: *манчаары* 'аир болотный' [2]. Имя *Манчаары* не упоминается в ранних списках якутских имен, которые были составлены по материалам ясачных документов [9; 13]. Вероятно, *Манчаары* было узколокальным прозвищным именем и в измененный, постхристианский именник якутов включилось позднее. Этот факт был отмечен тюркологом Е.И. Убрятовой (совместно с якутским лингвистом Н.Е. Петровым): «... стали часто употребляться в качестве личных имен имена популярных героев легенд из устного народного творчества, названия местностей, рек, птиц, цветов... Имя легендарного бунтаря прошлого века *Манчаары (Манчары)*» [14; с. 225].

Современный ономастический ландшафт сохраняет имя *Манчаары*: с 1968 г. проводится спартакиада народов Якутии имени Василия Манчаары; торговый центр «Манчаары» в Мегинок-Кангаласском улусе; спектакль «Манчаары» Саха академического театра по драме В.В. Никифорова-Кюлюмнюр «Манчаары» и т. д.

Почему название болотного травянистого растения стало мужским именем? В основе мотивированности имени, вероятно, лежит не столько распространенность растения на территории Якутии, сколько его форма – длинные линейные листья, мощное корневище [5; с. 143], которое можно сравнить с *батас* 'старинное холодное оружие в виде большого ножа, насаженного на длинную рукоятку'. Данное сравнение отразилось в фольклоре якутов. *Манчаары* как *батас* упоминается в якутской народной сказке «Баҕа аттамыта» («Как лягушка верхом ездила»):

Бах, бах = Бах-бах

Баҕа буоламмын, = Лягушкой являюсь,

Күтэр эрэйдээби = Водяной крысы бедняжки

Үрдүк арҕаһыгар үнүүлээммин, = На высокой спине катаюсь,

Үкэр от үнүүлэнэммин, = С копьем из осоки-травы,

Манчаары от батастанаммын, = С мечом из озерной травы,

Баран иһээхтиибин, оҕолоор! = Еду-еду я, ребяташки!

Аллан, Амма мин дойдум, = Алдан, Амга – страна моя,

Суола, Таатта — мин дойдум! = Сола, Татта – родина моя! [10; с. 76]

Безусловно, легендарное имя порождает время, в котором он жил. Героизация имени *Манчаары* было предопределено теми историческими событиями, которые происходили в 19-м веке, но об этом в данной статье мы не коснулись. Известно одно: *Манчаары* как имя национального героя якутов (саха) на первый взгляд имеет прозрачную семантику и мотивированность, однако, в целом, образ имени состоит из переплетений нескольких факторов: 1) обычное якутское прозвище – традиция имянаречения, обусловленное окружающим его миром, ландшафтом; 2) жизнь носителя данного имени; 3) форма растения *манчаары*; 4) интерпретация фитонима *манчаары* как символа меча в фольклорной традиции и т. д.

Библиографический список

1. Айыы ааттара = Имена айыы / сост. Афанасьев Л.А., Павлов А.Н. Дьокуускай: «Ситим» КИФ, 1994. 31 с.
2. Большой толковый словарь якутского языка. URL. <https://igi.ysn.ru/btsja/> (дата обращения: 18.01.2025).
3. Василий Манчаары: образ и концепт национального героя в истории и культуре народов Евразии: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Якутск, 03 июня 2022 года. Якутск: Государственное казенное учреждение Республики Саха (Якутия) «Национальная библиотека Республики Саха (Якутия)», 2022. 271 с.
4. Ионова О. Манчаары Баһылай. Якутск: Госиздат ЯАССР, 1946. 61 с.
5. Определитель высших растений Якутии / В.Н. Андреев, Т.Ф. Галактионова, П.Г. Горовой и др.; ответственный редактор А.И. Толмачев. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1974. 543 с.
6. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. 2-е изд-е. Ленинград: Издание АН СССР, 1959. Т. II. 2010 стлб.
7. Попов Г. 195 лет со дня рождения В. Федорова-Манчаары // Якутия-2000: календарь знаменательных и памятных дат / составитель Н.А. Ханды; научный консультант Е.Е. Алексеев. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2000. С. 72-76
8. Сафронов Ф.Г. Василий Манчаары / отв. ред. д-р филол. наук В.Т. Петрова. Якутск: Якут. науч. центр СО АН СССР, 1991. 99 с.
9. Сафронов Ф.Г. Дохристианские личные имена народов Севера-Востока Сибири (историко-этнографический обзор и именник) / Отв. ред. д. филол. н. Е.И. Коркина. Якутск: Кн. изд-во, 1985. 197 с.
10. Саха остуоруйалара = Якутские сказки / ССРС наукаларын акад., Сибиирдээҕи салаа Саха сиринээҕи фил., Тыл, лит. уонна история ин-та; кинигэни бэлэмнээтэ, кирири тыл авт. Г.У. Эргис; эппиэттиир ред. Л.Н. Харитонов. 2-с таһаарыы. Дьокуускай: Бичик, 1994. 388 с.
11. Сказы о Манчары: Предания якут. народа о знаменитом бунтаре и благород. «разбойнике» Манчары, жившем в нач. XIX в. / Сост. Березкин И.Г.; Переводчик Шапошникова А.Е. Якутск: Кн. изд-во, 1993. 350 с.
12. Тэрис. Сахалыы аат = Якутское имя. Дьокуускай: Якутский край, 2012. 41 с.
13. Указатель личных имен. А. Имена якутов, тунгусов и юкагиров / Материалы по истории Якутии XVII века: (документы ясачного сбора): в 3 ч. М.: Наука, 1970. Ч. III. С. 1117-1255.
14. Якутские имена / Справочник личных имен народов РСФСР: Рек. М-вом юстиции РСФСР в качестве практического пособия для работников органов записи актов граждан. состояния РСФСР / Под ред. А.В. Суперанской (отв. ред.), Ю.М. Гусева. 3-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1987. С. 223-231.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Николаев Егор Револьевич,
кандидат филологических наук, старший
научный сотрудник отдела якутского языка
Института гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера
СО РАН,
SPIN-код: 3197-9061,
e-mail: 1953307@mail.ru

Nikolaev Egor Revolievich,
PhD in Philology, Senior Researcher
at the Department of the Yakut Language
Institute of Humanitarian Studies and
Problems of Indigenous Peoples of the North SB
RAS,
SPIN-code: 3197-9061,
e-mail: 1953307@mail.ru

УДК 801.311.11

К.В. Можин

*Воронежский государственный университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: mojintour@mail.ru*

ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ В МИКРОТОПОНИМИИ СЕЛА БУРЛЯЕВКА НОВОХОПЁРСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассмотрены названия мелких географических объектов села Бурляевка Новохопёрского района. Приводимый в статье ономастический материал был записан в селе Бурляевка в 2024 году. Статья фиксирует бытующие в селе микротопонимы, делается попытка истолковать ономастический материал путём сопоставления с внеязыковыми фактами, свидетельствами местных жителей, а также историческим методом. Микротопонимы сгруппированы по принципам номинации. В качестве иллюстративного материала приводятся топонимические предания и одна частушка. Материал статьи может быть полезен для пополнения Словаря микротопонимов Воронежской области, а также для исторических и этнографических исследований.

Ключевые слова: село Бурляевка, диалектология, микротопонимы, ономастика, топонимика, топонимические предания, топонимические легенды, фольклор.

K. V. Mozhin

*Voronezh State University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: mojintour@mail.ru*

PRINCIPLES OF NOMINATION IN THE MICROTOPYNYMY OF THE VILLAGE OF BURLYAEVKA, NOVOKHOPERSKY DISTRICT, VORONEZH REGION

The article considers the names of small geographical objects of the village of Burlyaevka in the Novokhopersky district. The onomastic material given in the article was recorded in the village of Burlyaevka in 2024. The article captures the microtoponyms that exist in the village, attempts to interpret onomastic material by comparing it with non-linguistic facts, testimonies of local residents, as well as the historical method. Microtoponyms are grouped according to the principles of nomination. Toponymic legends and one ditto are given as illustrative material. The material of the article can be useful for updating the Dictionary of microtoponyms of the Voronezh region, as well as for historical and ethnographic research.

Keywords: Burlyaevka village, dialectology, microtoponyms, onomastics, toponymy, toponymic traditions, toponymic legends, folklore.

Определить своё место среди окружающих условий, указать направление, назвать своим именем своё, родное – естественная потребность и практическая задача человека. Эта задача решается им на протяжении всей истории существования языка. Топонимия, как совокупность географических названий, способна дать исследователю весьма полезный материал, содержащий порой ценные исторические данные. Микротопонимия, к тому же, способна дать лингвистический и этнографический материал, необходимый для изучения отдельных населённых пунктов. Будучи особым пластом лексики, довольно устойчивым против изменений, топонимия порой сохраняет в «законсервированном» виде языковые особенности, ушедшие из других языковых проявлений, что даёт возможность использовать её данные в некоторых процессах наблюдений над историей языка.

Материалом статьи послужили записи, сделанные в 2024 году в селе Бурляевка Новохопёрского района. Точных данных об истории основания села у нас нет. Известно, однако, что «самыми „старинными“ в районе следует считать села Алферовку, Красное, Пыховку,

Бурляевку (бывшие слободы)» [1; с. 95]. Известно также, что «в Центральном Черноземье сёлами назывались русские селенья, а слободами – малороссийские (т. е. украинские)» [1; с. 95]. К «украинским» сёлам относится и село Бурляевка. В нём до сих пор бытует украинско-русский говор, которым, однако, владеет только старшее поколение местных жителей.

Названо село «по фамилии первопоселенца или владельца» [7; с. 36]. Ранее село Бурляевка представлялось слободой, отсюда и форма названия в женском роде. Жители слобод, как известно, изначально не были в крепостной зависимости, поэтому версия номинации по первопоселенцу более вероятна. Жители села не знают точно, почему Бурляевка так названа. Однако в народной памяти сохраняются следы отантропонимного происхождения её названия. Говорят: «*Був Бурляєвкийсь, не то поміщик*». Таким образом, уместно считать, что это отантропонимное название. Будучи украинским, название села образовано суффиксом *-евка/-івка* (в речи местных жителей наблюдается чередование *e ci*). Это продуктивный в словообразовании украинских топонимов суффикс [12; с. 11]. Отметим также, что суффикс *-івка/-івкав* украинской топонимике зачастую присоединяется к топооснове, являющейся именем собственным [12; с. 12].

Население села на сегодняшний день составляют коренные жители Бурляевки, жители расселённых и упразднённых соседних населённых пунктов (Бродовское, Щепетное), а также переселенцы из других мест. Поэтому записи, сделанные при опросах, включают микро-топонимы, называющие объекты, находящиеся (или находившиеся) также и в окрестностях Бурляевки.

В Бурляевке бытует топонимическое предание, объясняющее название одного из соседних сёл – Пыховки, административного центра Пыховского сельского поселения. По преданию, Екатерина II, проезжая мимо этих мест, увидела дым из печных труб. Она пожелала узнать, что это за места и чем занимается население, но точного ответа никто не дал. Сказали только, что пыхтят. «*Ну и хай буде Пыховка*», – ответила на это Екатерина. Фольклор запечатлел, возможно, прежнюю норму: ударение на первый слог. «*Это она сейчас Пыховка*зветься, а тоді – *Пыховка*» (Записано от Грачёвой Таисии Петровны, 1955 г. р.). Возможно также, что игра местных жителей с ударением используется для большей убедительности предания: *пыхтят – пыхают – пых – Пыховка*.

Другая форма фольклора – частушки – также может упоминать топонимы. Причём в частушках коннотативный компонент топонима (он может быть эксплицитным, а может – окказиональным) обнажается. Приведём один пример:

Встань-ка, маменька, пораньше,
Да послушай на заре:
Не твоя ли дочка плачет
В камышановской дыре?

Частушка записана от Мирошниковой Надежды Николаевны. Со слов информанта, частушка была спета родителям невесты гармонистом перед свадьбой. Девушку неохотно отдавали в небольшой посёлок Камышановский (бывшее отделение колхоза Бурляевский).

Бурляевка, Пыховка, Камышановский – это *ойконимы*, названия населённых пунктов. Как правило, они закреплены в документах и известны многим людям за пределами населённого пункта: достаточно посмотреть на карту. То же касается и названий большинства рек, озёр, многих возвышенностей или низменностей – топонимов в широком смысле. Наряду с крупными объектами существуют (как мы увидим, иногда только в памяти) и маленькие, точечные объекты, не нанесённые ни на одну карту: колодцы, мелкие формы рельефа, мосты, а также формы более крупные: овраги, леса. Их названия передаются изустно, иногда вместе с топонимическим преданием, и известны зачастую в пределах лишь одного населённого пункта. Названия таких объектов объединены термином *микротопонимы*.

Микротопонимы могут быть рассмотрены в разных аспектах. Данная статья ставит целью классифицировать микротопонимы села Бурляевка по принципу, лёгшему в основу номинации тех или иных объектов местности. Для этого необходимо дать этимологию приво-

димых названий. В целом микротопонимы можно разделить на две группы: ландшафтогенные и антропонимогенные. Микротопонимы села Бурляевка в данной статье разделены на три группы: 1. По отношению к окружающим объектам. 2. По свойствам и качествам самого объекта. 3. По связи микротопонима и человека (людей).

Названия, данные объекту по отношению к другим объектам (и происходящие от другого топонима), зачастую легко объясняются. В Бурляевке известно два таких микротопонима: *Щепетнянска балка* и *Краснянска балка*. Обращает на себя внимание форма окончаний этих микротопонимов. Будучи прилагательными, в говоре бурляевцев они используются в стяжённой форме, что характерно для украинского языка – основы говора.

Щепетнянска балка располагается между Бурляевкой и Щепетным. *Щепетно́е* – соседнее с Бурляевкой село, в настоящее время расселённое. Название этого села С. А. Попов, ссылаясь на «Казачий словарь-справочник» [5; с. 311], объясняет как произошедшее от слова *щепетной*: «щепетной обозначает 'щеголеватый, небольшой'. Вероятно, это было прозвище первопоселенца» [7; с. 243].

Краснянска балка названа по селу *Красное* Новохопёрского района. Следует иметь в виду два наиболее очевидных ассоциативных варианта семантики этого ойконима. В первых, ст.-слав. *красьнь* – красивый, прекрасный, укр. *красний* 'красивый' [11; с. 368]. По этому признаку названо, например, село Красное Новохопёрского района [7; с. 105]. Основанное в 1717 году, село называлось *Красенькое*, *Красная*, будучи, видимо, слободой. Во вторых, семантика ойконима *Красное (-ая)* может быть связана с событиями Октябрьской революции и последовавшей за ней Гражданской войны, либо другими событиями, связанными с историей СССР (таково нынешнее название, например, хутора *Красное* Рамонского района [7; с. 105]).

К микротопонимам, называющим объект по свойствам или качествам, отнесём *Кривой мост* и курган *Каменна баба*.

Криво́й мост (*Кривый міст*). Этот мост некогда был перекинут через реку Татарка в пределах села Бурляевка. Существовал до 1972 года, в половодье был снесён льдинами. «*Містстариннийще-старинний, давнишний. Дерев'яний. Вин уже кривий весь був, и его крыгами сбило*», – вспоминает Мирошникова Галина Петровна (1964 г. р.).

Ка́меннаба́ба. Так назывался ныне несуществующий курган, на котором «*камень великий був*». Н. И. Второв в 1861 году писал: «... такія бабы находятся въНовохоперскомъуѣздѣ (около 5), въБогучарскомъ (около 3) и Бобровскомъ (1); одна бабавъ 5 вер. отъ сел. Бурляевки, въНовохоперскомъуѣздѣ» [2; с. 267]. Раньше таких каменных баб было много, их называли *бабы половецкіе*. О том, что на кургане был такой камень, местные жители знают по рассказам прошлых поколений. В 60-70 годы XX века на кургане стояла «*тренога, из уголков сваренная*» – геодезический пункт. На сегодняшний день курган распахан.

К ещё одной категории отнесём антропонимные микротопонимы. В них в качестве топоосновы выступают различные антропонимы (имена, фамилии, отчества). При анализе топонимики следует также учитывать, что неотъемлемой частью сельской жизни являются прозвища, закрепившиеся за отдельным человеком или целой семьёй. Они также могут становиться топоосновой каких-либо местных названий.

Алба́товколодезь (*Алба́тычин колодезь*) – название оборудованного колодца возле дома *Албатыхи*. Говор села Бурляевка сохраняет украинское слово *колодезь* – колодец. Прозвище *Албатыха* произошло от фамилии *Алба́това*. Этимология этой фамилии может быть различна. С одной стороны, можно предположить, что она образована от имени *Евпатий* (вспомним, к примеру, «Повесть о разорении Рязани Батыем»: «Татарове возбожешся, видя *Еупатиа*крѣпка исполина» [4; с. 352]). Возможно, что в этом случае фамилия образуется путём исторического перехода *je* в *o*, который происходил в восточнославянских языках [8; с. 24], с последующим переходом в аканье: *Евпатий* – *Олпат* – *Алпат*. Этот путь вероятен для русской фамилии, в то время как язык-основа говора характеризуется оканьем. С другой сто-

роны, вполне вероятно и тюркское происхождение фамилии. «Древнетюркский словарь» указывает на монгольское *alba(n)*, обозначающее повинность [3; с. 34]. Возможно, первые носители этой фамилии были зависимыми от монголов, или же зависели от других тюркских народов.

Обратим внимание на то, что это место жители села называют двояко: в одном случае к топооснове присоединяется суффикс притяжательности *-ов*, а в другом случае суффикс притяжательности *-ин*. В. А. Сёмушкин отмечает характерность обеих моделей для образования лимнонимов [9; с. 66]. При этом во втором случае между основой и суффиксом появляется интерфикс *-ч-*, который производился не от *-х-*, а от *-к-*.

Варёников бугор. Так называется место, где стоял дом семьи Мирошниковых. Дворовое прозвище Мирошниковых – *Варёниковы*. Мирошникова Галина Петровна, от которой был записан микротопоним, не знает, откуда произошло это прозвище. Однако в беседе с Сергеем Николаевичем Телюковым (1957 г.р.) удалось узнать, что основатель села Бродовское, где Сергей Николаевич родился, носил прозвище *Варёник*: «*Очень умный крестьянин. В последующем Вареник его звали. Его потом признали кулаком и туда отправили. Его и улочка в углу называлась*», – рассказывает Сергей Николаевич. Село Бродовское располагалось вдоль реки Татарка, на её правом берегу между сёлами Михайловка и Владимировка. Сейчас на её месте луг. Бугра тоже нет: место, где он располагался, распахали.

Дусякóво озеро находилось вблизи Бурляевки. Напротив озера жил человек по прозвищу *Дусяк*, чьим прозвищем и названо озеро. Прозвище *Дусяк*, вероятно, образовалось от русского женского имени *Дуся*, хотя *дуся* / *дусяня* обозначает любимого девушки (от *душа*, *душенька*). Поэтому *Дусяк* или *Дусяка* мог быть мужчиной, у которого женой стала *Дуся* (от *Дуня*, *Евдокии*, *Авдотьи*, *Овдотьи*) [10; с. 283]. Сейчас это озеро обмелело и заросло.

Лю́син курган. По рассказам Сергея Телюкова, этот курган назван именем «комсомолки *Люси* (Людмилы), которую там расстреляли». Находился вблизи пос. Полежаевский в пятнадцати километрах от Бурляевки. На сегодняшний день курган из-за распашки полей вокруг почти сравнялся с землёй.

Ма́ксина (Ма́ксима) балка. Находится вблизи одного из соседних сёл – Жёлтых прудов. В Бурляевке и в окрестных сёлах известно топонимическое предание, связанное с названием этой балки. По преданию, в этой балке до Октябрьской революции была пещера, которую занимала банда. Бандой управлял разбойник Максим, по имени которого называлась и банда, и пещера. Пещера была настолько большой, что в ней могла, не распрягаясь, развернуться целая тройка (это устойчивый компонент предания, упоминаемый всеми рассказчиками). Пещера была полна золотом. Упоминают также, что банда грабила только богатых, бедняков не трогала. После революции в пещере якобы пропала школьная учительница с детьми, и пещеру засыпали. В 60-70-х годах XX века многие местные жители предпринимали попытки найти эту пещеру, однако это никому не удалось.

Романов ліс (лес)/ Романова балка. Местные жители не знают точно этимологии этого названия. Словарь микротопонимов Воронежской области указывает лишь на то, что этот лесной массив назван по одноимённому оврагу [6; т. 3; с. 176]. Возможно, около этого оврага жила семья Романовых, или название оврага связано с человеком по имени Роман. Отантропонимная природа этого названия почти несомненна.

Невыясненной остаётся этимология микротопонима *Комаровский пруд*. Находится он в трёх километрах к западу от Владимировки. Вблизи пруда нет населённых мест, по названию которых мог быть назван пруд. Нет вблизи и других объектов, позволяющих объяснить его название. Местные жители предполагают, что у пруда было много комаров. Эта версия малоубедительна, если учитывать словообразование этого микротопонима. В нём участвует характерный для русской топонимии формант притяжательности *-овск-*, присоединяющийся, как правило, к личному имени; возможно, что топоосновой послужил антропоним. Однако Словарь микротопонимов Воронежской области Г. Ф. Ковалева указывает на схожий микротопоним в с. Верхний Икорец Бобровского района: *Комарёвский пруд*. По данным словаря,

местные жители объясняют название пруда тоже «энтомологически»: пруд находится на *Комарёвке*, где много комаров [6; т. 2; с. 100].

Как видим, микропонимы, образованные от антропонимов, в Бурляевке наиболее распространены. Из описанных в статье одиннадцати микропонимов шесть являются отантропонимными, что выявляет антропоцентризм как ведущий принцип номинации. Топоосновой зачастую становятся не «паспортные» имена и фамилии, а дворовые прозвища, что говорит о большей их значимости для жителей села.

Библиографический список

1. Анучков Г. А. Из истории земли Новохопёрской. Воронеж : изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2009. 221 с.
2. Второв Н. И. О заселении Воронежской губернии // Воронежская беседа на 1861 год. Санкт-Петербург : Изд. М. Де-Пуле и П. Глотова, 1861. С. 246 – 272.
3. Древнетюркский словарь / Академия наук СССР, Институт языкознания. Т.А. Боровкова [и др.]. под ред. В. М. Наделяев [и др.]. Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1969. 676 с.
4. Изборник (сборник произведений литературы Древней Руси) / Л. А. Дмитриева, Д.С. Лихачёв. Москва : Художественная литература, 1969. 800 с.
5. Казачий словарь-справочник / сост. Губарев Г. В., редактор-издатель А. И. Скрялов. Сан-Ансельмо, Калифорния, США, 1970. т. 3. 341 с.
6. Ковалёв Г. Ф. Словарь микропонимов Воронежской области : в 3-х т. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2023.
7. Попов С. А., Пухова Т. Ф., Грибоедова Е. А. Топонимия Воронежского края / науч. ред. Г. Ф. Ковалёв. Воронеж : Центр духовного возрождения Воронежского края, 2018. 336 с.
8. Припадчев А. А. Сравнительная фонетика славянских языков : учеб. пособие. Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1994. 86 с.
9. Семушкин В. А. Гидронимия Воронежского края в историко-лингвистическом аспекте : учеб. пособие. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2023. 84 с.
10. Суперанская А. В. Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание. Москва : Айрис-пресс, 2005. 384 с.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 4-е изд. стереотипное. Москва : изд. Астрель, 2007, т. 2. 671 с.
12. Янко М. П. Топонімічний словник України : словник-довідник. Київ : Знання, 1998. 432 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Можин Константин Викторович,
студент филологического факультета
Воронежского государственного университета,
e-mail: mojintour@mail.ru

Mozhin Konstantin Viktorovich,
student of the Philological Faculty
of Voronezh State University,
e-mail: mojintour@mail.ru

ИМЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ***NAME IN THE LITERARY TEXT SPACE***

УДК 801.313.1

С.А. Скуридина

Воронежский государственный технический университет

(Воронеж, Российская Федерация)

e-mail: saskuridina@yandex.ru

ЗООМОРФНАЯ СВАДЕБНАЯ СИМВОЛИКА АПЕЛЛЯТИВНО-ОНИМНОГО ЕДИНСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Статья посвящена исследованию зооморфизма (в т.ч. орнитоморфизма) как одного из принципов ономастического кода Ф.М. Достоевского, заключающегося в наделении персонажей чертами животных либо сравнении героев с животными. В работе рассматривается, каким образом зооморфная свадебная символика, формирующая апеллятивно-онимное единство, используется Ф.М. Достоевским в течение всех периодов творчества, способствуя не только раскрытию внутреннего мира персонажей, выражению их душевных состояний и объяснению их поступков, но и выявляя проблематику произведений. Рассматриваются лингвокультурологические корни свадебной символики животного мира, а также автобиографические мотивы использования зооморфизма как художественного приема творческой лаборатории писателя. Особое внимание уделено интерпретации отдельных образов в контексте многоплановой проблематики произведений автора. Введение зооморфной свадебной семантики позволяет писателю создавать яркие образы, одновременно подчеркивая сложность человеческой природы.

Ключевые слова: зооморфизм, орнитоморфизм, зоолексемы, орнитолексемы, птичья символика, оним, апеллятивно-онимное единство, Ф.М. Достоевский.

S.A. Skuridina

Voronezh State Technical University

(Voronezh, Russian Federation)

e-mail: saskuridina@yandex.ru

ZOOMORPHIC WEDDING SYMBOLS ARE APPEALING-THEY HAVE A LOT OF UNITY IN THE WORKS OF F.M. DOSTOEVSKY

The article is devoted to the study of zoomorphism (including ornithomorphism) as one of the principles of F.M. Dostoevsky's onomastic code, which consists in endowing characters with animal features or comparing characters with animals. The paper examines how zoomorphic wedding symbols, which form an appellative-onym unity, are used by F.M. Dostoevsky throughout all periods of his work, contributing not only to the disclosure of the inner world of the characters, the expression of their mental states and the explanation of their actions, but also revealing the problematic of the works. The article examines the linguistic and cultural roots of the wedding symbols of the animal world, as well as the autobiographical motives for using zoomorphism as an artistic device in the writer's creative laboratory. Special attention is paid to the interpretation of individual images in the context of the multifaceted issues of the author's works. The introduction of zoomorphic wedding semantics allows the writer to create vivid images while emphasizing the complexity of human nature.

Keywords: zoomorphism, ornithomorphism, zoolexemes, bird symbols, ornitholexemes, onym, appellative-onym unity, F.M. Dostoevsky.

Зооморфный культурный код, являющийся частью биоморфного кода, представлен наименованиями не только животных, но и птиц и насекомых, приобретшими в ходе развития социума дополнительные смыслы, являющиеся значимыми для данного сообщества. Использование животных в качестве олицетворений имеет древние корни: уже в мифологии разных

древних народов животные являлись воплощением природных сил и божеств. В античной традиции греческой басней, основанной на трудах Эзопа, было положено начало развитию жанра, где представители животного царства действовали как человекоподобные персонажи. Позднее средневековая европейская литература обогатилась морально-дидактическими элементами благодаря притчам и сказкам, где использовались зооморфные персонажи для иллюстрации пороков и добродетелей. А.В. Гура говорит об особом зоологическом коде языка культуры, поскольку «образы животных служат одним из средств выражения представлений о мире в различных его проявлениях» [7, с. 22]

В качестве элементов зоологического, или зооморфного кода рассматриваются зоолексемы – наименования видов животных (осел, медведь, лиса и т.д.) и зоонимы (клички животных), однако отметим, что зачастую термин *зооним* понимается широко, в связи с чем используется вместо термина *зоолексема*. Как верно отмечают О.М. Холмоенко и А.И. Туник, «не все зоонимы являются частью зооморфного культурного кода, а только лишь те, которые приобретают особое дополнительное значение и символическую функцию» [14, с. 217], в связи с чем, по мнению Н.В. Солнцевой, необходимо «разделить термин *зооним* на два составляющих: *зоосемизм* (первичное значение, названия видов животных) и *зооморфизм* (вторичное значение)» [13]. Первичное значение можно найти в словарях, а вторичное – обусловлено развитием общества и закреплением в сознании людей определенных ассоциаций, связанных с образом данного животного, например, в русской лингвокультуре заяц ассоциируется с трусостью, лиса – с хитростью, баран – с глупостью, волк – со свирепостью и т.д. Таким образом, зооморфизм – это наделение антропоморфных существ качествами животных либо использование аллюзий на представителей фауны для определения личностных свойств героев.

Художниками слова зооморфные элементы включаются в создаваемый текст в виде сравнений, аналогий или включения самих животных в сюжет. Зооморфизм как художественный приём используется с целью придания персонажам определенных характеристик, раскрытия их внутренней сути и определения мотивов поведения. Данный метод получил широкое распространение в мировой литературе, став одним из важнейших инструментов авторского мастерства.

Наблюдаются следующие формы проявления зооморфизма:

- *аллегория и морализаторство*, когда животные представляют конкретные социальные типы или обобщают общественные явления, служа зеркалом для осмысления реальности (например, русская народная сказка «Котофей Иванович», в которой представлен мудрый кот-правитель, противостоящий глупым правителям-зверям);

- *художественная метафора* – писатели используют образы определенных животных в качестве характеристики персонажей (например, наделяют героев фамилиями, в основе которых зоолексемы: Собакевич, Мышкин и т.д.);

- *антитеза*: автор сталкивает природу человека и животного, вызывая размышления о человечности и дикости (например, в романе Дж. Лондона «Белый Клык» представлена борьба за выживание между животным и человеком, иллюстрирующая конфликты цивилизованного общества и природного инстинкта);

- *стилизация персонажей под животных*, когда внешний облик и манера поведения персонажа намеренно приближены к характеристикам конкретного животного, например, лень и апатичность Обломова выражаются в образе сонливого медведя, который никуда не хочет вылезать из своей берлоги.

Зоолексемы в художественных текстах могут вводиться с целью характеристики внешности и речи героя, эмоционального состояния персонажа, описания его характера и поведенческих особенностей и т.д. Все это нередко эксплицируется не только апелляциями, но и онимами, в связи с чем у некоторых писателей данные лексемы образуют апеллятивно-онимное единство. К писателям, прибегающим к зооморфным элементам как особому при-

му, способствующему более глубокому прочтению, относится Ф.М. Достоевский. В.П. Владимирцев, одним из первых обратившийся к системному описанию бестиария писателя, отмечает, что «совокупность литературно запечатленных в творчестве Достоевского отношений человека с животным (тварным) миром свидетельствует прежде всего о том, с каким неослабным поэтическим интересом писатель-урбанист всматривался в священную мудрую книгу природы и черпал оттуда нужные ему звериные, растительные и другие образы» [4; с. 120].

Зооморфные мотивы в произведениях Ф.М. Достоевского обусловлены особым отношением писателя к животным. Как указывает вторая жена писателя Анна Григорьевна Достоевская в своих примечаниях к сочинениям мужа, «Феодор Михайлович любил животных и всегда с ними хорошо обращался» [6, с. 55], например, он понимал толк в лошадях, о чем свидетельствует то, что он правильно оценил состояние приобретенного его женой для сына Феда жеребенка [15; с. 386]. В.П. Владимирцев также связывает возникновение обширного «бестиария» Ф.М. Достоевского с фамильными коневодческими привязанностями Достоевских (обычай детских игр «в лошадки»; конный завод сына писателя Федора Федоровича; автобиографическая сентенция в «Братьях Карамазовых»: «...русский мальчик так и родится вместе с лошадкой» [10; т. 14; с. 189]) [4, с. 121].

В произведениях Ф.М. Достоевского зооморфные мотивы пронизывают все повествование, в связи с чем использование зооморфного апеллятивно-онимного единства является одним из принципов ономастического кода Ф.М. Достоевского, способствующего созданию целостности произведения, что нами неоднократно отмечалось [12] (ср.: «зоосемичные шифры именованности – наихарактерная особенность поэтического языка Достоевского» [3, с. 315]). Безусловно, это связано с распространенностью фамилий, включающих зоолексемы, которую не мог не заметить настоящий художник слова, а также с переосмыслением в русской лингвокультуре. У Ф.М. Достоевского была мысль о том, что работа на земле может сделать из звере людей: «Если хотите переродить человечество к лучшему, почти что из зверей поделайте людей, то наделите их землю – и достигнете цели» [Цит. по: 1], поэтому в романе «Братья Карамазовы» Митя хочет начать «тотчас пахать, работать»: «Здесь тоже будем где-нибудь в глуши землю пахать» [10, т. 15, с. 186].

Зооморфизм используется Ф.М. Достоевским на протяжении всего творческого пути. Уже в первом романе для обозначения отрицательного персонажа Ф.М. Достоевский вводит зооморфную фамилию *Быков*, которая могла возникнуть под впечатлением петербургской жизни: на углу Обводного канала и нынешнего Московского проспекта – располагался Скотопригонный двор (архитектор – И. Шарлемань), в связи с чем упоминаемый район в народе назывался «Быками», так как у фасада здания на постаментах из красного гранита стояли бронзовые скульптуры быков (скульптор В.И. Демут-Малиновский), поэтому можно было услышать: «Живу у Быков», «Извозчик, к Быкам!» [5; с. 8].

В одном из первых писем Макар Девушкин рассказывает Вареньке Доброселовой о доме, где он снимает угол, и упоминает чижику: «У нас чижики так и мрут. Мичман уж пятого покупает, – не живут в нашем воздухе, да и только» [10; т. 1, с. 22]. Безусловно, упоминание чижики связано с особенностью быта изображаемой Ф.М. Достоевским эпохи: поскольку отопление домов было дровяным, их жителей нередко подстерегала смертельная опасность в виде угарного газа. Маленьких певчих птичек, в том числе и чижей, которые очень чувствительны к угарному газу и при малейшем его появлении буквально падают без чувств, использовали в качестве своеобразного индикатора: если их чирикание смолкает, значит, пора проветривать помещение. Однако, помимо утилитарного предназначения чижики, отметим, что данная птица, как указывает А.В. Гура, входит в мужскую символику, обнаруживаемую в фольклорных текстах [7; с. 743], а Т.А. Бернштам высказывает мысль о включенности чижики (горобца), наряду с аистом, воробьем, жаворонком и т.д., в брачную символику, что соответствует сюжетной канве романа «Бедные люди», в котором Макар Девушкин, преисполненный любви к Вареньке Доброселовой, называет ее различными орнитолексемами, упот-

ребляемыми в совокупности с притяжательным местоимением *мой*: «голубчик мой», «голубушка моя», «пташка весенняя», «птенчик вы мой», «птичка вы моя хорошенькая», «моя голубочка». Погибающие чижики становятся предвестниками печального финала романа, когда Вареньку увозит господин Быков, фамилия которого семантически значима, поскольку в символике *бык* – мужской символ, который связан с мощью, агрессивностью, сексуальной энергией и плодовитостью. Например, в Древней Руси известны ритуальные игры – турицы, во время которых парни, нарядившись быками, старались боднуть девушек в «непотребное» место [11, с. 146–246].

В размышлениях Макара Алексеевича люди противопоставляются птичкам небесным: «Сравнил я вас с птичкой небесной, на утеху людям и для украшения природы созданной. Тут же подумал я, Варенька, что и мы, люди, живущие в заботе и тревожении, должны тоже завидовать беззаботному и невинному счастью небесных птиц, – ну, и остальное все такое же, сему же подобное...» [10; т. 1, с. 14]. Интересно, что Ф.М. Достоевский выдерживает свадебную символику, вкладывая в уста Макара Девушкина строки стихотворного восклицания, автор которого до сих пор не установлен учеными: «Зачем я не птица, не хищная птица!» [10; т. 1, с. 14]. Как известно, самым распространенным образом свадебной символики всех восточных славян является сокол – хищная птица семейства соколиных. Сокол, соколик в фольклоре – ласковое обращение к молодцу, любимому [7, с. 681]. Соколу свойственны чужесть (залётность), таинственное происхождение, воинственность/агрессивность [2; с. 85], он «затмил, отодвинул на второй план женихов из водоплавающих и лесных птиц», он силою берет замуж невест любой породы: «Летал сокол, искал лебединые стада», «Как по морю плывут тридцать утушек, одна впереди ... / Ей сокол точил кровь» [2; с. 85]. Стихотворные строки в письме Девушкина возникают в соответствии с его ощущением: «Встал я сегодня таким ясным соколом — любо-весело!» [10; т. 1, с. 14]. Однако сетования Макара Алексеевича, что он не хищная птица, неслучайны: Ф.М. Достоевский создает образ мужчины, которому присущ девический стыд («у бедного человека... тот же самый стыд, что у вас, примером сказать, девический» [10; т. 1, с. 69]) – отсюда, возможно, и фамилия *Девушкин* – и который является полной противоположностью Быкову, ставшему обладателем Вареньки Доброселовой.

В повести «Хозяйка» героиня предлагает угадать, «в каком синем небе, за какими морями-лесами сокол мой ясный живет, где, да и зорко ль, себе соколицу высматривает, да и любовно ль он ждет, крепко ль полюбит, скоро ль разлюбит, обманет иль не обманет меня?» [10; т. 1, с. 307].

В повести «Дядюшкин сон» о князе К. сообщается, что он «сидит, как мокрый кот» и смотрит «в лорнетку» на пигалиц [10, т. 2, с. 329] – молодых девушек, танцующих перед ним не по возрасту в коротких платьях. Данный эпизод вписан Ф.М. Достоевским в свадебную символику. Пигалица – «птица *Vanellus*, с голубя, чубатая, с зеленым отливом, белобрюхая» [10, т. 3, с. 109]. Птичья символика и в этой повести Ф.М. Достоевского напрямую связана со свадебным обрядом, где иногда невеста называется сорокой (народноэтимологическое осмысление лексем сорока и сорочка) [8; с. 566], а указание на красную шапочку соотносится с надеванием сороки – головного убора, который разрешалось носить после замужества. Пигалица, или пигалка – в костромских диалектах «ласковое прозвание молодой, новобрачной» [8, т. 3, с. 109], вероятно, возникшее в результате переосмысления наименования пигалка, используемого для наименования быстроглазой девушки [8, т. 3, с. 109]. Таким образом, князь К., представший в образе жениха – кота, готового схватить птичку.

Впоследствии в романе «Бесы» свадебная символика выстраивается писателем также при использовании образов птиц, восприятие которых закрепилось в народном сознании в течение многих веков [13]; [14]. Например, фамилию *Лебядкина* в девичестве носила жена Ставрогина, выступая при встрече с ним фольклорно-песенной невестой-лебедушкой. Сходство с лебедушкой подчеркивается указанием на то, что у Марьи Тимофеевны Лебядкиной

«длинная и сухая шея» [10; т. 10, с. 215], что она «белится и румянится и губы чем-то мажет. Сурмит тоже брови, и без того длинные, тонкие и темные» [10; т. 10, с. 114] (вспомним Царевну Лебедь из «Сказки о царе Салтане...»). Ставрогин предсказуемо представляется Лебядкиной в образе сокола: «Я уж тем только была счастлива, все пять лет, что сокол мой где-то там, за горами, живет и летает, на солнце взирает...» [10; т. 10, с. 219]. Однако постепенно сокол превращается в сыча, что характеризует Ставрогина как одинокого человека (ср.: один как сыч), ведущего скрытный образ жизни ночного хищника.

Фамилию *Сокольский* в романе «Подросток» Ф.М. Достоевский дает сразу двум персонажам, претендующим на жениховство: старый князь Сокольский вынашивает в планах женитьбу на дочери Версилова, младший же, по мнению Стебелькова, мог бы тоже стать ее мужем, но затем становится нареченным Лизаветы Макаровны Долгорукой («Старичок, князь Сокольский, за Анной Андреевной много даст; она угодила. Тогда жених князь Сокольский мне все деньги отдаст [10; т. 13, с. 189]. Однако фамилия Сергея Петровича может и не являться «птичьей», а дана герою как указание на его бедность в соответствии с пословицей *гол как сокол*, известной Ф.М. Достоевскому, поскольку неоднократно встречается в его произведениях [10; т. 3, с. 46], [10; т. 14, с. 102], [10; т. 14, с. 109].

В романе «Братья Карамазовы» соколом Грушенька называет Митю: «Митя, сокол, что ж ты меня не целуешь?» [10; т. 14; с. 396], а при встрече со своим совратителем – паном Муссяловичем – указывает с помощью орнитоморфного противопоставления на изменения, произошедшие с ним: «Тот был сокол, а это селезень» [10; т. 14; с. 388].

Как видим, произведения Ф.М. Достоевского являются сложными и многослойными текстами, раскрывающимися через призму зооорфизма, способствующего выявлению глубинных смыслов. Зооморфная свадебная символика позволяет писателю предсказывать развитие сюжета. Выстраивая апеллятивно-онимное текстовое единство, основанное на зооморфизме, писатель создает яркие образы, одновременно подчеркивая сложность человеческой природы.

Библиографический список

1. Альтман М.С. По вехам имен. Саратов, 1975. 280 с.
2. Бернштам Т.А. Орнитоморфная символика у восточных славян // Советская этнография. 1982. № 1. С. 82–100.
3. Владимирцев В.П. Животные в поэтологии Достоевского: народно-христианское бестиарное предание // Проблемы исторической поэтики. 1998. №5. С. 311–320.
4. Владимирцев В.П. Поэтический бестиарий Достоевского // Достоевский и мировая культура: альманах. №12. М.: Раритет-Классик плюс, 1999. С. 120–135.
5. Глезеров С.Е. Исторические районы Петербурга от А до Я. М.: Центрполиграф, 2013. 503 с.
6. Гроссман Л.П. Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарии. М.-Пг.: ГИЗ, 1922. 125 с.
7. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Издательство «Индрик», 1997. С. 530.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. М.: Терра, 1995.
9. Достоевская А.Г. Воспоминания. М., 1987. 544 с.
10. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л.: Наука, 1972–1988.
11. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси // Мифы древних славян. Саратов, 1993. С. 146–246.
12. Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского. Воронеж, 2022. 341 с.

13. Скуридина С.А. Отражение свадебной обрядности в некоторых антропонимах Ф.М.Достоевского // Болгарская русистика. 2016. № 2. С. 61-70.

14. Скуридина С.А. «Ты что за птица?»: о специфике некоторых фамилий «великого пятикнижия» Ф.М.Достоевского // Научный вестник Воронежского архитектурно-строительного университета. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». 2015. №1. С. 149-162.

15. Солнцева Н.В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004. 33 с

16. Холмоєенко О.М., Туник А.И. Зооморфный культурный код в русской лингвокультуре (на материале художественных текстов) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. №3. С.215-224.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Скуридина Светлана Анатольевна,
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного технического университета,
SPIN-код: 5975-9507
e-mail: saskuridina@ya.ru

Skuridina Svetlana Anatolievna,
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Russian Language and Intercultural Communication,
Voronezh State Technical University,
SPIN-код: 5975-9507
e-mail: saskuridina@ya.ru

УДК 801.3=82(045/046):26

Н.Б. Бугакова

Воронежский государственный технический университет

(Воронеж, Российская Федерация)

E-mail: ya_witch@mail.ru

РОЛЬ ТЕРМИНОВ РОДСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОМАНА «ЧЕВЕНГУР»

Аннотируемое исследование направлено на изучение особенностей функционирования терминов родства в романе А. Платонова «Чевенгур». Особое внимание уделяется анализу способов включения этих лексем в ономастическое пространство произведения, выявлению семантического потенциала родственных наименований и определению их значимости для раскрытия внутреннего мира персонажей и передачи ключевых идей романа. Рассматривается, каким образом данные обозначения способствуют раскрытию характеров героев, отражают социокультурный контекст эпохи и воплощают авторские философско-нравственные идеи. Анализируя терминологию родства, автор статьи показывает, какую роль играют подобные слова в формировании художественных образов, построении сюжетных линий. Работа также подчеркивает влияние платоновского подхода к использованию родственной номинации на восприятие читателями символики текста и смысловых пластов повествования. Результатом исследования являются выводы относительно специфики формирования художественного пространства произведения и подтверждают значимость изучения номинаций родства для понимания литературного наследия А. Платонова. Термины родства, являясь ключевыми для понимания текста, становятся средством выражения стремления к единству и гармонии, которое остается недостижимым в реальной жизни. Кроме того, термины родства, заменяя имя собственное, способствуют воссозданию исторического хронотопа.

Ключевые слова: А. Платонов, модель ономастического творчества, некоторые термины родства, «Чевенгур».

N.B. Bugakova

Voronezh State Technical University

(Voronezh, Russian Federation)

e-mail: ya_witch@mail.ru

THE ROLE OF KINSHIP TERMS IN THE FORMATION OF THE ONOMASTIC SPACE OF THE NOVEL "CHEVENGUR"

The annotated study is aimed at studying the features of the functioning of kinship terms in A. Platonov's novel "Chevengur". Particular attention is paid to the analysis of the ways of including these lexemes in the onomastic space of the work, identifying the semantic potential of related names and determining their significance for revealing the inner world of the characters and conveying the key ideas of the novel. It is considered how these designations contribute to the disclosure of the characters, reflect the socio-cultural context of the era and embody the author's philosophical and moral ideas. Analyzing the terminology of kinship, the author of the article shows what role such words play in the formation of artistic images, the construction of plot lines. The work also emphasizes the influence of Platonov's approach to the use of kinship nomination on the perception of the text's symbolism and semantic layers of the narrative by readers. The result of the study is conclusions regarding the specifics of the formation of the artistic space of the work and confirms the importance of studying kinship nominations for understanding the literary heritage of A. Platonov. Kinship terms, being key to understanding the text, become a means of expressing the desire for unity and harmony, which remains unattainable in real life. In addition, kinship terms, replacing a proper name, contribute to the recreation of the historical chronotope.

Key words: A. Platonov, model of onomastic creativity, some kinship terms, "Chevengur".

Терминология родства играет важную роль в формировании образности и символизма в литературе. Настоящее исследование посвящено анализу терминов родства в ономастическом пространстве романа «Чевенгур». Цель данной работы – исследовать функционирование родственных наименований в рассматриваемом произведении, определить их значение

для построения сюжета, характеристики персонажей и выражения социальной проблематики эпохи революционных преобразований начала XX века.

А. Платонов, один из выдающихся русских писателей XX века, известен уникальным стилем и философской глубиной произведений. Исследователи творчества писателя отмечают, что оригинальность его произведений «ярче всего проявляется в языковом исполнении, в знаменитом платоновском стиле, которому невозможно найти аналог в русской литературе» [4, с. 13]. Эта гипотеза основывалась на мнении о том, что «в духе общей тенденции платоновские вещи наполнены разноязыким говором революционной эпохи, революционной фразой и политическими лозунгами, новыми штампами, диалектными словами, нередко придающими речи персонажей комический эффект» [4, с. 13]. Создание такого языка способствует, по нашему мнению, выражению авторской позиции, а следовательно, отражению картины мира писателя. Однако отметим, что самым важным писатель считал порождение смысла; на это обращает внимание В.В. Буйлов: «платоновский языковой дискурс характеризуется наличием многих косвенных смыслов» [3, с. 566].

В художественных произведениях писателя часто затрагиваются темы одиночества, поиска смысла жизни и борьбы человека с окружающей действительностью. В этой связи одной из характерных черт модели ономастического творчества А. Платонова является активное использование терминов родства, которые выходят за рамки простого обозначения семейных связей и становятся важными символическими элементами (об этом см. подробнее [1]).

Предлагаемое исследование выполнено в традициях Воронежской ономастической школы и посвящено выявлению функций терминов родства в модели ономастического творчества А. Платонова. Объектом исследования являются термины родства, используемые вместо имени собственного, в романе А. Платонова «Чевенгур» в их взаимодействии с другими разнородными единицами текста. Отметим, что анализ апеллятивно-онимного единства способствует более глубокому проникновению в художественный замысел автора.

Рассматриваемый роман – одно из наиболее значимых произведений А. Платонова, где писатель создал уникальную картину разрушающегося традиционного уклада жизни, пытается осмыслить процессы разрушения семейных связей и традиционных ценностей. В «Чевенгуре» автор исследует тему утопического общества, где люди пытаются построить новый мир на основе равенства и братства. Однако эта попытка оказывается неудачной, поскольку идеалы сталкиваются с реальностью человеческих слабостей и противоречий. Одним из способов выражения этой идеи становится использование терминов родства. Персонажи романа часто используют термины родства, замещая ими обращение по имени: «Паровоз никакой пылинки не любит: машина, брат, это барышня» [5, с. 9] – сообщает один из героев романа, употребляя лексему *брат* по отношению к человеку, не находящемуся в кровном родстве с героем. Также вместо обращения по имени может быть использована диминутивная форма рассматриваемой лексики: «Бобыль замирал от удивления: – Могучее дело. Куда ж тут, братцы, до всего дознаться!» [5, с. 4]. Употребление лексики *братцы* демонстрирует удивление и некоторое смирение персонажа перед сложностью мира, а также подчеркивает простоту и непосредственность героя, его народность. Отметим, что в русской культуре обращение *братцы* имеет глубокие корни и ассоциируется с традициями взаимопомощи, коллективизма и уважения к старшим или более опытным людям.

Отметим, что диминутив *братцы* не используется писателем в качестве обозначения родственных связей. Так, Прохор Абрамович, сообщая маленькому Саше Дванову о рождении еще двоих детей в семье, говорит: «Два братца тебе родилось» [5, с. 13]. Известно, что Саша в семье приемный, поэтому родившиеся дети, не будучи ему кровными родственниками, именуются братцами. Для обозначения кровного родства писатель вводит лексику *брат*, употреблённую в форме множественного числа: «Я вам скоко раз наказывала раньше прихо-

дить! – закричала Варя на братьев. – У, идола крошечные! Сейчас же снимайте одежду – не где ее брать!» [5, с. 49].

Напротив, термин родства *сестра* используется для демонстрации как кровного, так и духовного родства: сестра – Варька, являющаяся кровной сестрой своим братьям, приучающая их «к твердой справедливости» [5, с. 49]; сестра – Фекла Степановна, которая «защитила Дванова тем, то приучила его к своей простоте женщины, точно она была сестрой скончавшейся матери Дванова, которой он не помнил и не мог любить» [5, с. 64]; сестрой называет Дванов свою возлюбленную Соню Мандрову. Полагаем, этот термин символизирует общую судьбу, которую разделяют герои. Такое употребление рассматриваемых терминов показывает, что истинное единство людей заключается не в биологической связи, а в духовной близости и взаимопонимании.

Термин родства *сестра* используется писателем не только по отношению к людям. Так, автор называет сестрой земли луну: «под луною молча спал человек; свет солнца, озарявший издали ночную сестру земли, имел в себе мутное, горячее и живое вещество, но до луны этот свет доходил уже процеженным сквозь мертвую долготу пространства» [5, с. 188]. В данном случае при помощи термина родства *сестра* автор вводит в текст романа мифопоэтическую оппозицию земля/небо (об этом см. подробнее [2; 6]).

Примечательно употребление писателем термина *братство*: один из героев романа, вспоминая, чего он «только не пил», говорит, что ничего из выпитого «души не радует», кроме водки, которая «санитарно готовилась, стерва! Прозрачна, чисто воздух Божий – ни соринки, ни запаха, как женская слеза. ... Хватишь сотку – сразу тебе кажется и равенство, и братство» [5, с. 59]. В речи персонажа получает переосмысление популярный лозунг «Свобода, равенство и братство» (*Liberté, égalité, fraternité*), бывший символом Французской революции конца XVIII века и отражавший основные идеалы революционеров, стремившихся к упразднению монархии и установлению республиканского строя. Позднее этот лозунг стал популярен во многих странах и движениях, стремящихся к социальным изменениям и справедливости, в том числе и в СССР. Таким образом, использование термина родства *братство* в рассматриваемом примере обозначает, очевидно, не кровную связь между людьми, а духовное единение, единомыслие, стремление к общей цели. Кроме того, употребление этого термина направлено на воссоздание исторического хронотопа, так как погружает читателя в создаваемый писателем мир образов, в описываемую им реальность. Полагаем, введение в ткань художественного произведения термина *братство* также подчёркивает идеологизированность сознания героев, иллюстрируя стремление установить коллективное сознание взамен индивидуального. Термин *братство*, таким образом, выступает своеобразным маркером принадлежности к определённой группе, демонстрируя процесс разрушения традиционной семьи и возникновения новых форм социального объединения.

Термины родства *мама* и *папа* вводятся в текст произведения в формах *мать* и *отец*: «За гробом отца мальчик шел без горя и пристойно» [5, с. 8]; «Кто получил себе мать или дочь, тот редко выходил из жилища и старался трудиться под одной крышей с родственницей, заготавливая неизвестные вещи» [5, с. 225]. Отметим, что употребление этих терминов в рассматриваемых примерах позволяет предполагать, что герои не испытывают глубоких родственных чувств; мальчик Саша Дванов хоронит отца, а не папу, и за гробом идет «без горя». Жители Чевенгура могут «получить» мать или дочь; очевидно, кровное родство необязательно для чевенгурцев. Подтверждение этой гипотезе находим в тексте: вводя термины родства *отец* и *сын*, автор сообщает: «сын и отец были связаны несколько не чувством, а имущественно» [5, с. 189].

Употребление терминов родства *бабушка* и *дедушка* осуществляется по отношению к незнакомым людям. Персонажи обращаются к этим лексемам, заменяя ими антропонимы: «Живой еще, дедушка? – сказал сторожу Захар Павлович» [5, с. 8]; «Старушка подошла к приказчику и протянула ему карточку, зашитую на прорехах суровыми нитками. – Не надо, бабушка, так отпустим, – заявил приказчик» [5, с. 97]. Такие обращения обусловлены тради-

циями русского языка и культуры: зачастую термины родства *бабушка* и *дедушка* используются не только для обозначения кровных родственников, но и в качестве уважительного обращения к пожилым женщинам и мужчинам. В рассматриваемых примерах герои создают атмосферу заботы о персонажах, по отношению к которым употребляются термины родства. Кроме того, предположим, что употребление терминов родства *бабушка* и *дедушка* по отношению к незнакомым людям иллюстрирует тезис о том, что в Чевенгуре всё общее; эта концепция была центральной в марксистско-ленинской идеологии, лежащей в основе Советского Союза. Отметим, что автор вводит в текст дериваты рассматриваемых терминов родства, например, притяжательное прилагательное *бабушкин*: «всадник въехал в церковь с удивлением возвращенного детства, словно он очутился на родине в бабушкином чулане» [5, с. 119]. Очевидно, что воспоминания о бабушкином чулане связаны с воспоминаниями о детстве, а образ бабушки ассоциируется с заботой, любовью и поддержкой. Символично сравнение церкви и чулана: они представляют собой противоположные пространства – общественное и священное и личное и интимное, и такое их сочетание в тексте создает ощущение пересечения разных миров, сложного переплетения символов.

В качестве замены антропонимов используются термины родства *дядя* и *тетя*, однако отметим принципиальное, на наш взгляд, отличие. *Дядя* вводится писателем в текст произведения либо в диминутивной форме («Ты, дядюшка, напрасно тона не оглашай» [5, с. 7]), либо в стяженной («Дядь, дай копейку, – сказал он» [5, с. 23]), в то время как *тетя* используется только в пейоративной форме («А чего тетки плачут?» [5, с. 6]; «тетка Марья ходила порожня» [5, с. 12]).

Отметим также одного из центральных персонажей романа – Захара Павловича, который называет всех жителей Чевенгура своими «детьми», не являясь, очевидно, их биологическим отцом. Термин *дети*, используемый героем, отражает его заботу и ответственность за сообщество. Захар Павлович стремится создать условия, в которых каждый человек будет чувствовать себя частью большой семьи, но его усилия оказываются тщетными из-за внутренней разобщенности и эгоизма людей.

Анализ семантики терминов родства в романе позволяет говорить о духовной близости героев: термины родства символизируют не только биологические связи, но и эмоциональную и духовную привязанность персонажей, общность их целей и переживаний. Кроме того, использование терминов родства связано с идеей построения справедливого общества, основанного на принципах равенства и взаимопомощи; в некоторых случаях термины родства призваны продемонстрировать разрушение традиционных семейных структур. Это отражает изменения, происходящие в обществе после революции, когда старые ценности уступают место новым. Отметим также связь терминов родства с социальной динамикой внутри чевенгурской общины. Когда жители начинают воспринимать себя как единое целое, заменяя традиционные семейные отношения новыми формами коммуникации, появляется ощущение потери индивидуальности и превращения человека в винтик общественной машины. Такие изменения приводят к деградации личности и утрате человечности, ставших лейтмотивом всего романа. Таким образом, терминология родства становится мощным средством отображения кризиса человеческой природы, трагедийной судьбы народа и гибели старых устоев.

Завершая анализ, отметим: исследование терминов родства в творчестве А. Платонова позволяет сделать вывод о том, что они, являясь ключевым элементом, формирующим художественный мир произведения, играют важную роль в передаче философских и социальных идей автора. Через символы семейных связей автор выражает свои размышления о природе человека, обществе и духовности. Термины родства, через которые передаются чувства одиночества, тревоги, разрыва поколений и морального кризиса, становятся средством выражения стремления к единству и гармонии, остающееся недостижимым в реальной жизни. Кроме того, термины родства, заменяя имя собственное, способствуют воссозданию исторического хронотопа, отражая социальный контекст эпохи, в которую жил и творил писатель.

Библиографический список

1. Бугакова Н.Б. Лексическая объективация бинарной оппозиции «земля – небо» в художественной модели мира А. Платонова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 3 (46). С. 32-37.
2. Бугакова Н.Б., Скуридина С.А., Кузьминых Е.О. Антропонимикон и термины родства в рассказе А. Платонова «Никита» // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2024. Т. 43. № 2. С. 199-205.
3. Буйлов В.В. Писательский метод Андрея Платонова: отдельные ключевые характеристики и лингвостилистические средства // Неофилология. 2021. Т. 7. № 28. С. 565-577.
4. Матвеева И.И. Комизм языка персонажей Андрея Платонова // Русская речь. 2001. №4. С.12-17.
5. Платонов А. Собрание сочинений в 5-ти томах. Т. 2. М.: «Информпечать», 1998. 236 с.
6. Скуридина С.А., Бугакова Н.Б., Кузьминых Е.О. Земля как мифопоэтическая константа: Ф.М. Достоевский, А. Платонов, И. Шмелев // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2022. Т. 26. № 3. С. 21-34.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Бугакова Надежда Борисовна,

доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Воронежский государственный технический университет,
SPIN-код: [1080-8136](#);
e-mail: ya_witch@mail.ru

Bugakova Nadezhda Borisovna,

Doctor of Philology, Associate Professor; Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Voronezh State Technical University,
SPIN-code: [1080-8136](#),
e-mail: ya_witch@mail.ru

УДК 811. 111'37

М.Ю. Беляева

*Кубанский государственный университет, филиал в г. Славянске-на-Кубани
(Славянске-на-Кубани, Российская Федерация)
e-mail: fliny@mail.ru*

ЭТИОЛОГИЯ ИЗМЕНЕНИЙ АНТРОПОНИМОВ В РОМАНЕ "ЛОНДОН" Э. РЕЗЕРФОРДА

Статья посвящена исследованию причин изменения антропонимов персонажей романа "Лондон" Э. Резерфорда. Дифференцированы понятия мены и трансформации собственных имен. Типологизированы причины трансформации антропонимов их носителями (социальные, конфессиональные и др.), выявлена этиология мены антропонимов.

Ключевые слова: ономастика, антропоним, мена имени, трансформация антропонима.

M.Y. Belyaeva

*Kuban State University, branch in Slavyansk-on-Kuban
(Slavyansk-on-Kuban, Russian Federation)
e-mail: fliny@mail.ru*

ETIOLOGY OF CHANGES IN ANTHROPONYMS IN THE NOVEL «LONDON» BY E. RUTHERFORD

The article is devoted to the study of the reasons for the change in the anthroponyms of the characters in the novel "London" by E. Rutherford. The concepts of exchange and transformation of proper names are differentiated. The reasons for the transformation of anthroponyms by their bearers (social, confessional, etc.) are typologized, and the etiology of the exchange of anthroponyms is revealed.

Keywords: onomastics, anthroponym, name change, anthroponym transformation.

Повествуя о жизни поколений жителей Лондона на протяжении длительного исторического периода (с I в. н. э. до середины XX века), Э. Резерфорд уделяет значительное внимание антропонимикону исторического центра столицы. Историко-культурный экскурс в прошлое Англии был высоко оценен специалистами [8]. По признанию самого автора, большая часть фамилий исторически достоверна, хотя другая часть признаётся плодом авторского воображения [3; I, с. 16]. Центральные персонажи – члены семейств *Барникелей, Буллов, Дукетов, Мередитов, Сильверсливзов, Флемингов* – принадлежат к разным слоям общества: купцам, ремесленникам, священнослужителям. С течением времени и жизненных обстоятельств социальный статус и номинации ряда ключевых и второстепенных персонажей подвергается изменениям; помимо внешелингвистических факторов действуют и иные, интралингвистические.

Предметом данной статьи являлась этиология изменения антропонимов персонажей романа "Лондон". Были использованы как текст подлинника [7], так и перевод А. Смирнова с английского на русский язык [3]; источники сведений об ономастике английского языка [2; 4-5].

Принципиально важным представляется дифференциация понятий мены и трансформации онимов. К первым относим случаи обмена именами между субъектами. По мнению Б. А. Успенского, "если перемена имен часто знаменует собой переход в иное (социальное) состояние, < > то естественным следствием отсюда является то

обстоятельство, что социальные катаклизмы влекут за собой часто и перемену имен" [6; с. 153]. В отличие от мен, трансформации касаются собственно вербального материала. Рассмотрим оба феномена, обнаруженные нами в тексте романа Э. Резерфорда.

Причины мены антропонимов.

1. Соображения престижа.

Silversleeves (1066 год). Персонаж, услышавший на улице: "Look, that one must be rich. He's got silver sleeves" ("Глянь-ка на богатея. Рукава сплошняком в серебре"), решил, что "Silversleeves: a rich man's name" ("Подходящее прозвище для богатого человека") [7; 3; I, с. 227]. В дальнейшем прозвище было использовано в качестве фамильного имени. В действительности прозвище *Силверсливз* давали тем, кто справлялся с насморком при помощи рукава [3; I, с. 17].

Джулиус Дуккет > лорд *Боктон* ("Собор святого Павла", 1675 год). Сэра Джулиуса Дуккета король намеревался произвести в лорды. "Карл II любил награждать верных друзей титулами ... – Я предпочёл бы называться лордом Боктоном, ваше величество. Старинное родовое имение, выбор был прост" [3; II, с. 243].

2. Конфессиональные мотивы.

Эльфгива > *Годива* ("Распятие", 604 год).

Героиня новеллы, саксонка *Эльфгива*, под давлением мужа и священников вынуждена принять крещение и с ним христианское имя *Годива*. Оба варианта имеют аналогичную этимологию – 'дар, подарок' [4].

Матаока > *Ребекка*; *Покохонтас* > *Рольф* ("Божий пламень", 1603 год). Индейская принцесса, вошедшая в историю как *Покохонтас*, при крещении в христианство приняла имя *Ребекка*.

Роуланд Булл > Питер Мередит > *Роберт Браун* ("Глобус", 1587 год).

Ценой собственной жизни священник Питер Мередит спасает мужа сестры, некоего Роуланда Булла, под угрозой смерти отказавшегося изменить католической вере ради англиканской. Вначале он принимает имя своего спасителя Питера Мередита, меняя затем место жительства, а с ними имя и фамилию. Он и его супруга Сьюзен становятся *Браунами*. *Brown* считается одним из самых распространенных имен в англоязычных культурах: "Подобные фамилии обогащаются таким содержанием, которое выводит их на уровень культурно значимых имен" [1; с. 170]. Столь же непримечательным выглядит антропоним *Роберт*. В среднеанглийский период имя входило в число наиболее употребительных вместе с *John, William, Richard, Robert* [1; с. 171].

3. Социальные мотивы.

Ребекка; *Покохонтас* > *Рольф* ("Божий пламень", 1615 год).

Выйдя замуж за колониста в Виргинии, *Ребекка Покохонтас* превратилась в заурядную миссис *Рольф* [3; II, с. 102].

Джейн Флеминг > *Джейн Уилер* ("Божий пламень", 1620 год):

"У моего мужа *Уилера* была хорошая ферма. В Виргинии" [3; II, с. 130].

Джефффри Дуккет > Булл ("Лондонский мост", 1378 год).

Прежде чем отдать свою дочь найденышу, богатый купец, не имеющий наследника, выставил одно условие: *чтобы его сын назвался Буллом* [3; II, с. 650].

Причины трансформации антропонимов.

1. Соображения престижа.

Ле Блон > *Блант*; *Букерелли* > *Букерель* ("Святой", 1170 год)/

"Already at that time London's leading citizens included many new arrivals from France, Flanders and Italy. Names like Le Blond and Bucherelli soon became English as Blunt and Buckerell" [7; I, с. 256] ("Уже в те времена среди состоятельных граждан Лондона числились многие переселенцы из Франции, Фландрии и Италии. Такие фамилии, как *Ле Блон* и *Букерелли* вскоре преобразовались в английские: *Блант* и *Букерель* ") [3; II, с. 357].

Леофрик (сын) > Фиц-Леофрик ("Святой", 1170 год). "После завоевания семья вознамерилась жить на нормандский лад, обогатив отцовское имя приставкой "Фиц"[3; I, с. 360].

Дукет > де Кетт ("Джин-Лей", 1750 год). "... Сент-Джеймсы носили торгашескую фамилию *Дукет* (графами-то они стали, но корни уходили в торговлю)", но ради женитьбы на красавице и моднице мисс Бархем г-н "сделал ей одолжение, переименовав оную [фамилию – М.Б.] на невозможный французский лад: *де Кетт*. Друзьям она сказала, что это древнейшее написание, искаженное временем", доказывая, что родовая фамилия графа восходит к эпохе Нормандского завоевания. Иные предки были рождены, иные – сотворены; де Кетты были не единственным подправленным родом" [3; II, с. 299].

2. Профессиональные мотивы.

Дуккет > Доггет ("Вертеп", 1205 год). Две сестры из обнищавшего семейства Дуккетов получили новую, "цеховую" фамилию, работая проститутками. "Близнецов так хорошо и так прочно связывали с родным борделем, что ныне повсеместно именовали девушками из "*Собачьей головы*" (*Dog's Head* 'собачья голова', *Dog-Head* 'Доггет' [3; I, с. 479]. Ни родители, ни сами девушки не только не расстроились, но восприняли переименование с энтузиазмом.

Dogget > Ducket ("Катти Сарк", 1889 год). Принимая на работу служанки отдалённую родственницу, хозяйка требует, чтобы девушка переменила фамилию, полагая, что при совпадении раскроется семейная тайна: "I do not think it appropriate that she should be a Dogget. She will have to change it." She considered. "Let her be Ducket. That will do" [7]. ("... ей будет неудобно остаться Доггет. – Она задумалась. – Пусть станет Дукет. Это сгодится") [3; II, с. 515].

3. Адаптация к языковой среде ("Собор Святого Павла", 1675 год).

Thierry > Terry, Mahieu > Mayhew, Crespin > Crippen, Descamps > Scamp

В период ослабления борьбы с гугенотами при Карле II община лондонских гугенотов "хорошо вписалась в среду". "Their French names – *Olivier, LeFanu, Martineau* ... – had either acquired an English sound" [3; II, с.688]. ("Их французские фамилии – *Оливье, Ле Фэн, Мартинэ* ... также приобрели английское звучание" [3; I, с.225].

Юджин де ла Пенисье > Юджин Пенни ("Лондонский пожар", 1666 год).

При первом знакомстве с юным гугенотом-французом, приехавшим к дяде в Лондон, его ровесник лондонец заявляет, что "французское имя ему в жизни не выучить" [3; II, с. 219]. Взамен сложного для него французского *Обиджойфул* Карпентер смог подобрать лишь "довольно заурядное" английское слово – *Пенни*. Словарь фамилий А. И. Рыбакина возводит этимологию антропонима к корню *penn* 'гора' валлийского языка [5; с. 353]; ассоциации Карпентера, скорее всего, не пошли далее названия мелкой монеты.

Переживая ряд трансформаций, антропоним теряет исходную мотивацию, будучи сопоставлен с этимологией фамилии: *Ducket* – дериват от иллирийского *Marmaduke*; *Пенни* – от валлийского *penn* 'гора' [5; с. 155, 353] и др.

Таким образом, анализ текста показал, что механизм преобразования антропонимов в романе Е. Rutherford'a "London" (Э. Резерфорд, "Лондон") включает как мены, так и трансформации онимов. В том и другом случае имеет место воздействие социальных, профессиональных факторов, мотивов престижности.

Библиографический список

1. Гарагуля С.И. Раскрытие содержания фамильных имен в лингвокультурологическом словаре // Известия Саратов. ун-та. Нов серия. Серия Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 170-174.

2. Королькова Е.К, Токарева Н.В. Особенности англоязычной антропонимики древнеанглийского периода // Вестник науки. Июль 2024. № 7 (76). Т. 1. С. 436-442. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-angloyazychnoy-antroponimiki-drevneangliyskogo-perioda/viewer>.

3. Резерфорд Э. Лондон. В 2 т. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. Т.1 (I). 768 с.; Т. 2 (II). 608 с.

4. Рыбакин А.И. Словарь английских личных имен: 4000 имен. 3-е изд., испр. М.: Астрель; АСТ, 2000. 224 с.

5. Рыбакин А.И. Словарь английских фамилий. М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. 576 с.

6. Успенский Б.А. Избранные труды. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1994. 688 с.

7. Rutherford E. London. The Random House Publishing Group / New York: Ballantine Books, 1997. 829 p.

8. Zelezinskaya N.S. (2023). Strategies of personification of the image of London: From binary conflicts to systems Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города, 3(2). С 234-241. URL: [https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(2\)-234-241](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(2)-234-241).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Беляева Марина Юрьевна,

доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной филологии
Кубанского государственного университета,
филиала в г. Славянске-на-Кубани,
SPIN код 5121-6124
e-mail: fliny@mail.ru

Belyaeva Marina Yurievna,

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Philology
Kuban State University, a branch in Slavyansk-on-Kuban,
SPIN code 5121-6124
e-mail: fliny@mail.ru

УДК 811.161

Н.А. Трубицина
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
(Елец, Российская Федерация)
e-mail: trubicina-nat@mail.ru

ТОПОНИМИКА ПАРИЖА В РАССКАЗЕ И.А. БУНИНА «БОГИНЯ РАЗУМА»

В рассказе «Богиня Разума» И.А. Бунин показывает, как десакрализации французской жизни в разные периоды истории отражается на эмблематических локусах Парижа. Упомянутые им в произведении топосы, являющиеся знаковыми символами французской столицы, претерпели на себе все неблагоприятные последствия революционного времени, что отразил писатель в своем произведении.

Ключевые слова: И.А. Бунин, Париж, «Богиня Разума», топонимика.

N.A. Trubitsina
I.A. Bunin Yelets State University
(Yelets, Russian Federation)
e-mail: trubicina-nat@mail.ru

TOPONYMY OF PARIS IN I.A. BUNIN'S SHORT STORY "THE GODDESS OF REASON"

In the short story "The Goddess of Reason," I.A. Bunin shows how the desacralization of French life in different periods of history is reflected in the emblematic loci of Paris. The toposes mentioned by him in his work, which are iconic symbols of the French capital, have suffered all the adverse effects of the revolutionary period, which the writer reflected in his work.

Keywords: I.A. Bunin, Paris, "Goddess of Reason", toponymy.

Рассказ «Богиня Разума» был написан И.А. Буниным в 1924 году. Этот период был достаточно плодотворным для писателя. Прошёл первый шок новой эмигрантской жизни, наладились творческие связи, относительно стабилизировалось материальное положение. Бунин начинает печататься во французских эмигрантских журналах, в частности, в «Парижских новостях», где выходят его произведения, составившие впоследствии цикл «Под Серпом и Молотом», куда был включен этот рассказ.

Н.В. Пращерук определяет книгу «Под Серпом и Молотом» как собрание «путевых и историко-культурных этюдов» [7, с. 207], а Е.В. Капинос называет ее «мемуарным сборником». Размышляя о причинах включения «Богини Разума» в цикл «Под Серпом и Молотом», Е.В. Капинос приходит к выводу, что «писатель сам определил статус текста, переместив его из художественной в документальную прозу, настолько важно было подчеркнуть «невывышенность» истории и автобиографичность «я-повествователя» [2, с. 121]. В этой связи стоит отметить, что все топографические детали, описываемые Буниным в данном произведении, претендуют на географическую точность.

Однако в рассказе описывается событие, случившееся в Париже 10 ноября 1793 года, а начинается повествование с фиксации дневникового факта: «Я записал этот день: "Париж, 6 февраля 1924 г. Был на могиле Богини Разума"» [1, с. 282]. Таким образом, между событием и рефлексией по его поводу прошло более 130 лет. Поэтому парижские локации 1793 года рисуются автором с определенной долей условности: «В автомобиле я добросовестно постарался вспомнить возможно подробнее и представить себе возможно яснее все, что знал о 10

ноября 1793 года. Какой был тогда Париж? Бог его знает, какой, слабо наше воображение, не велик разум. Ну, конечно, был Париж уже и тогда огромным городом, со множеством садов и поместий, с прекрасными зданиями, но и с лачугами, с лужами и грязью даже на площадях, с грубыми средневековыми мостами через патриархальную Сену... Левый берег вообразить легче, – столько еще сохранилось там прежних узких улиц и узких нелепых домов. Зато собор все тот же» [1, с. 284-285]. Таким образом, в рассказе те места, которые относятся к 1793 году, дорисовываются авторским воображением, опираясь на современные ему реалии.

Увлеченно изучающий историю Великой Французской революции, Бунин обращается к трудам французского историка Жоржа Ленотра, из книги которого («Paris révolutionnaire. Vieilles maisons, vieux pariers») узнает историю жизни актрисы, певицы Grand Opéra, Терезы Анжелики Обри. Во время проведения «Фестиваля свободы» 10 ноября 1793 года в Соборе Парижской Богоматери она была коронована как «богиня разума», которая должна была заменить народу Святую Деву Марию. Кошунство происходящего Бунин приписывает революционным лидерам, которые, по мнению писателя, одинаковы во все времена и у всех народов.

Трагическая судьба актрисы (стала калекой после падения из-под купола театра) заинтересовала Бунина, и он решается посетить ее могилу на кладбище Монмартр. На этом, собственно, держится сюжетная линия произведения: рассказ о жизни Терезы Анжелики Обри чередуется с описанием событий «Фестиваля свободы» 1793 года и путешествия автора на монмартское кладбище в 1924 году. Парижская топонимика, таким образом, представлена, собственно городом Париж, и местами, на которые автор обращает внимание в описании Ленотра и в процессе своей собственной поездки в некрополь.

Париж как художественное пространство, в котором происходит действие рассказа, упоминается в тексте 11 раз. Этот город, безусловно, можно отнести к местам «с репутацией», и, несмотря на споры о существовании или не существовании Парижского городского локального текста, существует ряд социокультурных, пространственно-временных и аксиологических параметров, присущих только этому топосу.

В «Богине разума» перед нами современный автору Париж, город начала XX века, и Париж периода Великой французской революции, конца XVIII века. Эти два временных вектора задаются в самом начале произведения. Сначала определяется вектор, современный автору: «Париж, 6 февраля 1924 г.», и уже в следующем предложении - вектор исторический: «Богиня Разума родилась в Париже, полтора века тому назад, звали ее Тереза Анжелика Обри» [1, с. 282]. И далее эти два временных пласта чередуются в рефлексии автора: «Через минуту я уже стоял в людном вагоне, мчался под Парижем и думал о Париже времен Богини Разума...» [1, с. 283].

Мы уже приводили фрагмент описания, каким видится рассказчику Париж конца XVIII века: огромный город в сочетании нищеты и роскоши. «И на мгновение я довольно живо почувствовал душу Парижа в те годы, тот развал жизни, то нечто бездельное, праздничное и жуткое, то владычество черни, которым веет в воздухе во времена всех революций» [1, с. 285]. Париж исторический у Бунина – это Париж *революционный*, с присущей революционному времени карнавализацией жизни. Несмотря на склонность народа ко всякого рода зрелищам, «торжество 10 ноября свалилось на Париж», являя собой высшую степень безнравственности и «беспримерного кошунства».

Современный писателю город представляет собой настоящий мегаполис: «Солнце, все-таки еще зимнее, уже склонялось, был самый людный час, и несметное множество народа и экипажей затопляло площадь в его зеленоватом жидком блеске. Пешеходы бежали, автомобили и omnibus медленно текли страшной ревущей лавиной» [1, с. 284]. Столь свойственный многим русским писателям (и особенно, простым россиянам) парижский «люблю-текст» полностью отсутствует у Бунина. Негативные коннотации окрашивают даже такие, казалось бы, положительные семы-символы, как солнце, блеск, движение.

Современный автору Париж как социальная общность также видится Бунину в определенной степени ущербным, ибо не сумел сохранить в своей исторической памяти столь важное, по мнению Бунина, имя: «Я хорошо знал, что славная Тереза Анжелика Обри была забыта еще при жизни весьма основательно, а впоследствии уже настолько, что целых сто лет даже историки, специально занимавшиеся изучением «великой» революции и в частности культа разума, почти все были убеждены, что знаменитую революционную Богиню изображала m-me Maillard, балетный кумир тех дней, пока не догадались заглянуть в уцелевшие газеты от 11 ноября 1793 года. Но я как-то не подумал об этом хорошенько, да отчасти и был прав: ведь все-таки теперь имя Терезы Анжелики Обри должно быть в каждом новом учебнике» [1, с. 286].

Но не только в учебнике нет упоминаний о Терезе Анжелике Обри. Даже служители известного кладбища не знают, где находится ее могила. Только случайно, после долгих поисков, автору удалось ее обнаружить. «Да, так вот оно что: даже на кладбище ни единая душа не знает и знать не желает о какой-то Богине Разума, некогда коронованной вот в этом самом Париже, под древними сводами собора Парижской Богоматери» [1, с. 287].

Таким образом, в рассказе «Богиня Разума» образ Парижа далек от традиционного его восприятия различными русскими писателями, а также героями и персонажами их произведений. Париж с его высокими достижениями в области философии, искусства, моды заслоняется в сознании Бунина Парижем историческим, революционным с его балаганностью и падением нравов, а Париж, современный автору, воспринимается как обычный мегаполис с короткой исторической памятью.

Собор Парижской Богоматери упоминается в рассказе 10 раз. 3 раза в полном своем наименовании, и 7 раз в сокращенном, просто «собор», т.к. контекстуально понятно, что речь идет именно об Notre-Dame de Paris.

Этот локус лишь однажды фигурирует как современный автору объект: «Зато собор все тот же» [1, с. 284-285]. Тот же он не столько архитектурно, сколько метафизически, являя собой символ Парижа на все времена.

Собор был эмблематичным локусом и тогда, когда свершались в нем кошунственные не только с точки зрения христианства, но и вообще здравого смысла, события: «10 ноября 1793 года она играла на сцене, которую никогда не могла и вообразить себе, – в Соборе Парижской Богоматери, выступала в роли неслыханной и невиданной, в роли Богини Разума, и затем – *après avoir detrone la ci-devant Sainte Vierge* [после того, как была свергнута бывшая Святая Дева] – торжественно была отнесена в Тюильерийский дворец, в Конвент: как живое воплощение нового Божества, обретенного человечеством» [1, с. 282-283].

Вечный символ французской столицы Notre-Dame de Paris в «Богине Разума» предстает как абсолютная ценность, поруганная временем: «Но все-таки не могло не потрясать ее и все то, что делалось в те дни и с религией, вся эта вдруг начавшаяся по всей стране бешеная, зверская охота за священниками, грабеж и осквернение церквей и, как венец всего, упразднение Бога по комиссарским декретам и переименование в “Храм Разума” собора Парижской Богоматери, сперва даже было предназначено к полному разрушению» [1, с. 289]. Собор был возвращен церкви и вновь освящен в 1802 году.

Никаких исторических или искусствоведческих фактов не приводит Бунин о Соборе Парижской Богоматери, ни одной интертекстуальной аллюзии (например, на роман Гюго) не возникает при чтении рассказа. В «Богине Разума» Notre-Dame de Paris лишь священное место, в котором разворачиваются трагические события, связанные с сакрализацией новой европейской идеологии – культа Разума.

Пять раз упоминается в рассказе *Парижская опера (Гранд-опера)*. И здесь стоит отметить особую топографическую точность Бунина, ибо Гранд-опера в разные годы французской истории находилась в разных зданиях. В 1793 году Парижская опера располагалась в театре Порт-Сен-Мартен, в настоящее время бульвар Сен-Мартен, 18, в 10 округе Парижа. А

с 1875 г. труппа переехала во Дворец Гарнье, который сейчас расположен в 9 округе французской столицы, в конце проспекта Оперы, около одноимённой станции метро.

Рассказывая биографию Терезы Анжелики Обри, автор отметит: «...в двух шагах от улочки Сэн-Мартэн, где она родилась и росла, находилось нечто сказочно-чудесное, здание Оперы» [1, с. 282]. Бунин имеет ввиду здание театра Порт-Сен-Мартен, который действует по настоящее время и отличается великолепной архитектурой.

На кладбище Монмартр рассказчик отправляется на метро: «Через минуту я уже стоял в людном вагоне... Возле Оперы я вышел на свет Божий... Я поймал свободный автомобиль, вскочил и поехал дальше». [1, с. 284-285]. Здесь под Оперой понимается уже Дворец Гарнье, который наравне с Лувром, Эйфелевой башней и Собором Парижской Богоматери является эмблематичным локусом Парижа. Но автор не заостряет внимания на красивейшем здании архитектуры стиля Второго ампира, или стиля Наполеона III. Для него это всего лишь пункт пересадки с одного вида транспорта на другой. Его основная цель – кладбище.

Кладбище Монмартр – одно из самых больших и известных кладбищ в Париже. «Кладбище Монмартр было открыто в 1825 году и когда-то находилось за чертой города. Однако теперь в этой округе один из самых творческих и атмосферных парижских районов – Монмартр, а границы современного Парижа проходят намного дальше. Для будущих захоронений было выбрано довольно нестандартное место — бывший карьер, где прежде добывали гипс. Именно поэтому оно находится ниже уровня земли. Пожалуй, самое необычное в этом кладбище – это именно его расположение. Прямо над старинными склепами построили мост с довольно активным автомобильным движением» [4].

Сам Бунин в рассказе так описывает этот некрополь: «Монмартрское кладбище было когда-то за городом, и вероятно, было уютно, мирно, похоже на рощу, на большой сад. Теперь все растущий город окружил его отовсюду, включил в себя. А так как оно лежит в низменности, то через эту низменность перекинут теперь длинный и тяжкий железный мост, по которому беспрерывно идут и едут, катятся с глухим гулом валкие omnibusы, несутся и на разные лады вопят автомобили, гремят и звенят трамваи. И вот первое, что ударило по моему чувству и зрению, когда я достиг места вечного пристанища Богини Разума: этот черный грубый мост, под которым проезжают к железным воротам кладбища и который день и ночь грохочет над покойниками» [1, с. 284]. Как человеку, глубоко укорененному в традиционной национальной культуре, хорошо знающего русский похоронный обряд, такое расположение парижского кладбища, действующего, кстати сказать, и до настоящего времени, видится Бунину неадекватным предназначению «последнего приюта» упокоившихся, отошедших к Богу, людей.

Рисуя некрополь изнутри, автор противопоставляет в нем два захоронения – могилу Эмиля Золя и могилу Терезы Анжелики Обри. Надгробный памятник знаменитому французскому писателю не был предметом интереса рассказчика. «И один господин ни с того ни с сего (вернее, с расчетом хоть чем-нибудь удовлетворить сумасшедшего искателя знаменитых могил) предложил мне взглянуть на могилу Золя» [1, с. 287]. 4 июня 1908 года останки Золя после парламентских дебатов были перенесены с кладбища Монмартр в Пантеон, место захоронения почетных французских деятелей. Поэтому на момент посещения автором монмартского кладбища «могила» Золя – всего лишь кенотаф, но сохранивший прежнее оформление, которое выполнено «из гладко отполированного темно-фиолетового порфира, по проекту известного представителя стиля модерн, художественного критика и архитектора Франца Журдена. Бюст на могиле писателя создан скульптором итальянского происхождения Филиппе Солари» [3].

Вот какой увидел могилу Золя Бунин: «К вечеру совсем засвежело, небо над кладбищем стало еще бледнее, низкое солнце холодно и резко освещало ледяную и блестящую наготу безобразно-громоздкой глыбы красного гранита, на которой не было ни единого религиозного знака, ни одного слова Писания, – очевидно, тоже в честь Разума. Над глыбой стоял на цоколе терракотовый бюст – моложавый мужчина лет тридцати, щеголевато-

демократической артистическо-рабочей наружности, с длинными волосами и в блузе» [1, с. 287]. Оксюмороны «щеголевато-демократический» и «артистическо-рабочий» подчеркивают определенную неподлинность, театрализацию даже кладбищенского пространства, десакрализация которого дополняется отсутствием религиозных знаков.

Могила Орби, находящаяся в нескольких шагах от знаменитого захоронения Золя, являет собой совсем плачевную картину: «Перед моими глазами было старое и довольно невзрачное дерево. А под деревом – квадрат ржавой решетки. А в квадрате – камень на совсем плоской и даже слегка осевшей земле, а на камне – две самых простых каменных колонки в аршин высоты, покосившихся, изъеденных временем, дождем и лишаями. Когда-то их «украшали» урны. Теперь колонки лишены даже этих украшений: одна урна совсем куда-то исчезла, другая валяется на земле. И на одной колонке надпись: “Памяти Фанни”, на другой – “Памяти Терезы Анжелики Обри”» [1, с. 288].

Тот факт, что писатель заканчивает рассказ хвалой Господу и Божией Матери («Остался, есть и вовеки пребудет Тот, Кто, со креста любви и страдания, простирает своим убийцам объятия, осталась Она, Единая, Богиня богинь, Ее же благословенному царствию не будет конца»), свидетельствует о том, что кладбище Монмартр не оправдало ожиданий героя-рассказчика. Как отмечает Э.П. Леонтьев в статье «“Город мертвых” в творчестве И. Бунина: попытка осмысления символического значения образа кладбища», «кладбище в изображении И. Бунина становится моделью бытия в самом широком смысле слова, включающем в себя бытие и человека и человечества, где, уплотняя время и тела, оно концентрирует память» [5, с. 39]. Но Тереза Анжелика Обри забыта французами совсем, ее могила никому не известна, и только русский писатель сумел увековечить ее память в своем произведении.

Из топонимов старого Парижа Бунин единожды упоминает *Тюильерийский дворец*, в здании которого находился Конвент, куда доставили Богиню Разума из Собора Парижской Богоматери для чествования ее «высоким собранием» во главе с президентом. Тюильри – королевский и императорский дворец в центре Парижа, составлявший единый дворцово-парковый комплекс с Лувром. Дворец был парижской резиденцией большинства французских монархов, от Генриха IV до Наполеона III, пока не был сожжён Парижской коммуной в 1871 году. Во время Великой Французской революции во дворце поочередно заседали представительные органы Первой республики – Учредительное собрание, Конвент и Совет пяти-сот. Именно этот факт засвидетельствовал в своем рассказе Бунин.

Из современных автору построек, существующих до настоящего времени, упоминается еще одна знаковая – *Собор Sacre Coeur*. «Из одного длинного и узкого уличного пролета глянул на меня с высоты Монмартра бледный восточный призрак собора Sacre Coeur...» [1, с. 284]. Как констатируют современные парижане, «базилика Сакре-Кер – священное сердце Франции, истинная жемчужина в короне одного из самых известных районов Парижа. Сейчас уже сложно представить их по отдельности – величественный символ консервативного морального порядка Сакре Кер и творческий, ветреный, немного разгульный современный Монмартр. Само название храма “Sacré-Coeur” означает “Священное Сердце” или “Святое Сердце”. Это важный для католиков образ сердца Иисуса Христа, которое является бездонным источником божественной любви Создателя к человечеству» [6].

На территории шумного *Монмартра* католический храм видится герою-повествователю лишь бледным призраком, который не может уже сохранить изначальное сакральное значение места, ведь Монмартр в переводе с французского – «Гора мучеников». Во времена преследования христиан языческими властями кровавые казни на вершине холма были обычным делом. «По преданию, именно здесь обезглавили первого епископа Парижа Сен-Дени (Дионисий), проповедовавшего христианство до последней капли крови. Причем в прямом смысле этого слова. Легенда гласит, что после казни Сен-Дени взял в руки свою голову, рот которой продолжал читать молитву и так шествовал до тех пор, пока не закончил. Только после этого он упал замертво». [6].

В своем рассказе Бунин показывает, что десакрализации французской жизни в разные времена отражается на эмблематических локусах французской столицы. Упомянутые им то-посы, являющиеся знаковыми символами Парижа, претерпели на себе все неблагоприятные последствия разрушительных революций, что последовательно осуждается писателем-гуманистом Буниным.

Библиографический список

1. Бунин И.А. Богиня Разума / Собр. соч. в 6-ти т. М.: Сантакс, 1994. С.282-293.
2. Капинос Е.В. Жизнь и смерть Терезы Анжелики Обри как исторический факт и художественный рисунок: «Богиня Разума» И.А. Бунина // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 120-125.
3. Кладбище Монмартр. Литература, танец, музыка... URL: <https://avefrance.com/detali/kladbishhe-monmartr/> (дата обращения 15.01.2025).
4. Кладбище Монмартр – самое необычное кладбище Парижа. URL: <https://annawwts.com/montmartre-cemetery/> (дата обращения 15.01.2025).
5. Леонтьев Э.П. «Город мертвых» в творчестве И. Бунина: попытка осмысления символического значения образа кладбища // Культура и текст. 2005. № 8. С.33-39.
6. Монмартр и Сакре-Кер – переплетение историй. URL: <https://mytravelry.com/ru/blog/sacre-coeur/>. (дата обращения 15.01.2025).
7. Пращерук Н.В. Автор и герой в книге И.А. Бунина «Под Серпом и Молотом» // Кормановские чтения. Ижевск, 2011. Вып. 10. С. 207-213.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Трубицина Наталья Алексеевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской филологии и журналистики
Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина,
SPIN-код 9482-0859,
e-mail: trubicina-nat@mail.ru

Trubitsina Natalia Alekseevna,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Russian Philology and Journalism at I.A. Bunin Yelets State University,
SPIN code 9482-0859,
e-mail: trubicina-nat@mail.ru

УДК 81

Н.А. Богословская
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
(Липецк, Российская Федерация)
e-mail: kleopatra2699@yandex.ru

АФРИКАНСКИЕ ОНИМЫ КАК МАРКЕРЫ АФРИКАНСКОГО СВЕРХТЕКСТА

В статье на материале произведений, входящих в Африканский сверхтекст русской литературы (литература Древней Руси, творчество Л.Н. Толстого, Н.С. Гумилева, И.А. Бунина, В.В. Маяковского и др.) рассматриваются африканские онимы как репрезентанты образа Африки и делается вывод о специфике образа этого континента в сознании представителей русской лингвокультуры.

Ключевые слова: сверхтекст, Африканский текст русской литературы, онимы, топонимы, гидронимы, теонимы, этнонимы.

N.A. Bogoslovskaya
Lipetsk State Pedagogical University
named after P.P. Semenov-Tyan-Shan
(Lipetsk, Russian Federation)
e-mail: kleopatra2699@yandex.ru

AFRICAN ONYMS AS MARKERS OF THE AFRICAN SUPERTEXT

Russian literature based on the works included in the African supertext (literature of Ancient Russia, the works of Leo Tolstoy, N.S. Gumilev, I.A. Bunin, V.V. Mayakovsky, etc.), the article examines African onyms as representatives of the image of Africa and draws a conclusion about the specifics of the image of this continent in the minds of representatives of Russian linguoculture.

Keywords: supertext, African text of Russian literature, onyms, toponyms, hydronyms, theonyms, ethnonyms.

Анализ сверхтекстов имеет важное значение в изучении языковой картины мира. «Сверхтекст – совокупность высказываний или текстов, объединенных содержательно и ситуативно. Это целостное образование, единство которого зиждется на тематической и модальной общности входящих в него единиц (текстов). Сверхтекст ограничен во времени и пространстве; как целостная речевая единица имеет коммуникативные полюсы – автора и адресата» [15; с. 374]. Сверхтекст представляет собой культурную единицу и понятие, изучающееся в рамках лингвокультурологии.

Современная лингвистика занимается изучением таких сверхтекстов, как Петербургский, Московский, Провинциальный и его локальные ответвления (Липецкий, Воронежский, Пермский и др.), Сибирский, Кавказский, Крымский, Скандинавский, Лондонский, Венецианский, Китайский и т.д. тексты (см. [3; 5; 8; 9; 10; 11; 12; 14; 18; 19; 20 и др.]).

В данной статье рассматривается Африканский текст русской литературы как составная часть одного из направлений в изучении русской языковой картины мира с точки зрения используемых онимов, то есть имен собственных, значимых для восприятия африканской культуры.

Первые представления об Африке на Руси появились благодаря церковным книгам. Самым ранним памятником древнерусской литературы, связанным с Африкой, стало произ-

ведение «Слово о законе и благодати», созданное митрополитом Иларионом в XI веке. В этом произведении упоминается топоним *Egyptem*, а также подробно освещен сюжет о бегстве святого семейства в эту страну (Мф 2: 13–21): «...Яко человекъ къ бѣ жааше въ Египетъ, и яко Богу рукотворения египетскаа поклонишася» («...Как человек Он бежал в Египет, но как Богу поклонились [Ему] рукотворения египетские») [13; с. 51]. Данный отрывок напоминает читателям о событиях Ветхого Завета, в частности, о потрясении египетских идолов, предсказанном пророком Исайей.

Уже на ранних этапах становления древнерусской литературы образы, связанные с Африкой, появлялись в книгах как элемент «византийской классификационной схемы народов мира» [13; с. 51]. Эта схема отличалась сочетанием элементов язычества и христианства. Одним из примеров таких произведений является «Краткая хроника» Георгия Амартола, византийского монаха. Фрагменты из этого труда встречаются в древнейшей русской летописи «Повесть временных лет». В начале «Повести...» содержится космографический раздел, где представлена классификация народов мира, описан процесс их расселения после Всемирного потопа и возникновения разных языков после строительства Вавилонской башни. У Ноя было три сына: Сим, Хам и Иафет. Африканские народы были отданы во владение Хама: «Хамови же яся полуденная страна: Еюпетъ, Ефивопя, прилежащая ко Индомъ, другая же Ефивопя, из нея же исходить рѣка ефиопская Чермна, текущи на вѣстокъ, Фива, Ливия, прилежащи до Куриниа, Марѣмарья, Сурьти, Ливия другая, Нумидья, Масурия, Мавританья противу суши Гадире. Сущимъ же ко востокомъ имать Киликию, Памфилию, Писидию, Мисию, Лукаонию, Фругию, Камалию, Ликию, Карию, Лудью, Мисию другую, Троаду, Еолиду, Вифунию, Старую Фругию; и острова неки имать: Сарьдани, Критъ, Купрь, и рѣку Гѣону, зовемую Ниль» [13; с. 53]. В данном фрагменте присутствует большое количество африканских топонимов, являющихся названиями стран и рек.

Древнерусское летописание содержит некоторые отрывки из хроники Иоанна Малалы, которая включает в себя сведения об истории Древнего Египта. Так, например, в одном из переводов этой хроники конца XV в. есть такие строки: «Си же прѣвое древняя царства Египетскаа Манфонъ списа...» [13; с. 57]. Античная, византийская и южнославянская книжная культура послужили посредниками, с чьей помощью в литературу Древней Руси вошла информация о Древнем Египте. Примечательно, что имена древнеегипетских богов были переведены именами божеств пантеона восточных славян: Ра (в Греции – бог солнца Гелиос) соответствовал славянскому Дажьбогу; Феоста (Гефест/Птах или Атум) – Сварогу. В книгах Византии и Древней Руси встречается топоним *Нубия (Эфиопия)*, обозначающий область, расположенную к югу от Египта, а также непосредственно эфиопские государства.

Особого внимания в контексте древнерусской книжной традиции заслуживает личность Александра Македонского. Его образ запечатлен в романе «Александрия», появившемся еще до монгольского ига и входившем в состав хронографов – «Хронографическая Александрия». Чуть позже, в XV в., на Руси возникает более новая версия этого романа, которая носит название «Сербская Александрия». Особое внимание в «Александрии» уделялось образу Египта и египтян. Так, например, в романе говорится, что Александр – сын последнего царя Египта Нектанеба, который был волшебником: «“Что сделаем с коварным этим волшебником, египетским царем? Ведь все блага земель наших и богатства волшебной хитростью отнял он и в свою землю собрал. А потому не потерпим лукавого этого чародея, но, собравшись все вместе, пойдем на землю Египетскую, и Нектонава из царства изгоним, и богатства все свои опять себе возвратим: не имеет он наследника, к тому же коварен и труслив, так что сама земля египетская поднимется против него”. Собрались цари на египетского царя и народы: персы, иверы, арениане, эфиопы, ляди и иные восточные цари и многие народы» [13; с. 61].

Образ Африки в древнерусской литературе включал в себя, в основном, описания Египта и Эфиопии. На древнерусские представления об Африке оказывала колоссальное влияние византийская культура. Однако в книжности Древней Руси присутствовали и искон-

ные сюжеты, хранившиеся непосредственно в культуре Древнего Египта. Так, например, отдельные древнеегипетские теонимы, среди которых *Таусия*, *Паусий*, *Онуфрий*, *Пафнутий* и др., остались запечатленными в христианском имяровании [13; с. 72].

Образ Африки в литературе XIX века присутствует в творчестве многих русских писателей: И.А. Гончарова, Л.Н. Толстого, К.М. Станюковича, К.Д. Ушинского и др. Так, Л. Толстой темой Африки вдохновился на Кавказе (конец 50-х годов XIX века). Упоминание Африки присутствует и в знаменитом романе-эпосе «Война и мир». Об этом восклицает маленькая княгиня Лиза в начале романа: «А пленные в *Африке*, которых он (Наполеон. – Н.Б.) убил?» [16; с. 25].

Упоминание об этом преступлении еще не раз встретится на страницах произведения. Утверждая, что настоящее величие никогда не будет соседствовать с жестокостью и тиранией, Андрей Болконский говорит Пьеру: «Нужно перестрелять пленных, как Наполеон в *Африке*, разорить край, своих сзади припугнуть картечью... в мире всегда найдутся льстецы, которые во всем совершившемся и давшем власть найдут великое» [17; с. 338-339]. В данном отрывке присутствует топоним *Африка* (непосредственно название африканского континента).

XX век более богат на образы Африки в литературе. Описание этого континента находим в произведениях А.Т. Аверченко, Н.С. Гумилева, И.А. Бунина, А.М. Горького, В.В. Маяковского, Ф. Сологуба, К.И. Чуковского, Ю.М. Нагибина и др. Наиболее ярко образ Африки раскрывается в дневниковых записях И.А. Бунина. Так, в «Записной книжке (о путешествии в Африку)» И.А. Бунина отражены впечатления писателя от поездки на этот удивительный для русского человека континент. В записках читаем: «В *Египте*, возле пирамид, храмов, я с утра до вечера слушал треск палок по головам *арабов* <...>» [1]. В произведениях И.А. Бунина фигурирует образ Египта (топоним, обозначающий страну), где наиболее отчетливо и ярко чувствуется «темь веков» [2; с. 226], а также этноним *арабы*.

Интересна и репрезентация образа Африки в «Африканском дневнике» Н.С. Гумилева (1913 год). В тексте присутствуют такие африканские топонимы, как *Данакильская пустыня* (и этноним *данакилы*), *Абиссиния*, гидронимы *Красное море*, *река Гаваш* (ныне – *Аваши*): «У меня есть мечта, живучая при всей трудности ее выполнения. Пройти с юга на север *Данакильскую пустыню*, лежащую между *Абиссинией* и *Красным морем*, исследовать нижнее течение *реки Гаваша*, узнать рассеянные там неизвестные загадочные племена. Номинально они находятся под властью абиссинского правительства, фактически свободны. И так как все они принадлежат к одному племени *данакилей*, довольно способному, хотя очень свирепому, их можно объединить и, найдя выход к морю, цивилизовать или, по крайней мере, арабизировать» [4]. В дневнике Н.С. Гумилева встречаем этноним, представляющий собой название еще одного из африканских племен, чьи песни он записывал: «По утрам ко мне в гостиницу приходили *сомалийцы племени Исса*, и я записывал их песни. От них же я узнал, что это племя имеет своего короля... <...> Европейцы, хорошо знающие страну, рассказали мне еще, что это племя считается одним из самых свирепых и лукавых во всей восточной Африке. Они нападают обыкновенно ночью и вырезают всех без исключения. Проводникам из этого племени довериться нельзя» [4]. Из этих строк ясно, что коренные жители Африки представляют для европейцев загадку, зловещую тайну, вызывая страх и недоверие.

В стихах Н.С. Гумилева также используется ряд африканских онимов: гидронимы *Нил* («Гиена»), «Мореплаватель Павзаний...», «Судан» и др.), *Нигер* («Нигер»), *озеро Чад* («Жираф»), «Озеро Чад», «Судан»), *озеро Тана* («Абиссиния»), *Красное море* («Абиссиния») и др.; ойконимы *Каир* («Занзибарские девушки»), *Бусса* («Нигер»), *Тимбукту* («Нигер»), *Гондар* («Абиссиния»), *Адис-Абеба* («Акrostих», «Мик»), *Анкобер* («Мик») и др.; название стран *Габеш* (арабское название Абиссинии; «Занзибарские девушки»), *Судан* («Нигер»), *Алжир*, *Тунис* («Алжир и Тунис»), *Абиссиния* («Абиссиния») и др.; этнонимы *арабы* («Озеро Чад»), *абиссинцы*, *абиссинец* («Мик», «Абиссиния»), «Занзибарские девушки»), *сомали*, *сомалийки*

(«Абиссиния», «Занзибарские девушки»), *негр* («Мик») и др.

В стихотворении «Озеро Чад», написанном от лица молодой африканки, которая «была женой могучего вождя, / Дочерью властительного Чада» [4], но полюбила «белого воина» и ради него покинула родную землю, озеро Чад названо *таинственным*: «На таинственном озере Чад / Посреди вековых баобабов / Вырезные фелуки стремят / На заре величавых арабов» [4]. Этот эпитет, дающий объекту эмоциональную оценку, подчеркивает, что для европейцев Африка и ее реалии, в том числе представляющие собой онимы, окутаны тайной и загадкой. Африканские топонимы в стихотворениях Гумилева часто становятся заглавиями: «Озеро Чад», «Нигер», «Алжир и Тунис», «Судан», «Абиссиния» и др.

В поэме В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (1924) встречаем гидроним *Нил*, а также этноним *негр* (негр обращается к Нилу): «Вон / среди / золотистых плантаций / засеченный / вымычал *негр*: У-у-у-у-у, / у-у-у! / *Нил* мой, *Нил*! / Приплещи / и выплещи / черные дни! / Чтоб чернее были, / чем я во сне, / и пожар чтоб / крови вот этой красней. / Чтоб во всем этом кофе, / враз вскипелом, / вариться пузатым – черным и белым. / Каждый / добытый / слоновий клык – тык его в мясо, / в сердце тык. / Хоть для правнуков, / не зря чтоб / кровью литься, / выплыви, / заступник солнцелицый. / Я кончаюсь, – бог смертей / пришел и помянул. / Помни / это заклинанье, *Нил*, / мой *Нил*!» [7, т. 2; с. 242-243]. Нил – самая известная в русской лингвокультуре африканская река, ставшая для негра из поэмы метонимическим обозначением Африки и воплощением основ бытия. В стихотворении «Нашему юношеству» (1927) В. Маяковского вновь встречается этноним *негр*. В произведении есть строки, которые часто цитировались в период существования СССР, когда речь шла о русском языке и его изучении людьми разных национальностей: «Да будь я / И *негром* преклонных годов, / и то, / без унынья и лени, / я русский бы выучил / только за то, / что им / разговаривал Ленин» [7, т. 1; с. 435-436]. Здесь *негр* выступает как обозначение какого-то предела, крайности, не случайно перед словом *негр* употреблена усилительная частица «и» («русский язык изучают все, даже негры» – такое значение вкладывается в приведенную фразу).

В произведении для детей С.Я. Маршака «Мистер Твистер» (1933), в котором высмеивается расизм, также присутствует этноним *негр*. В произведении сатирически изображается американский миллионер мистер Твистер, который вместе с женой и дочерью «едет туристом / В СССР» [6; с. 45]. Американец «не любит цветного народа», т.е. «негров, малайцев и прочего сброда» [6; с. 41], поэтому на великолепном пароходе, на котором он плывет в СССР, этих людей нет. «*Негров*, / Малайцев / И прочий народ / В море качает / Другой пароход», где им «Мокро и жарко», где «Брызжет волна, / И чадит кочегарка» [6; с. 44]. Подробнее о восприятии Африки в советской литературе см. [9].

Таким образом, в произведениях, входящих в состав Африканского текста русской литературы, присутствуют различные онимы, среди которых: теонимы (*Таусия*, *Паусий*, *Онуфрий*, *Пафнутий* и др.), этнонимы (*негры*, *египтяне*, *эфиопы*, *сомалийцы*, *абиссинцы*, *арабы* и др.), гидронимы (*Нил*, *Нигер*, *Красное море*, *озеро Чад*, *озеро Тана*, *Гаваш* и др.), ойконимы (*Каир*, *Бусса*, *Тимбукту*, *Анкобер* и др.), топонимы – названия стран (*Египет*, *Эфиопия*, *Абиссиния*, *Нубия*, *Габеш*, *Судан*, *Алжир*, *Тунис* и др.). Данные лексемы, являясь репрезентантами образа Африки в сознании носителей русского языка, в то же время маркируют Африканский текст русской литературы, помогают воссоздать целостный образ Африки в русской языковой картине мира, передают его специфику и особенности восприятия африканских реалий, африканской истории и культуры представителями русской лингвокультуры.

Библиографический список

1. Бунин И.А. Записная книжка (о путешествии в Африку). [Электронный ресурс]. – URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/public/zapisnaya-knizhka-o-puteshestvii-v-afriku.htm> (дата обращения: 10.01.2025).
2. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1987.

687 с.

3. Воробьева Л.В. Лондонский текст русской литературы первой трети XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Томск, 2009. 187 с.

4. Гумилёв Н. Сборник стихов (электронное собрание сочинений). [Электронный ресурс]. URL: <https://e-knigi.com/poehziya-dramaturgiya/poehziya/page-40-256160-nikolai-gumilev-sbornik-stihov-elektronnoe-sobranie.html> (дата обращения: 30.12.2024).

5. Люсий А.П. Крымский текст русской литературы: история и современность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. №11 (750). С. 161-171.

6. Маршак С.Я. Сказки, песни, загадки в 2 т. Т. 2. М.: Детская литература, 1966. 503 с.

7. Маяковский В.В. Сочинения в двух томах. М.: Правда, 1987–1988. Т. 1. – 768 с.; Т. 2. – 768 с.

8. Попова Е.А. П.П. Семенов-Тянь-Шанский в культурном пространстве Провинциального (Липецкого) сверхтекста // VII Семеновские чтения: наследие П.П. Семенова-Тянь-Шанского и современная наука: материалы Международной научной конференции / г. Липецк, 20–21 мая 2022 г. К 195-летию со дня рождения П.П. Семенова-Тянь-Шанского. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тянь-Шанского, 2022. С. 227-234.

9. Попова Е.А., Богословская Н.А. Образ Африки в советской литературе // Советское прошлое и современное российское общество: культурные концепты, актуальные практики, социальные эффекты. Материалы Всероссийской очной научно-практической конференции. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2023. – С. 58-64.

10. Попова Е.А., Богословская Н.А. Образ Китая в сознании носителей русского языка // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. №1(9). С. 97-111.

11. Попова Е.А. Региональное ономастическое пространство Провинциального текста русской литературы и его аксиологический потенциал // Ономастика Поволжья: материалы XXII Международной научной конференции, Саратов, 26–29 сентября 2024 года / ред. кол.: Н.И. Данилина, В.И. Супрун. – Саратов: Саратов. гос. мед. ун-т, 2024. С. 321-326.

12. Провинциальный (Липецкий) текст: лингвокультурологические аспекты и ментально-сущностные характеристики: монография / Е.А. Попова [и др.] Издание 2-е, переработанное и дополненное / Под ред. Е.А. Поповой. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тянь-Шанского, 2023. 258 с.

13. Россия и Африка: проблемы истории и источниковедения: учеб. пособие / А.В. Антошин, Д.В. Возчиков; под общ. ред. В.А. Кузьмина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. 232 с.

14. Соболева О.В. Венецианский текст в современной русской литературе: 1996–2009 гг.: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Пермь, 2010. 166 с.

15. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожин; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сквородников. 2-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2011. 696 с.

16. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. Т. 9. М.-Л.: ГИХЛ, 1937. 538 с.

17. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. Т. 14. М.-Л.: ГИХЛ, 1953. 449 с.

18. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: «Искусство–СПБ», 2003. 616 с.

19. Туманова О.С. «Скандинавский текст» русской поэзии XVIII–XXI веков: мифопоэтический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Пермь, 2019. 20 с.

20. Шурупова О.С. Московский текст русской литературы и его герои // Русская речь. 2011. №1. С. 97-102.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Богословская Наталия Александровна,
аспирант первого курса, преподаватель кафе-
дры русского языка и литературы
Липецкого государственного педагогического
университета имени П.П. Семенова-Тян-
Шанского,
SPIN-код 6900-1030,
e-mail: kleopatra2699@yandex.ru

Bogoslovskaya Natalya Aleksandrovna,
first-year postgraduate student, lecturer at
the Department of Russian Language and
Literature of the Lipetsk State Pedagogical
University named after P.P. Semenov-Tyan-
Shan,
SPIN code 6900-1030,
e-mail: kleopatra2699@yandex.ru

УДК 802.0

А.С. Кондратьев

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
(Липецк, Российская Федерация)
sir.kondratiev2016@yandex.ru*

«ИМЯ СУДЬБЫ» ГЕРОЕВ И ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ «ВОЙНЫ И МИРА» Л.Н. ТОЛСТОГО

Обращение филологии к проблеме человека актуализирует понимание художественно-философского значения имени героев литературных произведений в плане расширения представлений об их содержании и особенностях языкового воплощения авторских замыслов. В толстоведении поэтика и семантика имени героев не получили должного освещения. Главные персонажи «Войны и мира», князь Андрей Болконский и Пьер Безухов, выстраивают свою духовную биографию по закодированным в имени ориентирам: если Болконский приходит к обретению веры, то Безухов, подменивший апостольское имя «Петр» европейской версией – «Пьер», так и остается на духовном перепутье.

Ключевые слова: ономастика, П.А. Флоренский, Л.Н. Толстой, «Война и мир», Андрей Болконский, Пьер Безухов, ростовская порода, духовная традиция, христианская аксиология.

A.S. Kondratiev

*Lipetsk State Pedagogical University
named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky
(Lipetsk, Russian Federation)
sir.kondratiev2016@yandex.ru*

"THE NAME OF FATE" OF THE HEROES AND THE SPIRITUAL MEANING OF "WAR AND PEACE" BY L. TOLSTOY

The appeal of philology to the problem of man actualizes the understanding of the artistic and philosophical significance of the names of the heroes of literary works in terms of expanding ideas about their content and the peculiarities of the linguistic embodiment of the author's ideas. In Tolstoy studies, the poetics and semantics of the heroes' names have not received proper coverage. The main characters of War and Peace, Prince Andrei Bolkonsky and Pierre Bezukhov, build their spiritual biographies according to the landmarks encoded in the name: if Bolkonsky comes to gain faith, then Bezukhov, who replaced the apostolic name "Peter" with the European version – "Pierre", remains at a spiritual crossroads.

Keywords: onomastics, P.A. Florensky, L.N. Tolstoy, "War and Peace", Andrey Bolkonsky, Pierre Bezukhov, Rostov breed, spiritual trad.

Современная филология, сосредоточенная на проблеме понимания художественного наследия классиков, отличается пристальным вниманием к *человеку* в плане освоения духовного содержания произведений в «спектре адекватности» авторским замыслам и особенностей их языкового воплощения. И.А. Есаулов в своих работах последовательно направляет исследовательскую мысль на расширение и углубление научных представлений о художественной антропологии, тогда как *личности* героев, например «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского, в контексте утвердившихся стереотипов подменяются общественно-социологическими маркерами: «Понимание же персонажей как “убийцы” и “блудницы” – это как раз овнешнение, овеществление героев. Однако они <...> могут преодолеть в себе грехи убийства и блуда, вполне став Родей (Родионом Романовичем) и Соней» [1; с. 64–65]. И в свя-

зи с этим оправдано обращение литературоведов к ономастике, поскольку «имена суть категории познания личности, потому что в творческом воображении имеют силу личностных форм» как «тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность» [6; с. 184; 182]. Ономастика произведений Ф.М. Достоевского в работах С.А. Скуридиной, восходящих к научному освещению смысловых составляющих методологически значимого для языкознания и всех гуманитарных наук положения П.А. Флоренского «имя – антологически первое» [6; с. 188], исследована масштабно и основательно в соответствии с актуальной научной проблематикой: «При анализе ономастикона художественных текстов Достоевского необходимо учитывать, что к каждому имени писатель подходил индивидуально, потому что выяснение значения того или иного имени – только первый шаг на пути авторского выбора» [3; с. 151]. И если антропонимическая система произведений Ф.М. Достоевского представлена в науке как один из важнейших *кодов* к пониманию авторских замыслов, то в толстоведении изучение *имени* героев едва только наметилось. В единственной по данной теме статье Е.Ю. Полтавец «Мифопоэтическая антропонимика “Войны и мира” Толстого», представляющей собой изложение автореферата кандидатской диссертации и вошедшей в монографию «Мифопоэтика “Войны и мира” Л.Н. Толстого», выдержавшую два издания, собраны наблюдения, даже с апелляцией к «Розе мира» Д.Л. Андреева, над именами героев произведения вне какой бы то ни было соотносительности с творческим сознанием писателя и авторским замыслом, когда утверждается, что «толстовские апостолы», Андрей и Пьер, «символизируют два пути России: Андрей, восточный, самый “русский” из апостолов, и Петр – западный» [2; с. 72], а Болконский, хоть и выросший в русской деревне, несмотря на родовую «укорененность» в традиции, почему-то «возвещает новую веру и благодать». Нельзя не отметить, что в статье Е.Ю. Полтавец три поколения Болконских: сам генерал-аншеф, его дети – Андрей и Марья и внук Николенька – как-то *соотнесены* с тремя Заветами: Ветхим и Новым и каким-то еще, вроде бы от Толстого, хотя он всегда оставался православным и к описываемым в «Войне и мире» героям и событиям подходил «с данной нам Христом мерой хорошего и дурного» [4; Т. VII, с. 177], для которой нет ничего «неизмеримого».

Князь Андрей Болконский, нареченный по имени апостола Андрея Первозванного (восходит к древнегреческому Andreas – храбрый, мужественный), введен из эпизодических персонажей в семейство Болконских. Их фамилия ассоциируется с черниговской ветвью Рюриковичей – Волконскими, что нашло свое отражение в генеалогическом древе отставленного при Павле I генерал-аншефа Екатерининской эпохи, с «изображением владетельного князя в короне, который должен был происходить от Рюрика и быть родоначальником рода Болконских» [4; Т. IV, с. 129]. В лысогорском доме старика Болконского его безверие вкупе с *просвещенческой* аксиологией уживается с *православным* мироощущением его дочери Марьи, вынужденной мудрствовать над подобием треугольников и привечавшей странниц. Князь Андрей, наставленный отцом на подвиг и убежденный, что оставить свое имя в истории и есть его предназначение: «<...> хочу славы, хочу быть известным людям» [4; Т. IV, с. 334], даже отдав на закланье самых близких, еще перед отъездом на войну в 1805 году получил спасительный образок, сохранивший ему жизнь, хоть и был причислен к безнадежным при ранении на Аустерлицком поле, когда в своих размышлениях он выходил на уровень христианского мировосприятия: «Как бы счастлив и спокоен я был, ежели бы мог сказать теперь: господи, помилуй меня!.. Но кому я скажу это?» [4; Т. IV, с. 370]. Княжна Марья, провожая в 1805 году брата на войну, называла его по-французски: «Andrè, я тебя благословляю образом <...> он спасет и помилует тебя и обратит тебя к себе» [4; Т. IV, с. 137]. Он для нее и *свой*, родной, и *чужой* – по духу. Жена князя Андрея, Елизавета Карловна, урожденная Мейнен, тоже называет его по-французски: «И ты решительно едешь на войну, Andrè» [4; Т. IV, с. 126]. В черновиках «Войны и мира» героиня с гордостью и пиететом рассказывала о наполеоновском ореоле, возобладавшем в сознании его супруга, и называла его по-свойски – по-французски: «Нет портрета, нет бюста Наполеона <...> которого бы не было у Andrè» [5; с. 197]. И поэтому княжеский титул входит в имя героя князь Андрей есть не что иное, как пре-

ломление оппозиции Закона и Благодати – оправдания и спасения Святым Духом. Если князь – родоначальник и *управитель* земными делами, то Андрей – это апелляция к Благодати, неподвластной человеческому волеизъявлению. Однако Курагины – тоже князья. Но князя Анатоля нет в системе героев, как нет и княжны Элен. Имя Болконского, князь Андрей, выявляет путь его духовного становления. Выросший в семье, где отец никогда не благословлял своих детей, он смиренно благословил сына Николеньку, а в последних раздумьях, уже после Троицы, вспоминает Библейское «Бог есть любовь» (I Иоанн 4:8) – смертельно раненный на Бородинском поле, он просит дать ему Евангелие, а затем входит Наташа. Ее имя означает «дающая жизнь». Именно она-то и вернула его, воскресшего и овдовевшего, в Отрадном – к жизни, когда он, уезжая к себе – уже не в Лысые Горы, а в Богучарово, к удивлению, вспомнил о ней: «Нет, жизнь не кончена в тридцать один год <...> надо, чтоб и все знали это <...> чтобы не для одного меня шла моя жизнь <...> чтобы не жили они так, как эта девочка, независимо от моей жизни <...> чтобы все они жили со мною вместе» [4; Т. V, с. 165]. Соборное мировосприятие Андрея Болконского со всей очевидностью проявляется в его ответе Пьеру Безухову перед Бородинским сражением: «<...> ежели бы что зависело от распоряжений штабов, то я был бы там <...> Успех никогда не зависел ни от позиции, ни от вооружения <...> От того чувства, которое есть во мне <...> в каждом солдате» [4; Т. VI, с. 215]. Теми же словами Л.Н. Толстой дает характеристику отношения Кутузова к миру, названного по имени Архистратига Небесных Сил: «<...> знал и старческим умом понимал, что <...> решают участь сражения не распоряжения главнокомандующего <...> а та неуловимая сила, называемая духом войска» [4; Т. VI, с. 256], смиренно полагаясь на ее благодатное влияние: «По своей природе имя Михаил – противоположность земной косности, с ее и враждебным, и благодетельным торможением порывов и устремлений <...> остается *откровением* на земле» [6; с. 331]. «Чувство» и «неуловимая сила» – это проявления благодатного влияния на человека Святого Духа: «Благодать – *нетварная* Божественная сила, в которой Бог являет себя человеком, а тот – преодолевает в себе греховное начало» (Еккл. 10:12). Признавая, что «не имя при человеке, но человек – при имени» [6; с. 162], следует определить стратегию художественного мышления Л.Н. Толстого в создании образа героя как расшифровку его духовной биографии, закодированной в имени – Андрей – по вектору личностного самоопределения в сверхзаконных сферах, то есть по христианским ориентирам благодатного становления.

Курагины, погрязшие в земном преуспевании и ориентирующиеся в своем жизненном опыте на *эвдемонические* доминанты культурного бессознательного, остаются на *законническом* поле самоопределения, и поэтому и проименованы по-европейски: Анатолий и Элен. И в имени Элен преломляется суетное и обыденное, так что оно – «характерно светское имя, имя салона не имеющее себе оправдания в духовном прошлом <...> не духовное и не народное» [6; с. 279], тогда как *предание*, православная традиция, определила духовный опыт князя Андрея Болконского. Так, Л.Н. Толстой подводит мыслившегося поначалу эпизодическим героем по сложнейшему пути духовного становления, вопреки усвоенным *безблагодатным* установкам семьи и эпохи, и выявляет исконное для русской, то есть православной души, глубинные чаяния об освобождении от призрачных условностей и о духовном спасении в сверхзаконных сферах бытия.

Возвратившийся из-за границы, незаконнорожденный сын графа Безухова в салоне Шерера встал на сторону Наполеона, когда ему была объявлена война: «<...> для общего блага он не мог остановиться перед жизнью одного человека» [4; Т. IV, с. 28]. Матрица законнических подсчетов, как бесовское искушение, остается в его сознании навсегда: проводил в своих имениях провалившиеся реформы, вычислял на апокалиптическом числе «666» свое место в истории, высчитывал, сколько прогонов еще предстоит пленным, когда его подзывал к себе Платон Каратаев. В Лысогорском доме своего зятя, Николая Ростова, после прений с заговорщиками в Петербурге, Пьер так взбудоражил своими радикальными речами пятнадцатилетнего отрока, Николеньку Болконского, что тот проснулся в «холодном поту». С Наташей

Пьер говорил будто с членами тайной ложи, уже не масонской, а выходящей напрямую к действительным мерам. Пьер видел себя спасителем и благодетелем, намереваясь дать новое направление не только русскому обществу, но и всему миру и присвоив Евангельскую заповедь из Нагорной проповеди: «Вся моя мысль в том, что ежели люди порочные связаны между собой <...> то людям честным надо сделать только то же самое» [4; Т. VII, с. 307], но ведь мысль не его же, а христианская традиция! Европейская, законническая версия апостольского имени Петра – Пьер – остается неизменной. К нему как к Петру Кирилловичу обращается только Петя Ростов с просьбой об определении на службу и мужики, указавшие путь на Можайск после Бородина. А вот унаследовавший апостольское начало имени – Петя Ростов, представитель ростовской породы, дирижировавший симфонией жизни в исполнении оркестра из небесных светил, – Петя спасает Пьера из плена ценой жизни.

Таким образом, Л.Н. Толстой в «Войне и мире» ведет своих героев по predetermined в их именах духовным ориентирам: князь Андрей Болконский становится своим, обретая себя в доме родовитых графов Ростовых, когда человек осознает себя состоявшимся в судьбе другого, а Пьер Безухов, приняв чужеродную для православной традиции версию апостольского имени Петр, в кругу своих домашних и близких в восстановленном Николаем Ростовым Лысогорском доме, преисполненном отрадненского духа, все же гость, которого все так ждали и который недослушал Наташу о грудничке Петеньке и разочаровал Николеньку, не чаявшего в нем души, когда, одержимый радикальными помышлениями, он причислил к своим союзникам и разошедшегося с ним перед Бородинским сражением Андрея Болконского.

Библиографический список

1. Есаулов И.А. Иерархия (героев) и полифония (голосов). Возможно ли историческое примирение? // Достоевский и мировая культура. Петербургский альманах №41. СПб.: Серебряный век, 2024. С. 58–66.
2. Полтавец Е.Ю. Мифопоэтическая антропонимика «Войны и мира» Толстого // Литературоведческий журнал. 2010. №27. С. 57–96.
3. Скуридина С.А. О некоторых особенностях ономастического творчества Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 24. СПб.: Нестор-история, 2024. С. 154–156.
4. Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. IV–VII. М.: Художественная литература, 1979–1981.
5. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Юбилейное издание. Т. 13. М.: ГИХЛ, 1949. 545 с.
6. Флоренский П.А. У водоразделов мысли (черты конкретной метафизики) // Флоренский П.А. Сочинения: в 4 т. Т. 3. Книга 2. М.: Мысль, 2000. 623 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Кондратьев Александр Степанович,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и литературы
Липецкого государственного педагогического
университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
SPIN-код 8278-2185
e-mail: sir.kondratiev2016@yandex.ru

Kondratiev Aleksandr Stepanovich,
PhD in Philology,
Associate Professor of the Department of Russian
Language and Literature, Lipetsk State
Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky,
SPIN code 8278-2185
e-mail: sir.kondratiev2016@yandex.ru

УДК 808.2:82-3

Е.Н. Карташова

*Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: elena.perceva.00@mail.ru*

ТЕРМИНЫ РОДСТВА КАК ЭЛЕМЕНТ НОМИНАЦИИ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.М. ШУКШИНА

Статья посвящена анализу использования терминов родства в качестве элементов номинации персонажей в произведениях В.М. Шукшина. Рассматривается специфика употребления данных терминов в прозе писателя: автобиографизм, отношение к семейным ценностям, конфликт поколений на фоне исторических перемен. Отмечается важность изучения терминов родства с целью раскрытия авторского замысла.

Ключевые слова: В.М. Шукшин, термины родства, мать, теща, свояк, племянник, дядя, брат, сын.

E.N. Kartashova

*Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: elena.perceva.00@mail.ru*

KINSHIP TERMS AS AN ELEMENT OF CHARACTER NOMINATION IN THE WORKS OF V.M. SHUKSHIN

The article is devoted to the analysis of the use of kinship terms as elements of character nomination in the works of V. M. Shukshin. The specifics of the use of these terms in the writer's prose are considered: autobiographism, attitude to family values, conflict of generations against the background of historical changes. The importance of studying kinship terms in order to reveal the author's intention is noted.

Key words: V.M. Shukshin, kinship terms, mother, mother-in-law, brother-in-law, nephew, uncle, brother, son.

Изучение функционирования терминов родства в текстах художественных произведений является актуальным, поскольку лексика, связанная с родственными отношениями и их особенностями, отражает индивидуальность национального языка, особенности народного характера. Семейные отношения оказывают влияние на социальное взаимодействие, формируя место каждого человека в обществе и регулируя его поведение. Лексика и терминология родства в славянских языках принадлежат к древнейшему общеславянскому (а ядро – к индоевропейскому) фонду и демонстрируют не только сложность и разветвленность традиционной системы родственных отношений (степень сложности различна в разных традициях), но и характерные для славян способы их осмысления [10, с. 9].

Изучение терминов родства как элемента номинации персонажей в произведениях В.М. Шукшина способствует постижению авторского замысла, помогает осмыслить ценностные ориентиры писателя. Главной ценностью для В.М. Шукшина была семья. Герои его произведений подтверждают данную мысль: «*Семья человеку нужна, это уж как ни крутишь. Без семьи ты – пустой нуль*» («Страдания молодого Ваганова») [11, с. 383]. Термины родства выступают ключевыми текстовыми единицами необходимыми для раскрытия художественного замысла автора [2, с. 203].

В.М. Шукшин отмечал, что материнская любовь и забота являются непревзойденными ценностями. Для писателя его мать была важнейшим человеком в жизни, и он высоко ценил ее жалость и заботу, считая их основой порядка и гармонии в мире. В одном из писем, адресованном В. Белову, В.М. Шукшин, переживая болезнь матери, скажет: «У меня так. Серьез-

но, опасно заболела мать. Ездил домой, устраивал в больницу. И теперь все болит и болит душа. Мы не сироты, Вася, пока у нас есть Матери. На меня вдруг дохнуло ужасом и холодным смрадом: если я потеряю мать, я останусь Круглым сиротой. Тогда у меня что-то сдвигается со смыслом жизни» [1, с. 117]. Так, название – это наиболее сильная позиция текста, оно не случайно рассматривается исследователями как «аббревиатура смысла» всего текста, как отражение собственно авторской интерпретации [7, с. 167]. Заглавия рассказов отражают восприятие матери взрослым сыном (*Материнское сердце, Сны матери, Слово матери*). Использование терминов родства способствует созданию атмосферы близости и доверия между персонажами, например, в произведении «Калина красная» герой Егор Прокудин обращается к своей матери как к «мамке», что подчеркивает их тесную эмоциональную связь и искреннюю привязанность друг к другу. Этот прием позволяет читателю глубже проникнуть в внутренний мир героев и лучше понять их мотивы и поступки.

Образ матери идеализирован, в отличие от образа тещи (см. подробно: [4; 5]). В. Елистратов в статье «Метафизика тещи» рассуждает на тему напряженных отношений между тещей и зятем: «в России двадцатого века были созданы такие социально-бытовые условия, в которых «быт тещи» и «Бытие зятя» вступили в острейший диалог – конфликт, заставивший как тещ, так и зятьев поднимать в своем сознании (или подсознании) острейшие онтолого-метафизические вопросы. Условия эти, как это ни банально, следующие: вынужденное проживание зятьев с тещами. Если традиционно (и на этом основан богатейший русский «тестев» и «тещи» фольклор) невесту брали в дом мужа, то социальная, экономическая и «геополитическая» ситуация в Советской России сложилась так, что чаще всего «пассионарный» зять, как правило, деревенский, переехавший в город, вынужденно вселялся в дом своей городской жены, менее «пассионарной» и более «мещанской» [3].

Библионим, предваряющий текст, – не только структурный, но и содержательный элемент. Ему свойственны многофункциональность, «сжатое выражение», «свёртка» содержания – смысловая ёмкость, кумулятивность, поскольку он вбирает всё содержание текста, не только фактуальное, но и концептуальное и подтекстовое (импликацию), которое выявляется читателем ретроспективно, через возвращение к библиониму после прочтения текста [6, с.19]. Начальное положение библионима определяет его прогнозирующую функцию: читатель, обладающий определенными знаниями и ассоциативным мышлением, воспринимает заглавие как указание на содержание художественного произведения, в связи с чем библионим может быть рассмотрен как свернутый текст, реализующий категорию проспекции, с одной стороны, и категорию ретроспекции, с другой [8, с. 277]. Так, заголовок рассказа *Мой зять украл машину дров*, содержащий термин родства *зять*, подчеркивает негативное отношение тещи к мужу дочери. Интересно, что в заглавии зять не назван по имени, что отражает дистанцию в отношениях теща – зять.

Неоднозначно складывающиеся отношения В.М. Шукшина с женщинами не могли не оказать влияния на творчество писателя и не воплотиться в изображаемых им характерах. Возможно, такое двойственное отношение к жене связано с укладом сельской жизни. Автор в своих воспоминаниях пишет: «Мужики баб не слушали. Случалось – поколачивали под пьяную руку, и крепко» [11, с. 41]. Так, библионим «*Жена мужа в Париж провожала*» содержит первую строчку шуточной песенки «*А жена мужа в Париж провожала, засушила ему сухарей... А сама потихоньку шептала: «Унеси тебя черт поскорей!»*». В данном рассказе речь идет о семейной драме, конфликт возникает на почве разных интересов, стремление жены наладить быт воспринимается героем как жадность, мещанство.

Шукшинские библионимы включают такие термины родства, как *дядя* и *племянник*. Слово *дядя* имеет несколько значений. В контексте рассказа «*Дядя Ермолай*» заглавный термин родства в сочетании с именем обозначает уважительное обращение к простому немолодому мужчине. Произведение автобиографично, дядя Ермолай – бригадир, руководивший деревенскими мальчишками, молотившими хлеб. Васька и Гришка, не выполнив приказа сторожить зерно, обманывают бригадира. В рассказе раскрывается важность таких понятий,

как правда, ответственность за свои поступки. Повзрослевший Васька с уважением вспоминает о правдолюбивом дяде Ермолае. Термины родства «дядя», «племянник» играют роль своеобразных маркеров семейных отношений, подчеркивая значимость родовых связей и коллективного сознания в русской культуре. Например, в рассказе «Дядя Ермолай» главный герой носит именно такое имя, что сразу указывает на его принадлежность к старшему поколению и ассоциируется с образом мудрого и уважаемого родственника.

Рассказ «Племянник главбуха» также автобиографичен. Главный герой Витька воспитывается матерью, растет без отца, как и В.М. Шукшин. Мотив сиротства, безотцовщины, представленный в произведениях, обусловлен биографией писателя [9, с.66]. Его дядя Егор Васильевич хочет образумить хулигана племянника, обучив его бухгалтерскому делу. Родной дядя писателя, младший брат отца Андрей Леонтьевич Шукшин, учился в Алтайском государственном аграрном университете. У них была небольшая разница в возрасте, всего восемь лет, поэтому родственники были достаточно близки, вспоминают современники.

В названии киноповестей «*Брат мой*» (были использованы сюжетные линии рассказов «Жоленчатые валы», «Степкина любовь» и др.) и «*Ваш сын и брат*» (использованы мотивы рассказов «Игнаха приехал», «Степка, змеиный яд») термины кровного родства *сын* и *брат*. В киноповести «*Брат мой*» рассказывается о встрече в родной деревне двух братьев. Старшего, Ивана, работавшего в городе на стройке, туда привела телеграмма от брата Семёна, в которой сообщалось о смерти отца. В киноповести *Ваш сын и брат* описывается судьба братьев, покинувших отчий дом. Мотив оторванности от корней, боль за разрушение русской деревни – основные мотивы повестей. Образ отца (умершего) в первом произведении и живого во втором является объединяющим для братьев.

Рассказ «*Свояк Сергей Сергеич*» повествует о приезде сестры жены с мужем: «*Сестру жены зовут Роза, мужа ее – Сергеем; Сергей Сергеич, так он представился, смуглый, курносый, с круглыми, бутылочного цвета глазами... Свояки закурили*» [11, с. 187]. Термин свойственного родства *свояк* от слав. *svъstь, названия свойства от svojъ – СВОЙ. Производное от индоевропейского местоименного корня *sue- ‘свой’, которое является наиболее характерными названиями свойства, так как определяют лиц, породнившихся через брак родителей, как своих [7]. Символично, что в рассказе *свояки* являются антиподами, совершенно чужими друг другу людьми. Автор высмеивает прагматизм *свояка* Сергея Сергеича, его хвастовство, лицемерие: «*И опять гордость, высокомерие. Живого места нет на человеке – весь как лоскутное одеяло, и каждый лоскут кричит и хвалится*» [11, с. 187].

Имя и отчество героя не случайно вынесено в заглавие рассказа, имеющее сильную позицию. Имя Сергей происходит от римского родового имени Sergius, значение которого в переводе с латинского означает «высокий», «высокопочтимый». В контексте произведения обыгрывается противоречие между внешним желанием героя показать свою значимость: «*У нас отпуск большой, мы же – льготники. – И опять гордость, высокомерие*» [11, с. 188] и внутренней пустотой, мелочностью. Символична и фамилия героя *Неверов*: не случайно Андрей Кочуганов соотносит подарок *свояка* с подношением от нечистой силы: «*Проклятый мотор! Черт его подсунул, не иначе*» [11, с. 189].

Произведения В.М. Шукшина открывают уникальную возможность для анализа культурных и социальных аспектов русской жизни через призму семейных отношений. Термины родства, используемые автором, отражают дух времени, раскрывая сложности во взаимопонимании между разными поколениями.

Библиографический список

1. Белов В. Тяжесть креста: (воспоминания о В. М. Шукшине) // Наш современник. 2000. № 10. С. 106–160.

2. Бугакова Н.Б., Скуридина С.А., Кузьминых Е.О. Антропонимикон и термины родства в рассказе А. Платонова «Никита» // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2024. Т. 43. № 2. С. 199-205.
3. Елистратов, В. Метафизика тещи [Электронный ресурс] / В. Елистратов // Нева. 2005. №9. URL:<http://magazines.russ.ru/neva/2005/9/el14.html> (дата обращения: 29.01.2055).
4. Карташова Е.Н. Мать, теща, свекровь: особенности вербализация образа родной/чужой матери в прозе В.М. Шукшина // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы III Международной научной конференции. Воронеж, 2022. С. 49-53.
5. Карташова Е.Н. Образ тещи в произведениях В.М. Шукшина // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 2 (21). С. 114-118.
6. Климкова Л.А. Библионимы в лирике С.А. Есенина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. №3 (38). С. 17-27.
1. Николина Н.А. Филологический анализ текста. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.
2. Скуридина С.А., Карташова Е.Н. Библионимы в творчестве В.М. Шукшина // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2024. № 2 (53). С. 271-279.
3. Тевс О.В. Во главе – отец // Известия Алтайского государственного университета. 2001. № 4 (22). С. 65-67.
4. Толстая С.М. Категория родства в этнолингвистической перспективе // Категория родства в языке и культуре. Под ред. С.М. Толстой. Москва, Индрик: URL <https://ru-sled.ru/terminy-svojtvennogo-rodstva-svoyak-svat-svaha/> (дата обращения: 29.01.2025).
5. Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Изд-во «Надежда-1», 1998.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Карташова Елена Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка и межкультурной
коммуникации Воронежского государственного
технического университета,
SPIN-код 1806-9913
e-mail: elena.perceva.00@mail.ru

Kartashova Elena Nikolaevna,
PhD in Philology, Associate Professor of the
Department of Russian Language and Intercul-
tural Communication at Voronezh State Tech-
nical University,
SPIN code 1806-9913
e-mail: elena.perceva.00@mail.ru

УДК 811.161.1'373.2

А.А. Кормилаева

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
(Ярославль, Российская Федерация)
e-mail: akormilaeva@rambler.ru*

ОНОМАСТИКОН РАССКАЗА Ю. БУЙДЫ «ВСЕ БОЛЬШЕ АНГЕЛОВ» КАК СПОСОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В данной статье рассматриваются имена собственные *Стефания, Иван* и антропонимическая модификация *Витя* → *Виктор Иванович* → *Виктор*, составляющие ономастическое пространство рассказа Юрия Буйды «Все больше ангелов». На основе этимологии онимов анализируется их роль в углублении психологизма, мотивно-образной структуры произведения. В ходе работы отмечаются основные функции имен собственных в художественном тексте: оценочно-характеризующая, стилистическая, символическая. Делается вывод о смыслообразующем потенциале антропонимов с положительной коннотацией, интродукция которых обусловлена авторскими интенциями при формировании оппозиции духовное – материальное, истинное – ложное.

Ключевые слова: литературная ономастика, имя собственное, антропоним, прецедентный оним, этимология, антропонимическая модификация, Ю. Буйда.

А.А. Kormilaeva

*Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
(Yaroslavl, Russian Federation)
e-mail: akormilaeva@rambler.ru*

ONOMASTICON OF Y. BUIDA'S SHORT STORY "MORE AND MORE ANGELS" AS A WAY OF INTERPRETING A LITERARY TEXT

This article discusses proper names *Stephanie, Ivan* and the anthroponymic modification *Vitya* → *Viktor Ivanovich* → *Viktor*, who make up the onomastic space of Yuri Buida's short story "More and more Angels". Based on the etymology of onyms, their role in deepening psychologism and the motif-figurative structure of the work is analyzed. In the course of the work, the main functions of proper names in a literary text are noted: evaluative-characterizing, stylistic, symbolic. The conclusion is made about the semantic potential of anthroponyms with a positive connotation, the introduction of which is due to the author's intentions in forming the opposition spiritual – material, true – false.

Key words: literary onomastics, proper name, anthroponym, precedent onym, etymology, anthroponymic modification, Y. Buida.

Литературная ономастика как самостоятельная научная дисциплина начинает активно развиваться в первой половине XX века в связи с возрастающим интересом лингвистов к функциональным возможностям онимов в текстах разной жанрово-стилевой принадлежности. Исследователями установлено, что антропонимы, топонимы, зоонимы углубляют психологизм произведения, ярче раскрывают авторские интенции. Например, О.О. Кондрашкина в одной из работ отмечает: «Сложность лексического значения имени собственного, его информативная насыщенность, ассоциативная по природе, делает его удобной базой для создания механизма аллюзии» [2; с. 100]. Так, онимы на семантико-стилистическом, интертекстуальном уровнях углубляют мотивно-образную структуру произведения. Подтверждение данной точки зрения мы находим в статье О.О. Хасановой: «Имя персонажа является ключом к пониманию текста, позволяет раскрыть подтекстовую информацию. В имени имплицитно отражается субъективное отношение автора к герою» [5; с. 147]. Этот лингвист справедливо считает, что антропоним, наряду с номинативной, выполня-

ет оценочно-характеризующую функцию. Этимология имени собственного нередко раскрывает поведенческие, мировоззренческие особенности персонажа. Например, Н.П. Эминов указывает на неслучайность интродукции вымышленного или реального антропонима в произведение. Исследователь приравнивает онимы к текстообразующим скрепам: «Номинация персонажей определяет их как некие знаки, связывающие сюжетную канву с множеством деталей, образов и событий <...> Автор посредством номинации закладывает в семантику имени некий концепт, зачастую несущий культурный код» [6; с. 69, 75]. Резюмируя мнения лингвистов, отметим, что «говорящие» имена и фамилии являются композиционным стержнем ономастического пространства художественного текста.

В данной статье мы обратим внимание на функционально-стилистическую нагрузку антропонимов в рассказе Ю. Буйды «Все больше ангелов». Актуальность исследования обусловлена малой изученностью современной русской прозы, оригинальным творческим методом конкретного писателя. Проза Ю. Буйды находится одновременно в художественных рамках реализма с романтическими тенденциями и постмодернизма. Предметом внимания автора произведения «Все больше ангелов» становятся нравственные и философские категории-антиномии: жизнь – смерть, любовь – ненависть, сострадание – черствость, душевная красота – порочность, истинное – ложное. В статье «Формы инобытия в новеллистике Юрия Буйды» литературоведы обращают внимание на особенности его поэтики: «Герои новелл живут в мире, где ценности добра и красоты утрачены. Дисгармоничной действительности они пытаются противопоставить мир мечты, который кажется более реальным, чем сама действительность» [3; с. 251]. Таким образом, двоимирие, то есть противопоставление хаотической реальности и идеального существования вне бытия, является главным принципом построения хронотопа рассказов из сборника «Прусская невеста».

Фабула рассказа «Все больше ангелов» основана на истории сложных семейных отношений представителей старшего и молодого поколения, вынужденных существовать под одной крышей. Ю. Буйда использует несколько моделей номинации персонажей:

1)односоставная модель с полной формой имени: *Стефания, Иван, Виктор*;

2)односоставная модель с сокращенной разговорной формой имени и предшествующим апеллятивом, указывающим на родственные связи: *сын Витя, правнук Витя, баба Стефа*;

3)официальная двусоставная модель с разговорным оттенком, состоящая из имени и отчества: *Виктор Иванович*.

Главная героиня произведения – старуха Стефания, которая после смерти мужа и сына живет в одном доме с «туго соображающим и основательным» внуком Иваном, его женой и сыном Витей. Согласно словарю А.В. Суперанской, личное имя *Стефания* является производным от мужской церковной формы *Стефан (Степан)*, этимология которого восходит к греч. *Stephanos* – ‘венок’ [4; с. 206]. Благозвучность религиозного антропонима не только подчеркивает душевную красоту, доброту героини, но и ассоциативно создает ауру, созвучную агиографическому жанру. Нам представляется возможным считать оним *Стефания* прецедентным. Церковная форма имени главной героини имплицитно позволяет сопоставить образ старухи с библейским архетипом Стефана Первомученика. Согласно агиографической литературе, благородный, решительный апостол проповедовал слово Божие в Иерусалиме, за что был приговорен синаедрионом к жестокой казни. Подобная мифологема аллюзивно соотносится с описанием безрадостного существования главной героини из рассказа «Все больше ангелов», в котором просвечивают контуры неканонического жития. Юрий Буйда представляет старуху Стефанию как великомученицу, вынужденную столкнуться с черствостью, жестокостью, несправедливым отношением со стороны родственников, бедностью: «Плохо жилось. Все время только о еде и думала, а Бог велел думать – о пропитании...» [1; с. 387]. Главная героиня претерпевает испытания и совершает чудеса в пределах бытовых координат небольшой деревни. Так, по требованию суровой супруги Ивана Стефания смиренно покидает свой дом, чтобы не мешать семейному благополучию внука: «Жена его громко сказала,

что троим в доме не повернуться, а четвертая им – «нет никто». Старуха Стефания тотчас собрала пожитки в узел и убралась в дощатый сарайчик-дровяник, притулившийся к кирпичной стене свинарника» [1; с. 386-387]. Чуткой, кроткой главной героине совестно быть обузой для близких людей, поэтому она жертвует собственным комфортом, не рассказывает о своем горе никому: «Выбиралась во двор очень редко – чтобы не сердить Иванову жену» [1; с. 387]. Старуха Стефания боится, что соседи узнают о царящем в ее доме неуважении к старшим и посчитают внука циничным. Несмотря на равнодушие со стороны родственников, героиня не ожесточается сердцем, а, наоборот, проявляет сострадание, отзывчивость. Идиллическая цельность данного персонажа, по мнению Ю. Буйды, заключается в самопожертвовании. Например, на вопрос внука о том, как она будет зимовать в холодном сарае, Стефания спокойно отвечает: «Как-нибудь, Ваня. Ты только мною сердце себе не рви» [1; с. 386-387]. Единственным спасением главной героини от жестокости мира становится бегство в мир грез и снов: «Стефания поманила правнучка к глухой стене, где в сосновой доске была дырка от выпавшего сучка. – Смотрю в нее и ангелами люблюсь. Сперва парочкой мелькнут, потом бригадой пролетят, и все больше, больше их, и все красивые, с крыльями...» [1; с. 387]. Таким образом, праведность главной героини заключается в ее способности сохранить доброту среди иррациональной действительности, в которой квартирный вопрос уничтожил в людях нравственность. Мы считаем, что имя собственное *Стефания*, номинирующее центрального персонажа, наряду с оценочно-характеризующей, выполняет символическую функцию, так как вводит в рассказ оппозицию земное – духовное, тему смысла жизни.

Стоит отметить, что у безразличной к страданиям окружающих супруги Ивана отсутствует имя. Ю. Буйда номинирует её перефразистически: *Иванова жена*, тем самым создавая типический, собирательный образ человека, который заботится исключительно о своем материальном положении, в отличие от бабы Стефы, находящейся над мирской суетой. Символическая безымянность героини подчеркивает ее аморальность, жестокосердие.

На наш взгляд, антропоним *Иван*, номинирующий внука Стефании, в ономастическом пространстве рассказа «Все больше ангелов» имеет ироническую подсветку. Согласно словарю А.В. Суперанской, этимология имени *Иван* восходит к др.-евр. *yohanan* – ‘Бог милует’ [4; с. 115]. Положительная коннотация антропонима противопоставлена тяжелой судьбе персонажа, «парализованного после инсульта» [1; с. 388]. Иллюзорное семейное счастье оборачивается предательством жены, из-за которой Иван предал бабушку Стефанию, молча наблюдал за страданиями родного человека. Безусловно, нельзя считать «Божьей милостью» тяжелую болезнь и одиночество, настигших героя. Так антропоним *Иван*, номинирующий центрального персонажа, выполняет наряду с характеризующей, символично-стилистическую функцию. Этимология имени собственного с положительной окраской разбивает читательские ожидания о предполагаемой гармоничной жизни героя, подчеркивает ложность его прежних ценностей, вводит философскую тему преступления и наказания.

Т.Г. Прохорова отмечает: «Попытка «запечатлеть» чудо становится сюжетообразующим началом» [2; с. 252]. Мы разделяем мнение этого исследователя и тоже считаем, что христианская символика, заявленная уже в названии произведения «Все больше ангелов», позволяет сопоставить рассказ с жанром притчи, чертами которого является нравоучительность, обобщенность, иноказательность. Сквозные мотивы сна, чуда связаны с образами старухи Стефании и ее правнука Вити. Ю. Буйда вводит в рассказ диалог этих героев с целью подчеркнуть бесхитрость, наблюдательность, искренность сына Ивана, который не бросает прабабушку в одиночестве. Лексемы с разговорной, книжной устаревшей и ироничной окраской «вопрошал», «продолжал допытываться» характеризуют Витю как любопытного ребенка, осознающего, что за скупыми фразами родного человека скрываются сильные переживания.

Мы обратили внимание на антропонимические модификации, связанные с образом правнука Стефании: *Витя* → *Виктор Иванович* → *Виктор*. На наш взгляд, они связаны с

взрослением и духовным становлением персонажа. Так, односоставная с сокращенной разговорной формой имени и официальная двусоставная модель, состоящая из имени и отчества, присущая герою в детстве, не столько выполняет номинативную функцию, сколько раскрывает характер старухи Стефании как нежной, чуткой женщины, для которой любовь связана с заботой о правнуке, попыткой защитить его от жизненных невзгод: «Молод ты еще, Виктор Иваныч, доживешь до моих лет – и увидишь ангелов. А как ничего, кроме них, в небе не останется – пора и помирать, значит...» [1; с. 387]. Антропоним *Виктор* номинирует трудобивого повзрослевшего персонажа. Этимология данного имени собственного восходит к лат. *Victor* – ‘победитель’ [4; с. 64]. Отчество героя дополняет положительную семантику имени – ‘победителя Бог милует’. На наш взгляд, в этом ониме выражается авторская позиция Ю. Буйды. Нравственная победа Виктора заключается в его стойкости духа, терпимости, неприятии злобы окружающего мира, в сохранении душевной красоты, несмотря на суровые жизненные испытания в виде тяжелой работы, бедности, собственного физического недуга, болезней отца и дочери: «В двадцать семь у Виктора обнаружилась язва желудка. У младшей дочери был церебральный паралич. <...> Чтоб хоть как-то сводить концы с концами, он держал большое хозяйство» [1; с. 388]. Мотив чуда, божественного спасения героя, актуализированный в этимологии антропонима, подтверждается на уровне сюжета. Бабушка Стефания никогда не сетовала на судьбу, своим смиренным существованием открыла Виктору подлинное знание о предназначении человека, которое заключается в жизнестойкости, любви к ближнему. Именно поэтому в развязке рассказа неудачная однажды детская попытка персонажа запечатлеть ангелов на небе сменяется чудом: «Он смотрел долго-долго, пока среди облаков не начинали мелькать крошечные и прозрачные, как мотыльки, ангелы, и боль покидала его измученное сердце, и душа становилась легче» [1; с. 388]. Видение ангелов становится наградой за то, что Виктор терпеливо несет свой крест. Таким образом, антропонимические модификации имени собственного *Виктор* выполняют символическую функцию, углубляя психологизм. Ю. Буйда через имя героя и жизнеописание его семьи раскрывает идею рассказа: смысл существования человека заключается не в погоне за материальным, а в сохранении чуткости, сострадания к ближнему.

Подытоживая все вышесказанное, мы приходим к следующему выводу: ономастикон рассказа Ю. Буйды «Все больше ангелов» является способом интерпретации идейно-тематического своеобразия и мотивно-образной структуры текста. Антропонимы с положительной коннотацией *Стефания*, *Иван*, *Виктор* выполняют номинативную, оценочно-характеризующую, стилистическую, символическую функции. Этимология имен собственных, связанная с лексемами религиозного характера, и сюжетообразующие мотивы чуда, сна ассоциативно расширяют рассказ до жанра притчи и неканонического жития.

Библиографический список

1. Буйда Ю. В. Прусская невеста: роман в рассказах. М.: Эксмо, 2015. 704 с.
2. Кондрашкина О.О. Топонимы и антропонимы как элементы вертикального контекста // Мировая наука. №7(16). 2018. С.98-103.
3. Прохорова Т.Г. Формы инобытия в новеллистике Юрия Буйды / Т.Г. Прохорова, И.Г. Загфарова // Филология и культура. № 1. 2016. С. 251–255.
4. Суперанская А.В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. М.: Айрис-пресс, 2005. 384с.
5. Хасанова О. О. Анализ и интерпретация художественного текста (на примере рассказа Юрия Буйды «Продавец добра») // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Славянские чтения-2020», отв. ред. С.В. Минибаева. Стерлитамак: БашГУ, 2020. С. 145-150.
6. Эминов Н. П. Семантика имен собственных вымышленных существ и проблемы перевода // Новый филологический вестник. №4(63). 2022. С. 67-78.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Кормилаева Александра Андреевна

магистрант 1 курса Ярославского
государственного педагогического
университета им. К. Д. Ушинского,
SPIN-код 5713-7178,
e-mail: akormilaeva@rambler.ru

Kormilaeva Alexandra Andreevna

1st year master's student at Yaroslavl State
Pedagogical University named after
K.D. Ushinsky,
SPIN code 5713-7178,
e-mail: akormilaeva@rambler.ru

УДК 802.0

A.S. Titova

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Белгород, Российская Федерация)
e-mail: titova_a@bsuedu.ru*

**ПРАГМАТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ
(ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К
ТЕКСТАМ-РЕЦИПИЕНТАМ ПОЭМЫ Н.В. ГОГОЛЯ «МЁРТВЫЕ ДУШИ»)**

Статья посвящена феномену прецедентности имени собственного. Основное внимание автор акцентирует на проблеме функционирования в современной русской языковой среде антропонимов, восходящих к текстам классической художественной литературы. Выделяются и описываются характерные особенности прецедентного онима (прецедентного имени) в его сопоставлении и противопоставлении с онимом непрецедентным. Обозначены языковые маркеры прецедентности имени собственного. Основное содержание исследования составляет анализ современных текстов-реципиентов, в которых встречаются имена персонажей поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души». Обобщается практический опыт исследования прецедентных онимов. Работа имеет междисциплинарный характер, написана на стыке лингвокультурологии, ономастики и лингвокогнитивистики.

Ключевые слова: прецедентное имя, прецедентный оним, антропоним, дифференциальный признак прецедентного имени, Плюшкин, Манилов, Коробочка, Ноздрёв, Собакевич, художественный текст.

A.S. Titova

*Belgorod State National Research University
(Belgorod, Russian Federation)
e-mail: titova_a@bsuedu.ru*

**THE PRAGMATICS OF AN ARTISTIC PRECEDENT NAME
(LINGUISTIC AND CULTURAL COMMENTARY ON
THE RECIPIENT TEXTS OF N.V. GOGOL'S POEM "DEAD SOULS")**

The article is devoted to the phenomenon of the precedent of a proper name. The author focuses on the problem of functioning in the modern Russian language environment of anthroponyms dating back to the texts of classical fiction. The characteristic features of the precedent onym (precedent name) in its comparison and contrast with the non-precedent onym are highlighted and described. The linguistic markers of the precedent of the proper name are indicated. The main content of the study is the analysis of modern recipient texts, in which the names of the characters of N.V. Gogol's poem "Dead Souls" are found. The practical experience of the study of precedent onyms is summarized. The work is interdisciplinary in nature, written at the intersection of linguoculturology, onomastics and linguocognitive studies.

Keywords: precedent name, precedent onym, anthroponym, differential sign of a precedent name, Plyushkin, Manilov, Korobochka, Nozdryov, Sobakevich, literary text.

Сегодня филологическая наука представляет понятия текст и слово как в первую очередь единицу коммуникативную, способную проходить сквозь пространство и время и активно функционировать в современном языке. Прежде всего речь идёт о художественном тексте и художественном слове. Тексты классических художественных произведений были и остаются неисчерпаемым материалом для трансформации и продукции новых и актуальных коммуникативных единиц языка и речи.

Так, Н.В. Гоголь, словно пророчески для современной лингвокультуры писал: «*Вот какой был Ноздрев! Может быть, назовут его характером избитым, станут говорить, что теперь нет уже Ноздрева. Увы! несправедливы будут те, которые станут говорить так.*

Ноздрев долго еще не выведется из мира. Он везде между нами и, может быть, только ходит в другом кафтане; но легкомысленно непроницательны люди, и человек в другом кафтане кажется им другим человеком» [2; с. 98]. Ноздрёв, Манилов, Коробочка, Собакевич и, конечно же, Плюшкин – антропонимы, с точки зрения современной филологической науки, обозначаемые как прецедентные имена. Это примеры имён персонажей художественного произведения, функционирование которых вышло далеко за пределы художественного пространства и времени поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души».

Прецедентное имя (ПИ) – это имя собственное, обращение к которому в языке происходит не через отсылку к денотату (конкретному носителю имени собственного), а к дифференциальным признакам этого имени (к определенной черте характера, типичным признакам внешности, к определённой ситуации, связанной с носителем имени и т.п.). Учёные-классики теории прецедентности И.В. Захаренко, В.В. Красных и Д.Б. Гудков дают следующее определение термину прецедентное имя (ПИ) – «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, *Печорин*, *Тёркин*), или с прецедентной ситуацией (например, *Иван Сусанин*); это своего рода сложный знак, в употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ» [4; с. 83-84]

Отличительным признаком прецедентного онима от онима непрецедентного (с учётом его противопоставления эпонимам, апелляциям и известным антропонимам) является факт одновременно широкого функционирования онима и в денотативном, и в коннотативном значении в современной языковой среде. Во втором случае при функционировании прецедентного онима в тексте всегда характерна так называемая «аксиологическая коннотация» [1]. Например, прецедентное имя «Пушкин» в денотативном значении (обращение носителя языка к личности А.С. Пушкина – русского писателя XIX века) представлено во фразе типа: «*В 2024-м году исполнилось 225 лет со дня рождения Пушкина*». Коннотативное значение (обращение носителя языка к дифференциальному признаку имени) фиксируется в контексте типа: «*Я уже говорила вам, что о Бродском можно говорить как о современном Пушкине. Потому что по большому счету Иосиф сделал то, что сделал в свое время Александр Сергеевич. Он обогатил наш поэтический русский язык, привнес в него все его современные формы*» [6]. Сферой-источником прецедентности онима выступает реальное или вымышленное имя в истории, литературе, политике, музыке, кино, шоу-бизнесе.

Сферой функционирования прецедентного имени выступает текст-реципиент, то есть текст, в котором автор через употребление онима и языковых маркеров обращается к дифференциальным признакам прецедентного имени. Языковым маркером прецедентного имени может выступать:

- 1)написание онима со строчной буквы (*где-то здесь живёт плюшкин*);
- 2)использование онима во множественном числе (*Плюшкины никуда не исчезли*);
- 3)согласованные словосочетания, построенные по схеме оним + лексема типа *новый, современный, настоящий* и т.п. (*Современный Плюшкин*);
- 4)словосочетания с зависимой связью «управление», построенные по схеме оним + лексические сочетания типа «*нашего времени*», «*XXI века*» (*Плюшкин XXI века*);
- 5)словосочетания с зависимой связью «управление», построенные по схеме глагол с лексическим значением ‘*похож*’, ‘*напоминает*’ и т.п. + оним (*Мой друг похож на Плюшкина*);
- б)функционирование онима в составе именного сказуемого; (*Он – Плюшкин!*).

Прецедентные имена – это единицы культуры, облечённые в вербальную форму. В настоящей статье мы рассмотрим имена героев поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души» как прецедентные. Уровень прецедентности онима может быть различен и определяется частотой упоминания имени в современном контексте как в коннотативном, так и в денотативном значе-

нии. Например, прецедентное имя «Плюшкин» в сравнении с другими именами знаменитых помещиков гоголевского произведения является единицей с более высоким уровнем прецедентности [9; с. 138]. В денотативном значении прецедентные имена «Манилов», «Коробочка», «Ноздрёв», «Собакевич» и «Плюшкин» функционируют с отсылкой к образу конкретного помещика поэмы «Мёртвые души»: «Роль Чичикова исполняет актёр Антон Багиров, **Собакевича** – Алексей Матошин/Максим Гигенин, **Ноздрёва** – Антон Белов, **Плюшкина** – Андрей Санников, **Коробочки** – Ксения Ефремова» [<https://dzen.ru/a/Z2FlcZu3iHWU93oF>]. В коннотативном значении каждое имя помещика имеет набор дифференциальных признаков – инвариант восприятия прецедентного имени, который закреплён в массовом коммуникативном сознании.

Дифференциальный признак ПИ «Манилов» – ‘человек, склонный к пустым бесполезным мечтаниям; праздный фантазёр’ [8]. Например, современный российский историк Лев Лурье во второй декаде XXI века описывает политическое настроение жителей Москвы, переехавших на работу в Санкт-Петербург, так: «Почему-то раз за разом московские подарки Петербургу вызывают в городе не благодарность, а возмущение. Наверное, потому что московские «питерцы» несколько оторвались от исторической родины. И мечтают **подобно** гоголевскому **Манилову**: “О благополучии дружеской жизни, о том, как бы хорошо было жить с другом на берегу какой-нибудь реки”» [7].

Дифференциальный признак ПИ «Коробочка» – ‘человек, живущий интересами накопительства и мелочной экономии’. Например: «Бюджетная система все больше **походит на** гоголевского персонажа **Коробочку** – жалуется, что на ведение хозяйства не хватает, а само прячет кровные по узелкам» [3].

Дифференциальный признак ПИ «Ноздрёв» – ‘внешне открытый и сердечный человек, в действительности скандальная личность, совершающая безотчетные поступки, болтун и сплетник’. В газете «Вечерняя Москва», выпуск 2024 года, «Ноздрёв» появился в рубрике «Портрет явления». Авторы текста-реципиента говорят о нём, как о психологическом типе представителей современного общества: «**Ноздревы** говорливы, готовы высказываться по любым вопросам, поскольку по каждому из них «имеют, что сказать». Они резки, напористы, в основном харизматичны, но большинство из них – откровенные демагоги. **Ноздрев** может завладеть человеком полностью, стать его сущностью, сутью, а может «поднять голову» в нем по случаю или под воздействием каких-то препаратов или алкоголя. – При огромном почтении к покойному Владимиру Вольфовичу Жириновскому **Ноздрев** в нем порой поднимал голову выше допустимых пределов, – замечает Владимир Александрович. – Однако в великом человеке и **Ноздрев** велик» [5; с. 7].

Дифференциальный признак ПИ «Собакевич» – ‘грубый, подозрительный, недоброжелательный человек’. Так в социальной сети «ВКонтакте» пользователь пишет: «Иногда **таких собакевичей** можно встретить на дорогах, где они нарушают правила и права других людей; их полно в соцсетях, им обязательно нужно написать своё мнение, которое они считают очень ценным, и они даже не задумываются, что могут почувствовать другие люди, главное, высказать своё! Через какой фильтр они смотрят на мир? Это точно чёрное стекло, поэтому у них всегда все хотят их обмануть, надуть, во всем они видят подвох, и жаль, что они это не понимают! Увы, желтая пресса – это для них!» [ВКонтакте, 2019].

Отметим, что ПИ «Собакевич» в русском массовом коммуникативном сознании также нередко выступает как символ обжорства, но в некоторых текстах-реципиентах данный оним не имеет отрицательной коннотации, а напротив, выступает в качестве сильного аргумента в пользу невероятно вкусного и щедрого русского обеда, *обеда, как у Собакевича* (прецедентная ситуация, связанная с прецедентным именем): «На мастер-классе, 23-го марта (вторник), мы повторим **обед у Собакевича**. Со всей кулинарной ответственностью и уважением к прошлому, настоящему и будущему. Начиним кашей цельный бараний бок, наварим богатых щей, утолим няню, набьём добром индейку, накрутим шикарных ватрушек и всё прочее

в том же духе... Приходите, такого вам больше нигде не покажут! Как всегда, будет вкусно, душевно и очень по-русски» [ВКонтакте, 2021].

Дифференциальные признаки ПИ «Плюшкин» – ‘чрезмерно, болезненно скупой человек’ (в текстах-реципиентах функционирует с исключительно отрицательной коннотацией) и ‘патологический накопитель’ (в отдельных случаях функционирует с иронично-доброжелательной коннотацией). Например, в российском женском журнале о моде, красоте, саморазвитии и трендах авторы упоминают гоголевского персонажа, когда говорят о важности генеральной уборки в доме с психологической стороны (для чистоты души, для начала чего-то нового в жизни): «Если ты по натуре Плюшкин и расстнешься с нажитым через силу, то продумай систему хранения...» [10; с. 57].

Так, на примере текстов-реципиентов, иллюстрирующих функционирование имён персонажей поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души» как прецедентных, мы отмечаем высокую вероятность трансформации и языковой эволюции художественного онима в языке. Данное научное наблюдение говорит об актуальности и перспективах исследования проблематики прецедентности имён собственных, в частности, антропонимов. Таким образом, прецедентное имя есть ядро прагматического аспекта имятворчества.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Чумак-Жунь И.И. Аксиологические коннотации славянских этнонимов // Русин. 2023. №72. С.178-195.
2. Гоголь Н.В. Мертвые души: поэма. – СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 352 с.
3. Деготькова И. Бюджет России богатеет от нефти, а граждане беднеют: причины парадокса // Московский комсомолец. 2018. – URL: <https://www.mk.ru/economics/2018/10/08/byudzhet-rossii-bogateet-ot-nefti-a-grazhdane-bedneyut-prichiny-paradoksa.html> (дата обращения: 25.01.2025).
4. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык. Сознание. Коммуникация. С. 82-103.
5. Кузьмина О. Современная ноздревщина // Вечерняя Москва. №130. С.7
6. Лепский Ю.М. В поисках Бродского // Дальний Восток, 2019. URL: <https://xn--80alhdjhdexhy5hl.xn--p1ai/content/v-poiskah-brodskogo> (дата обращения: 26.01.2025).
7. Лурье Л. Дар под дых // «Огонек». №3. 2013. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2101383> (дата обращения: 25.01.2025).
8. Российский гуманитарный энциклопедический словарь. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС; СПб.: Филол. фак. С.-Петербур. гос. ун-та. 2002. URL: <https://web.archive.org/web/20090122022408/http://slovari.yandex.ru/dict/rges> (дата обращения: 26.01.2025).
9. Титова А.С. Эволюция прецедентного имени в массовом коммуникативном сознании (на примере имени Плюшкин): дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2022. 193 с.
10. THE VOISEMAG. №12. 2024. С. 57.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Титова Анна Сергеевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и русской
литературы Белгородского государственного
национального исследовательского
университета,
SPIN-код 6194-2682,
e-mail: titova_a@bsuedu.ru

Titova Anna Sergeevna,
PhD in Philology,
Associate Professor,
Russian Language and Literature Department,
Belgorod State National Research University,
SPIN code 6194-2682,
e-mail: titova_a@bsuedu.ru

УДК 802.0

В.А. Хотакко

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
(Липецк, Российская Федерация),
e-mail: vs.antonov2002@gmail.com*

РОМАН Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»: ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ПАЛИТРА

Обращение к ономастикону произведений Ф.М. Достоевского, несмотря на давнюю историю его изучения, вносит существенные коррективы в понимание места и значения Ставрогина и Верховенского в системе героев романа «Бесы». Если Николай Ставрогин, предначертанный именованию на благодатное самоопределение, прилагает усилия выбраться из преломленной в его сознании путаницы понятий и ценностных ориентиров на путь праведный, то Петр Верховенский отступает, одержимый бесноватым первенством, от предопределенного ему апостольским именем «Петр» благодатного самоопределения, что и позволяет его рассматривать как вдохновителя и идеолога всех бесов, в отличие от закрепленной литературоведческой традиции.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Николай Ставрогин, Петр Верховенский, ономастика, художественная антропология, христианская традиция.

V.A. Hotakko

*Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky
(Lipetsk, Russian Federation),
e-mail: vs.antonov2002@gmail.com*

F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "DEMONS": ARTISTIC ANTHROPOLOGY AND ONOMASTIC PALETTE

The appeal to the onomasticon of F.M. Dostoevsky's works, despite the long history of its study, makes significant adjustments to the understanding of the place and significance of Stavrogin and Verkhovensky in the system of heroes of the novel "Demons". If Nikolai Stavrogin, predestined by the name of blessed self-determination, makes efforts to get out of the confusion of concepts and value orientations refracted in his mind on the path of righteousness, then Peter Verkhovensky retreats, possessed by demonic primacy, from the blessed self-determination predestined to him by the apostolic name "Peter", which allows him to be considered as the inspirer and ideologist of all demons, in particular the difference from the fixed literary tradition.

Keywords: F.M. Dostoevsky, Nikolai Stavrogin, Peter Verkhovensky, onomastics, artistic anthropology, Christian tradition.

Художественная антропология Ф.М. Достоевского базируется на противопоставлении *Общечеловека* и *Всечеловека*, являющемся преломлением в творческом сознании писателя христианской оппозиции Закона и Благодати: «Быть “общечеловеком” – быть отвлеченным европейцем без корней и почвы» [5; с. 99], тогда как «всечеловек» укоренен в христианской традиции согласия с миром и окружением. Без освоения антропологической оппозиции в творческом сознании писателя невозможно решить одну из принципиально значимых для современной филологии проблем – понимание художественного и духовного смысла произведений, переживших свое время и «шагнувших» в другую эпоху. С.А. Скуридина в монографии «Поэтика имени у Ф.М. Достоевского», опираясь на тезис П.А. Флоренского «по имени – житие, а не имя по житию» [11; с. 188], подчеркивает: «Ономастические единицы выступают особым средством выражения и конкретизации образа героев. Они формируют у читателей отношение к тому или иному персонажу. Функционирование собственных имен в тексте

имеет свою специфику. <...> онимы являются элементами формы художественного произведения» [10; с. 3]. Освоение ономастического ряда, представленного в русской классике, существенно расширяет представления о понимании как диалоге читателя с автором замыслов произведений и направляет на освоение в «спектре адекватности» их содержания.

М.С. Альтман одним из первых обратился к исследованию корпуса имен собственных в творчестве Ф.М. Достоевского: его монография «Достоевский. По вехам имен» (Саратов, 1975) не потеряла своего значения для современной филологии и по сей день. С.А. Скуридина, продолжая исследования ономастической палитры в творчестве Ф.М. Достоевского, существенно углубляет понимание художественного смысла произведений классика: «<...> ономастическими доминантами художественных текстов Достоевского являются семантически маркированные антропонимы, созданные по традиционным моделям, характерным для языка национальности, представителем которой является персонаж <...> реализует свое символическое значение, организуют пространственно-временную континуум» [9; с. 147].

Роман Ф.М. Достоевского «Бесы», с его драматической историей пути к читателю, особо выделяется утвердившимися стереотипами даже на фоне пристального внимания исследователей к наследию классика. Одно из существенных искажений в опыте понимания произведения – освещение оппозиции главных героев, Николая Ставрогина и Петра Верховенского. Если Ставрогина (мы принимаем общепризнанную точку зрения, что фамилия героя произошла от древнегреческого слова *Stavros* – крест, а имя Николай апеллирует к имени святителя Николая Мирликийского, особо почитаемого в Святой Руси) на протяжении долгого периода было принято считать «вдохновителем» и «идеологом всех бесов»: «Как олицетворение крайнего атеизма и аморализма – это новый тип человека. Самые крайние формы атеизма и аморализма ему глубоко присущи. Ничто его не смущает, и в разочарование этот человек не впадает» [6; с. 75], то Верховенского как бы «оставляли в тени» Ставрогина. С.А. Скуридина происхождение фамилии «Ставрогин» связывает с наличием в ней звукового комплекса «рог», а рога, в свою очередь, являются атрибутом демонических существ, что, по мнению исследователя, соотносится с семантикой заглавия произведения – «Бесы». В имени Петра Верховенского также усматривается преломление апостольской традиции (Петр) и безблагодатного разрыва с соборным мировосприятием (Верховенский – верховодить, быть первым), тогда как в Евангелии от Марка утверждается: «<...> кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою» (Мк. 9:35) – так что налицо разрыв с христианской традицией, которую в своем духовном опыте и старался восстановить князь Николай Ставрогин. С.А. Кибальник замечает, что главная традиция истолкования романа связана с представлением о центральном положении в нем образа Николая Ставрогина: «<...> был во многом “созвучен” собственным внутренним борениям “Достоевского” <...> Недаром и работа над романом только тогда и пошла у Достоевского по-настоящему споро, как только в нем появился Ставрогин» [8; с. 26]. Естественно, на этот счет есть немалые основания, тем более, что сам Ф.М. Достоевский в подготовительных материалах отметил: «Всё заключается в характере Ставрогина. Ставрогин *всё* <...> ВЕСЬ ПАФОС РОМАНА В КНЯЗЕ, он герой. Всё остальное движется около него, как калейдоскоп» [2; с. 207, 136]. Однако в письме к М.Н. Каткову от 08 (20) октября 1870 г. Ф.М. Достоевский раскрывает, что значит для него по отношению к Ставрогину это *всё*: «<...> лицо – трагическое <...> русское и типическое <...> Я из сердца взял его» [3; с. 464]. Так, судьба Ставрогина представляет собой художественно-философский опыт постижения пути героя от бесовских соблазнов и искушений к покаянию, пройденный самим же писателем. В.К. Кантор выдвигает, в отличие от ставших расхожими суждений критиков и литературоведов, несколько парадоксальное положение: «<...> главный бес — Верховенский» [7; с. 84].

В подготовительных материалах к роману «Бесы» Ф.М. Достоевский дает довольно высокую оценку Ставрогину: «Князь – человек, которому становится скучно <...> Он свысока и умеет быть сам по себе <...> Он отделяется мыслью, что не находит надобности быть рус-

ским, но когда ему доказывают нелепость того, что он сказал, он уклоняется в фразу – что он сам по себе» [2; с. 134], однако динамика внутренней жизни Николая Ставрогина заметна и производит впечатление. С.В. Белов дает ему такую характеристику: «<...> человек, вознесшийся на крест, добровольно выбравший распятие, чтобы испытать свою силу и доказать себе, что он властен над своей судьбой. Как и Христос, он поднят на кресте над остальными и притягивает их к себе» [1; с. 42]. Будучи выпускником Александровского лицея, Ставрогин пускается в разврат и богохульство, старается найти жизненную опору и в то же время иронизирует над новыми людьми, которых сам ни во что не ставит. О Николае Ставрогине Ф.М. Достоевский пишет следующее: «Князь лицо романтическое и загадочное: он всех посещает, всех выслушивает – чтоб еще больше утвердиться самому <...> Князь, чтоб исследовать всё, даже прикидывается нигилистом, сходится с Нечаевым и выпытывает» [2; с. 131].

Перед собранием заговорщиков у Виргинских Ставрогин, принимавший участие в укреплении тайной организации, предлагает Верховенскому, с явной иронией, скрепить союз бесноватых кровью и тогда они «не посмеют бунтовать и отчетов спрашивать». Попытки вырваться из нравственных тупиков подчеркиваются в образе героя его выразительным портретом. Хроникер вспоминает о знакомстве со Ставрогиным: «Это был очень красивый молодой человек <...> признаюсь, поразил меня <...> изящный джентльмен <...> хорошо одетый, державший себя так, как мог держать себя только господин, привыкший к самому утонченному благообразию» [4; с. 41–42]. В подготовительных материалах Ф.М. Достоевский отмечает, что Шатов, испытывавший на себе влияние Ставрогина, ведет себя с Князем необычайно деликатно. Ему ужасно хочется спросить: для чего Ставрогин имеет дела с Верховенским и для чего тот ему нужен – но не спрашивает из тонкого чувства деликатности. Портрет же Верховенского, в сравнении с обликом Ставрогина, явно проигрывает: «<...> как будто с первого взгляда сутуловатый и мешковатый, но, однако ж, совсем не сутуловатый и даже развязный. Как будто какой-то чудак, и, однако же, все у нас находили потом его манеры весьма приличными <...> Никто не скажет, что он дурен собой, но лицо его никому не нравится» [4; с. 172]. Степан Трофимович Верховенский оказал значительное влияние на формирование характера Ставрогина, сумев «дотронуться в сердце своего друга до глубочайших струн» [4; с. 39], отзвуки мелодии коих он испытывал на протяжении всего своего запутанного драматического жизненного пути, по натуре ощущая себя непохожим на окружающих, но вовлеченным в отношения и конфликты с ними и стараясь вместе с тем как-то очиститься. Исходя из этого, мы полагаем, что и встреча Ставрогина с Тихоном в Спасо-Ефимьевском монастыре, и подготовленная еще за границей его исповедь, и попытка найти спасение от терзавших его грехов в любовных связях с женщинами – все это выявляет глубокие и тяготившие Князя страдания, от которых он так и не смог избавиться, тогда как дальнейшая судьба авантюриста Верховенского-младшего остается загадкой, ответ на которую каждое поколение исследователей и читателей дает по-разному.

Таким образом, можно объяснить многозначность трактовок образа Николая Ставрогина, которая обусловлена не только духовными исканиями героя и его нравственными коллизиями, но и многозначностью трактовок его именовании в романе, когда в антропониме «Ставрогин» разные исследователи обнаруживают как демоническое начало, так и тяготение к раскаянию. Если фамилия «Ставрогин» апеллирует к христианской традиции, то «Верховенский» напрямую указывает на разрыв с ней, и поэтому уже в именовании героев намечены различные итоги их духовного опыта, которые раскрываются по мере развития сюжета романа. Избранный Верховенским *законнический* вектор самоопределения, в отличие от тяготения к *благодатным* сферам Ставрогина, преломляется в его духовном опыте путаницей понятий, когда нарушается ценностная иерархия Закона и Благодати. Так, *законничество* незримо переходит в беззаконие с одной стороны, наделяя Верховенского силой влияния на окружающих, с другой же стороны обрекая героя, прельщенного соблазнами самоутверждения,

на одиночество и постоянную жизнь под маской, тогда как Ставрогин, в свою очередь, жить под этой маской не захотел, как бы ни пытался прельстить его Верховенский.

Библиографический список

1. Белов С.В. Имена и фамилии у Достоевского // Телескоп. 2014. №6 (108). С. 42–43.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. XI. Л.: Наука, 1974. 416 с.
3. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 т. Т. 15. СПб.: Наука, 1996. 864 с.
4. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 т. Т. 7. Л.: Наука, 1990. 848 с.
5. Захаров В.Н. Антропологические открытия Достоевского // Достоевский и мировая культура. Петербургский альманах №40. СПб.: Серебряный век, 2022. С. 97–110.
6. Иустин Преподобный (Попович). Достоевский о Европе и славянстве. М.–СПб.: Сретенский монастырь, 2002. 288 с.
7. Кантор В.К. «Судить Божью тварь». Пророческий пафос Достоевского. М.: РОС-СПЭН, 2010. 422 с.
8. Кибальник С.А. Так кто же главный герой романа Ф.М. Достоевского «Бесы»? (к проблеме научной интерпретации романа) // Роман Ф.М. Достоевского «Бесы» в контексте духовной традиции и «большого времени» русской культуры: сборник научных статей. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. С. 25–32.
9. Скуридина С.А. О некоторых особенностях ономастического творчества Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 24. СПб.: Нестор-история, 2024. С. 154–156.
10. Скуридина С.А. Поэтика имени у Ф.М. Достоевского (на материале романов «Под-росток» и «Братья Карамазовы»). Воронеж: Научная книга, 2007. 302 с.
11. Флоренский П.А. У водоразделов мысли (черты конкретной метафизики) // Флоренский П.А. Сочинения: в 4 т. Т. 3. Книга 2. М.: Мысль, 2000. 623 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Хотакко Василий Андреевич,
студент 5 курса Института филологии
Липецкого государственного педагогическо-
го университета имени П.П. Семенова-Тян-
Шанского,
SPIN-код 6848-8533,
e-mail: vs.antonov2002@gmail.com

Khotakko Vasilij Andreevich,
5th year student at the Institute of Philology
Lipetsk State Pedagogical University named
after P.P. Semenov-Tyan-Shansky,
SPIN code 6848-8533,
e-mail: vs.antonov2002@gmail.com

УДК 821.161.1-1:81'373.23

Н.В. Разумкова
Цюйфу, КНР,
18nadezhda3@mail.ru

ТЕКСТОВЫЕ ЕДИНИЦЫ С АНТРОПОНИМИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В ЛИРИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

В рамках статьи рассматриваются содержательно-смысловые составляющие антропонимов, выявленные в лирике поэта. Актуальность работы обусловлена антропологическим вектором современной науки, ориентированной на изучение картины мира творческой индивидуальности. Антропоцентризм поэта проявляется в активном использовании имен исторических деятелей, авторов литературных произведений, деятелей науки и искусства, мифологических персонажей, представителей высшей власти etc. Исследование базируется на тематических параметрах, а также на принципах описания лирической ситуации (прямое, имплицитное); иллюстрируется цитатами из стихотворений. Цель работы – изучение структурно-семантического наполнения антропонимических образов. В задачи входит выяснение, в какой мере антропонимы участвуют в создании объемного культурно-исторического пространства индивидуально-авторской картины мира. Формулируется вывод о богатстве и разнообразии системы данных единиц, в которой отразились особенности творческого почерка художника слова.

Ключевые слова: Осип Манделштам, поэтическая картина мира, текстовые единицы с антропонимическим компонентом, тематические параметры, языковая личность автора

N.V. Razumkova
Qufu State Pedagogical University
Qufu, PRC,
18nadezhda3@mail.ru

TEXT UNITS WITH ANTHROPONIMAL COMPONENT IN THE LYRICAL HERITAGE OF OSIP MANDELSHTAM

The article examines the content and semantic components of anthroponyms identified in the poet's lyrics. The relevance of the work is due to the anthropological vector of modern science, focused on studying the picture of the world of creative individuality. The poet's anthropocentrism is manifested in the active use of the names of historical figures, authors of literary works, scientists and artists, mythological characters, representatives of the highest authorities, etc. The study is based on thematic parameters, as well as on the principles of describing the lyrical situation (direct, implicit); illustrated with quotes from poems. The purpose of the work is to study the structural and semantic content of anthroponymic images. The tasks include finding out to what extent anthroponyms participate in the creation of a voluminous cultural-historical space of the individual author's picture of the world. A conclusion is formulated about the richness and diversity of the system of these units, which reflects the features of the creative style of the artist of the word.

Key words: Osip Mandelstam, poetic picture of the world, text units with an anthroponymic component, thematic parameters, linguistic personality of the author

Бесспорно утверждение о том, что «харизматический смысл поэтического ономастико-на очевиден там и тогда, когда мы имеем дело с мастером художественного слова» [8; с. 221]. В этом отношении показательно творческое наследие О.Э. Манделштама. Поэт внес существенный вклад в образную систему русского языка. Его поэзия и проза, отличающиеся семантико-символическим богатством, ассоциативно-смысловой многоплановостью образов, представляют несомненный интерес для удовлетворения различных исследовательских амбиций, поэтому многократно подвергаются анализу в когнитивном, структурном, интертек-

стовом аспектах [7].

В данной статье объектом пристального внимания являются текстовые единицы с антропонимическим компонентом, количественно представляющие собой внушительную группу в стихотворном корпусе поэта. Предмет изучения – тематические параметры, историко-культурные контексты, условия функционирования выявленных антропонимов.

Практическая значимость предпринятого анализа видится в применении «репертуара» литературных антропонимов в процессе обучения РКИ в качестве дополнительного материала к основным видам работ по расширению эрудиции зарубежных студентов в области русской культуры. Наблюдение над лексическим воплощением антропонимов в системе лирических образов раскрывает и углубляет основную идею стихотворения, тем самым, способствует формированию навыков адекватной ориентации в смысловом пространстве русской литературы, совершенствованию читательской квалификации.

Источниками исследования послужили сборники стихотворений: «Камень», «Tristia», «Стихотворения. Книга 1928», «Стихотворения, не собранные в книги стихов автора и неопубликованные» [5]. Практический материал выборки содержит более четырехсот текстовых единиц с антропонимическим компонентом.

Статья базируется на продуктивном подходе к теории имени собственного, который синтезирует возможности двух филологических дисциплин – литературоведения и лингвистики; методологически опирается на постулаты, изложенные в трудах известных ученых (А.Ф. Лосев, Ю.М. Лотман и др.). Теоретическим основанием для исследования послужил потенциал понятия «поэтическая картина мира» как итог интерпретации автором образа мира, формирующегося в его сознании на основе языковой картины мира в силу представлений ценностно-эстетического характера или личного вкусового предпочтения [6]. Поэтическая картина мира соотносится с понятием «текст», который трактуется как речевое произведение, где лексический уровень играет ведущую роль. «Отдельная лексическая единица получает дополнительный смысл в соответствии с характером структуры, в которую она вовлечена» [4; с. 329]. Характеристика исследуемых текстовых единиц с антропонимическим компонентом осуществлялась, исходя из места имени собственного в русской языковой картине мира [2]. При обработке практического материала использовались методы лингвистического описания, а также приемы семантического, словарного, этимологического, контекстуального анализа, реферирования; привлекались сведения, почерпнутые из греко-римской мифологии.

Имя собственное, будучи абстрактно-конкретной категорией языка, обозначает в системе языка определенный класс субъектов и объектов, наполненных особым конкретным содержанием. Недаром, имя с древних времен считалось духовным центром: «Nomen – omen» (Имя – предзнаменование). Личное имя как экономичное коммуникативное средство называет конкретного человека, отражает субъективную оценку, вызывает определенные ассоциации в сознании индивида. Открывая «окно» в окружающий человека мир, «антропоним является одним из факторов нашего познания и описания окружающей действительности» [8; с. 216].

Структурно-тематическое разнообразие лирического антропонимикона Мандельштама отражает его иудео-христианское мироощущение. Изображаемый поэтом мир, в том числе и посредством антропонимических структур, свидетельствует не только о сфере художественных интересов мастера, но и его эрудиции в области архитектуры, живописи, науки, музыки, религии. В тематическом плюрализме поэтической картины мира главное место занимает образ человека – Homo mensuris («Человек – мера вещей», по Протагору). Мужской и женский именник представлен в текстах разнообразно, но, в основном, европоцентрично. Выше-сказанное проиллюстрируем рядом примеров.

В текстах стихотворений соседствуют 1) имена реально существующих людей, среди которых знакомые поэта: *ясная Наташа* (цикл стихотворений, посвященных воронежской подруге – Н.Е. Штемпель); исторические фигуры: *пример Юстиниана* («Айя-София – здесь остановиться»), *С тех пор, как в Бонапарта Гусиное перо направил Меттерних* («Европа»),

Он **Цицерона** на перине, Читает, отходя ко сну («Аббат»); 2) имена литературных персонажей: Тяжка обуза северного сноба – **Онегина** («Над желтизной правительственных зданий»); **Фауста** бес – сухой и моложавый («Сегодня можно снять декалькомани»); **Гамлет**, мысливший пугливыми шагами («И Шуберт на воде»); 3) библейских героев – **Иосиф**, проданный в Египет, Не мог сильнее тосковать («Отравлен хлеб и воздух выпит»); 4) мифологических персонажей: Остаься пеной, **Афродита**, И слово в музыку вернись («Silentium»), Измученный безумством **Мельпомены** («Я не увижу знаменитой Федры»); **Богиня моря**, грозная **Афина** («В Петрополе прозрачном мы умрем»); **Всюду Бахуса** службы («Золотистого меда струя из бутылки текла», первоначальное название – «Виноград»). Данное стихотворение оживляет в сознании читателя мифологические сюжеты: корабль Одиссея, похищение Елены, супружеская верность Пенелопы. Любопытно, что Мандельштам, не называя имени жены Одиссея **Пенелопы**, вводит ее имя посредством противопоставления Елене, сбежавшей с Парисом в Трою: любимая всеми жена – **Не Елена** – другая – как долго она вышивала?

В лирических произведениях Мандельштам часто обращается к именам известных деятелей в сфере государственного устройства, политики, науки, искусства. Материал данной группы антропонимов классифицируется следующим образом. Так, встречаются имена представителей высшей власти: **Цезаря прекрасные черты** («С веселым ржанием пасутся табуны») и **Вильгельма** («Вильгельм-государь круто спешит»). Отмечается высокая частотность употребления имен музыкантов, исполнителей, актеров: **За Паганини** длиннопалым («Скрипачка»); **Стояла некогда Рашель** (французская театральная актриса в стихах «Ахматова»); **Чарли Чаплин** вышел из кино («Чарли Чаплин»). Значительную группу антропонимов составляют имена писателей, драматургов, литературных критиков: **жалкий Сумароков** Пролетал заученную роль; для меня явление **Озерова** – Последний луч трагической зари («Есть ценностей незабываемая скала»). В данную группу входят имена композиторов: **И Шуберт** на воде, и **Моцарт** в птичьей гамме; **Утешь меня Шопеном** чалым («Скрипачка»), художников: **А небо – твой Буонаротти** («Я должен жить, хотя я дважды умер»), **Как светотени мученик Рембрандт** («Воронежские тетради»); деятелей науки в области естественнонаучного и гуманитарного знания: **Кто за честь природы фехтовальщик? Ну, конечно, пламенный Ламарк** («Был старик, застенчивый как мальчик»), **Встречает пьяного Сократа** Суровая жена («Старик»).

Большой круг имен авторов литературных произведений свидетельствует о безграничном интересе Мандельштама к мировой классике. В текстах стихотворений встречаются имена писателей разных стран и времен: **Несравненный Виллон Франсуа** («Наглый школьник и ангел ворующий»); **Юношу Гете** манившее лоно («Римских ночей полновесные слитки»); **О спутник вечного романа, Аббат Флобера и Золя** («Аббат»); **У Чарльза Диккенса спросите** («Домби и сын»). Вычлененные в текстах антропонимы можно распределить на такие группы, как 1) имена поэтов античной эпохи: **И море, и Гомер** – все движется любовью («Бессонница. Гомер. Тугие паруса»); **Обула Сафо** пестрый сапожок («На каменных отрогах Пиэрии»); 2) имена поэтов пушкинской поры: **И Батюшкова** мне противна спесь («Нет, не луна, а светлый циферблат»); **Державин** и **Языков** («Стихи о русской поэзии»); 3) имена поэтов-современников: **Анна Ахматова** («В пол-оборота, о печаль»), **Андрей Белый** («Голубые глаза и горящая лобная кость»). Следует также указать на способ называния стихотворений посредством личного имени: «Батюшков», «Бах», «Ариост», «Кассандре». Большинство антропонимов представлено фамилиями. Однословные единицы звучат официально и уместно при упоминании знаменитых людей. Иногда такие имена снабжаются эпитетом или конкретизатором: **Любезный Ариост** немножечко охрип («Ариост»), **Ванька-ключник** мог бы здесь гулять («Я живу на важных огородах»). Иногда выбор имени лирического героя имеет целью подчеркнуть масштаб его личности: **Эсхил-грузчик, Софокл-лесоруб**. В своем желании примирить интеллектуальный и физический труд Мандельштам объединяет

молот и лиру, рабочего и древнегреческого поэта в силу их общего творческого начала, мастерства («Актер и рабочий»).

В текстах стихотворений личные имена составляют неоднородную группу и выступают в разных формах. При обозначении хорошо знакомых поэту людей личное имя заменяется гипокористическим: *Лера, Нора* («Воронежские тетради III»), иноязычной моделью *Жорж: Умер, не пикнув, Жорж Иванов* (известный поэт Серебряного века – Георгий Иванов в шуточных стихах «Поэма об издательстве»). Сочетание французского имени с распространенной русской фамилией звучит с изрядной долей иронии, адекватной жанру данного стихотворения. В тексте «Поэмы» выделены, кроме того, следующие антропонимические единицы: *Блох, Добужинский, Радлов, Серов, Рембрандт, Бердслей, Митрохин, Врубель, Веласкес, Рафаэль, Кузмин*. Этот ряд содержит также фамилию самого автора – *Дал Мандельштаму яда стакан*. Имя издателя представлено в тексте полной формой – *Яков Ноевич Блох*. Интересно, как двусловная модель «имя + отчество» реализована в стихотворении «Жил Александр Герцович». Отчество – наиболее яркий компонент полного антропонима. Известная русская поговорка гласит: «По имени встречают – по отчеству провожают». Антропонимическая единица *Александр Герцович* ассоциативно связана с именем русского революционного демократа, критика русского самодержавия, издателя еженедельника «Колокол» и альманаха «Полярная звезда» в Лондоне. Автор «Былого и дум», Александр Иванович Герцен, будучи в эмиграции, боролся за свободу и неотъемлемые права человека. Мандельштам семантически варьирует отчество еврейского музыканта в тексте стихотворения: Герцович (от немецкого слова Herz / «сердце»), Скерцевич (от итальянского scherzo / «шутка»), Сердцевич (сердце). Лирический герой *твердил наизусть одну сонату вечную* (соната си-бемоль мажор Шуберта), обнажая свою несостоятельность перед лицом враждебной действительности. Музыка для него, как и для самого поэта, стала отдушиной, помогала уйти в волшебный мир гармонии. Прототипом послужил сосед по коммунальной квартире брата Мандельштама (Александра Эмильевича) – Александр Герцович Беккерман. Поэт подарил бессмертие этому человеку, благодаря своему шедевру, очарование которого ощущается в каждой строке.

В книге «Tristia» Мандельштам увековечил красавицу, даму высшего света Петербурга – Саломею Николаевну Андроникову под трогательным именем *Соломинка*. Библейское женское имя, семантически сближаясь с нарицательным существительным «солома», символизирует тревогу и ностальгию любви. Используя эмоциональную окраску уменьшительно-ласкательной формы языковой единицы, поэт подчеркивает изящество и хрупкость незабываемого образа лирической героини: *Соломка звонкая, соломинка сухая, Всю смерть ты выпила и сделалась нежней, Сломалась милая соломка неживая, Не Саломея, нет, соломинка скорей* («Когда, соломинка, не спишь»). В данное стихотворение поэт вводит имена мистических героинь: *Лигейя* (Эдгар По), *Ленор* (Август Бюргер Готфрид), *Серафита* (Бальзак). Этот ряд женских имен, возможно, стал наброском будущей переработки текста глубоко личностного плана, полного драматизма запечатленных в стихотворении переживаний.

Важная роль имени собственного, способного не только индивидуализировать, но и обобщать, репрезентируется во многих лирических произведениях поэта. Так, высокий уровень абстрагирования получает собирательный образ имени Федра –: *Черным пламенем Федра горит Среди бела дня* («Любовью черною я солнце запятнала»). Черноте внучки бога солнца Гелиоса противопоставляется свет белого дня. Федра, восплававшая любовью к пасынку Ипполиту, символизирует тайный грех, зло, смерть, возмездие. «Федра – мачеха, Федра – ночь. Ей сострадает рожденный ночью и в прямом, и в поэтическом смысле поэт, к ней тянется, ее боится» [1; с. 87]. (См.: *Я рожден в ночь с второго на третье Января в девяносто одном* в «Стихах о неизвестном солдате»).

Подытоживая, отметим, что толика приведенных в качестве примера текстовых единиц с антропонимическим компонентом подчеркивает его значимость в поэтической картине мира Мандельштама. Разумеется, все «маршруты» заявленной темы еще недостаточно изучены. При соприкосновении с творчеством гениального поэта всегда остается ощущение неудовле-

творенности в поиске ответов на его герменевтические загадки. Причина их видится в особом отношении поэта к слову и имени, без которого «нет вообще разумного бытия, разумного проявления бытия, разумной встречи с бытием» [3; с. 31].

Библиографический список

1. Артемьева Г. Код Манделъштама. М.: Астрель, 2012. 288 с.
2. Голомидова М.В. Русская антропонимическая система на рубеже веков // Вопросы ономастики. 2005. №2. С.11-22.
3. Лосев Л.Ф. Философия имени. М.: Издательство МГУ, 1990. 269 с.
4. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
5. Манделъштам О.Э. Собрание сочинений в 4-х томах / Под ред. проф. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. Т. 1. Стихотворения. М.: Терра, 1991. 684 с.
6. Панова Л.Г. «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Манделъштама. М.: Языки славянской культуры, 2003. 808 с.
7. Пронченко С.М. Ономастический аспект лексической структуры художественных текстов О. Манделъштама: функциональный комментарий // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб: ООО «Книжный дом», 2006. №2 (19). С. 64-69.
8. Фролов Н.К. Функции антропонимов в художественном тексте // Избранные работы по языкознанию: В 2 т. Т.1. Антропонимика. Русский язык и культура речи. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2005. 512 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS' INFORMATION

Разумкова Надежда Васильевна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент факультета русского языка,
Цюйфуский педагогический
государственный университет,
SPIN-код 2356-1708,
18nadezhda3@mail.ru

Razumkova Nadezhda Vasilievna

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Faculty
of Russian Language,
Qufu State Pedagogical University,
SPIN-code 2356-1708,
18nadezhda3@mail.ru

УДК 81373

Е.С.Обухова

Русский центр при Университете им. Св.Кирилла и Мефодия в Скопье

Охрид, Республика Северная Македония

e-mail: _oes_@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НЕКОТОРЫХ БРЕНДОВ В РОМАНЕ И.ИЛЬФА И Е.ПЕТРОВА «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ» НА МАКЕДОНСКИЙ ЯЗЫК

Статья посвящена переводу брендов в романе И.Ильфа и Е.Петрова «Двенадцать стульев» на македонский язык. Практически энциклопедический по количеству использованных брендов роман весьма сложно переводить на иностранный язык. Это связано в первую очередь с особенностями периода, в котором часто использовались сложносокращенные слова, с которыми авторы часто шутят, и которые почти никогда не получается перевести дословно из-за возможной потери смысла. Кроме того, ряд вымышленных брендов является зашифрованными названиями компаний, реально существовавших в 20-е годы XX века, что порождает в тексте большое количество сносок. Кроме того, с брендами бывает связана игра слов, которую очень важно не пропустить при переводе.

Ключевые слова: литературная ономастика, имена собственные, И. Ильф, Е.Петров, «Двенадцать стульев», бренды, македонский язык

E.S.Obukhova

Russian Center at the University of St. Cyril and Methodius in Skopje

Ohrid, Republic of North Macedonia

e-mail: _oes_@mail.ru

PECULIARITIES OF TRANSLATING SOME BRANDS IN THE NOVEL BY I.ILF AND E.PETROV "THE TWELVE CHAIRS" INTO THE MACEDONIAN LANGUAGE

The article is devoted to the translation of brands in the novel by I.Ilf and E.Petrov "The Twelve Chairs" into the Macedonian language. The novel, which is almost encyclopedic in terms of the number of brands used, is very difficult to translate into a foreign language. This is primarily due to the peculiarities of the period, in which complex abbreviations were often used, with which the authors often joke, and which almost never can be translated literally due to the possible loss of meaning. In addition, a number of fictitious brands are encrypted names of companies that actually existed in the 1920s, which gives rise to a large number of footnotes in the text. In addition, brands are sometimes associated with wordplay, which is very important not to miss when translating.

Keywords: literary onomastics, proper names, I. Ilf, E. Petrov, "The Twelve Chairs", brands, Macedonian language

В современном мире количество брендов растет буквально с каждым днем. Это связано в первую очередь с активным распространением товаров по всему миру и их продвижением, в том числе на платформах в Интернете, а также с тем, что названия не могут повторяться и при этом должны быть привлекательными и уникальными. Многие из них уже укоренились в нашей памяти, рождают ассоциации и даже являются символами эпохи. Е.В.Степаныхчева отмечает, что «человек покупает вместе с предметом его миф» [1; с.216]. Подобные мифы создают или используют существующие авторы романа «Двенадцать стульев».

Роман И.Ильфа и Е.Петрова можно назвать не только энциклопедией 20-х годов XX века, но и энциклопедией имен и названий. Произведение начинается с бренда, точнее, с брендов. Уже на первой странице нам встречаются три бренда („Нимфа“, Цирюльный мастер «Пьер и Константин» и «Погребальная контора «Милости просим» [2; с.32]. («Нимфа»), „Мажсторот на берберскиот занает Пјер и Константин“ и погребална канцеларија „Пове-

лете, молам“) [3; с.10]. И многие имена, встречающиеся в романе, оказываются непонятными или неизвестными не только македонскому читателю, но и носителю русского языка. Именно в связи с этим в романе огромное количество сносок с пояснениями. Из 228 сносок именам собственным посвящено: а) в сносках Галанова Б.Е. из издания – 71, б) в сносках переводчиков – 29 (из них большая часть – сложносокращенные слова: Например, «ГПУ – Државна политичка управа - орган за државна безбедност во РСФСР во периодот 1922-1923 год, историски претходник на НКВД и КГБ», [3; с. 43].

Имена-бренды, нуждающиеся в комментариях, это в основном: а) эргонимы (наименования фирм и предприятий: РКИ, УОНО, Нарпит, Рабис, ВХУТЕМАС, ССПО, МУНИ) (см. [2; с. 537-544]), б) названия продуктов, напитков и др. («Зубровка» и др).

Наиболее сложными для перевода из вышеперечисленных онимов являются, безусловно, эргонимы и, в частности, сложносокращенные слова, выступающие как одно из нововведений эпохи.

При переводе нами было принято решение не переводить слова по элементам и не сокращать их заново, а транслитерировать имена и дать сноску. Так, например, Госшвеймашина переводится как «Госшвеймашина» – Државен индустриски монопол за производство на машини за шиене и делови за нив. В данном случае подобное сокращение невозможно сделать, так как структура некоторых имен не совпадает: швейная машина по-македонски – машина за шиене. То есть уже сам порядок слов при переводе поменяется. И вместо Госшвеймашина получилось бы “Држмашиназаш”. Но такое сочетание нельзя будет найти, если читатель заинтересуется тем или иным названием, так как сокращение чересчур сложное и не поддается обратному переводу.

«Идем обедать в нарпит». [2; с. 453] – «Одиде да ручаме во нарпит» [3; с. 443].

Нарпит – народное питание (народна исхрана). То есть по логике можно было бы перевести как нарисхр, но такой оним нам может ни о чем не сказать, а также является труднопроизносимым в переводе.

Тем не менее, при переводе нами делались определенные исключения: «Ти не знаеш сè! Ти уште ќе земеш кредит за мебел во „Мосдрво“» [3; с.224]. – «Ты не знаешь всего! Ты еще возьмешь в *Мосдреве* кредит на мебель» [2; с. 242]. В данном случае совершенно очевидно, что начало названия связано со словом «Москва», а древо и дрво отличаются всего лишь одной буквой.

Другой случай полного перевода: Надпись с вывеской: «ДОМ ЗА СОЦИЈАЛНИ ГРИЖИ НА „СТАРГУБОСИГ“» [3; с.73] «2-й ДОМ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАРГУБСТРАХА» [2; с. 93]. Здесь также возможность полного перевода диктует сам оним. Во-первых, полностью совпадает порядок слов, во вторых, он вынесен на вывеску и тем самым оказывается в центре внимания, в-третьих, последняя часть онима, сокращенная от слова «страхования» легко читается и на македонском, так как другого слова, кроме «осигурување» с этим корнем нет. Последняя причина, позволяющая дословный перевод, заключается в том, что данный оним является вымышленным, а не историческим, как и само названием города, и читателю при необходимости не понадобится его искать, чтобы понять, о каком конкретно учреждении идет речь.

Аналогичный пример с онимом Хранотруст – Пищетрест: «„Хранотруст“ на сите можни начини се трудеше наместо 15 проценти акции за уплата да добие само десет [3; с.170]. «Пищетрест всячески старался вместо 15 процентов акций получить только десять» [2; с.186]. Данный оним является полностью понятным при переводе обоих сокращений, так как они даны не буквами, а частями слов.

Пример перевода сокращения, состоящего из букв, также встречается в тексте: “Чертеж этот был пожертвован ОННОБОМ (Обществом новой научной организации быта) [2; с.122] – «Таа скица беше донирана од страна на ДННОС (Друштво за нова научна организација на секојдневието)» [3; с.103]. Но в данном случае появляется и еще одна причина дословного

перевода – расшифровка онама дается не в сноске, а непосредственно в тексте, и в связи с этим ее невозможно проигнорировать.

В ряде случаев в сокращенных названиях возникала необходимость замены одной буквы в связи с отсутствием в македонском языке таковой: Електричните централи на „Могес“ чадеа како ескадра [3; с.259]. – «Электрические станции Могэса дымили, как эскадра» [2; с.274]. Название происходит от Московского объединения государственных электростанций, т.е. внутри имеется сокращение ГЭС. Интересно, что под этим названием работала старейшая московская электростанция. Если говорить об известных современных брендах, то при разъяснении происхождения названия советской компании выясняется следующее: компания, бывшая прародителем «Могэса», называлась «Акционерное Общество Электрического освещения 1886 года» [4; электронный ресурс], которую основали братья Вернер и Карл Сименс, работавшие в России с 1852 года. Таким образом, данное название исторически связано с современным популярным брендом «Сименс».

Некоторые из сокращенных онимов являются понятными и без перевода, например, Техносила, кстати, бренд, снова ставший весьма популярным в России в двухтысячных годах: «Копирањето на паус хартија во бирото за техничко цртање „Техносила“ му даваше на Коља Калачов...најмногу четириесет рубли» [3; с.221] – «Копирование на кальку в чертежном бюро „Техносила“, давало Коле Калачову...никак не больше сорока рублей» [3; с.237].

Названия предприятий без сокращений в тексте романа также встречается, и они обычно переводятся: «...кој се јадеше чесно по половина во вегетаријанската менза „Не кради“ [3; с.220] – «...съедаемый честно пополам в вегетарианской столовой «Не укради»» [3; с.236]. Объективно в такой столовой и украсть нечего. С другой стороны, тенденция вегетарианства вернулась в наше настоящее и породила ряд известных брендов. И название в религиозном контексте заповеди звучит весьма актуально.

Противоположным по дух является название «Октябрь». «Останува да се освежине, ваша екселенцијо, – му рече тој на Дјадјев. – Ајде, Полесов, тркни до „Октомври“. Имаш пари? – «Остается освежиться, ваше превосходительство, – сказал он Дядьеву. – Слетай-ка, Полесов, в „Октябрь“, Деньги есть?»

Данный контекст отсылает к совершенно новым на момент написания романа названиям, порожденным Октябрьской революцией. В романе их всего два: «Октябрь» как название заведения и Октябрьский вокзал (бывший Николаевский, называющийся сейчас Ленинградским). Данное название важно не только с точки зрения особенностей периода, но и как знаковое, скрывающее в себе датировку повествования: «Ленинградский вокзал (до 1855 года – Петербургский, с 1855 по 1923 год – Николаевский, с 1923 по 1924 год – Октябрьский» [5; с.223] Получается, что это название вокзал носил всего около двух лет. Очевидно, что в данном контексте название месяца необходимо переводить. Название «Октябрь», как и название вокзала, является новым и для самих героев, и за ним скрывается определенный переименованный объект, но так как в главе речь идет об октябристах, то очевидно, что именно в ресторане с таким названием они и собираются освежиться.

Кроме того, в романе встречаются названия, юмористический эффект при использовании которых достигается посредством совмещения несочетаемых понятий. А.Муренкова отмечает следующее: «Соединение в одном названии нерядоположных названий, например...показывает новый строй и общество с абсурдной стороны» [6; с.17]. В своей статье она приводит пример вывески с бубликами. При переводе на македонский язык именно этого онама возникает очередная сложность: отсутствие двух лексем, обозначающих похожие продукты. Сравним: «...сопственикот на «Брзопак» Дјадјев, претседателот на Одеската задруга за бели печива «Московски гевреци» Кисљарски» [3, с. 188]. – «...хозяина „Быстроупака“, Дядьева, председателя „Одесской бубличной артели „Московские баранки“, Кислярского» [2, с. 201]. Абсурдность названия очевидна, ее комментируют сами авторы: московские баранки при необходимости могли выдаваться и за одесские бублики. Казалось бы, все ясно. В данном случае бублик и баранка по сути одно и то же, раз один продукт может легко

выдаваться за другой. Но тогда возникает вопрос: как их перевести по-разному, если в македонском языке для обозначения данного продукта есть только одно слово «ѓеврек»? «Ѓеврек, машки род, Вид печиво со прстенеста форма, посипано со сусам». (Англиски: bagel Турски: gevrek Албански: gjevrek)» [9, электронный ресурс]. Перевод – «хрупкий, ломкий». В азербайджанской кухне с таким значением встречается и слово «хворост». То есть тут нет значения «круглый». Кстати, бублик пришло из украинского языка и переводится как пузырь. (у словаков «бублички» - пузыри).

В связи с отсутствием второй лексемы пришлось сделать перевод словосочетания «бубличная артель» как «задруга за бели печива», т.е. дословно «артель по изготовлению выпечки». Для смены понятия был выбран первый контекст в связи с тем, что здесь используется не имя существительное, а прилагательное.

С точки зрения перевода логично разделить названия, используемые в романе, по типам: названия учреждений, названия газет и других изданий, марки машин, названия косметических средств и препаратов, название приборов. Следует сразу отметить, что перевод некоторых названий никаких сложностей не вызывает, и мы можем только констатировать их сходство. Так происходит с марками машин: «Гаврилин често одеше на градилиштето на станицата со неговиот стар, „настинат“ „фиат“ [3; с.171]. – Гаврилин често приезжал в старом, простуженном „фиате“, на постройку станции [2; с.187].

Данные марки машин переводятся легко в связи с тем, что ко времени написания романа в России еще оставались привозные марки, в данном случае – итальянская и американская. Обычно сложно переводить русские названия машин, которые были направлены на экспорт в другом варианте. Но в данном тексте таких названий нет.

Интереснее дело обстоит с названиями фирм, производящих те или иные предметы, или с названиями самих предметов.

Здесь также встречается политическая лексика, например, «Плуг и молот». Это название кооператива, кроме прочего, производящего мыло: Ровно в полдень запел петух в кооперативе „Плуг и молот“, [2; с.16] . «Отец Фјодор започнуваше да вари сапун, кой...беше и трипати поскап од „плуг и чекановиот“ сапун» [3; с.37]. – «Отец Федор начинал варить мраморное стирочное мыло; ... но мыло...стоило втрое дороже, чем „плуг-и-молотовское“, [3; с.57]. Казалось бы, что словосочетание «Плуг и молот» – простая пародия на серп и молот, но на самом деле даже на звездах РККА было изображение именно плуга и молота, а на плакатах тех времен размещали слоганы типа «Плуг и молот – родные братья» (плакат 1918 года, изданный в Петрограде, символизирующий союз пахаря и рабочего. [7; электронный ресурс].

Названия фирм и предметов интересны еще и по самому их набору. Некоторые повторяются и имеют более 1 лексемы (примусы, бритвы, средство по борьбе с клопами – особенно).

Здесь, что удивительно, встречаются названия фирм, которые популярны до сих пор. Например, «Петмина уметници ги гребеа фотографиите со ножиња за бричење „Жилет“» [3; с.313] – Человек пять художников скребли фотографии бритвенными ножичками „Жиллет“, [2; с.326]. В данном случае интересен метонимический переход в македонском языке, в котором любое лезвие в обычной разговорной речи называется исключительно словом «жилет». Например, «Во моментот додека берберот му ја бричеше главата со жилет, муштеријата викна. Дали заради расеченица или можеби поради шега, засега не е познато» [8; электронный ресурс]. В электронном словаре македонского языка указано следующее определение: «Жилет, мн. жилети, Ноже за бричење; машинка (направа) за бричење со ноже» [9; электронный ресурс].

Из традиционных для русского читателя брендов встречаются, например, сигареты «Наша марка». При переводе в данном случае ничего не меняется: «Од страната на Моховаја

излезе превозник со запрежна кола, натоварена со сандачи од шперплоча со цигари „Наша марка“.

Кроме того, упоминается и известный напиток «Зубровка», который оказывается более сложным для перевода: «Тој ден Господ на Александар Јаковлевич за ручек му дал шише зубровка».

«Зубровка - алкоголен пијалак (вотка) во кој се става да отстои растението Зубровка (*Hierochloë odorata* (L.) Русско-македонскиот словарь дава следующее толкование: «Зубр – див бик, бизон» [10; 243]. Европски бизон или зубар (науч. *Bison bonasus*) — евроазиски вид говедо, еден од двата преостанати видови од родот бизон (*Bison*), заедно со американскиот. (Слово «зубар» для маке – практически неизвестно. Главная сложность при переводе на русский и большое количество ошибок в русско-македонском словаре именно видовые. В обычной речи это логичнее всего, так как многие лексемы, обозначающие виды, не используются. Сравним: в русском языке никогда не путают синицу, воробья и снегиря, щегла. В македонском разговорном языке все эти птицы – «врапче», воробушек. То же касается зеленых растений.

Таким образом, перевод брендов в романе затрагивает огромное количество пластов, так как имя собственное – широчайшее понятие, и в большой мере именно используя названия, писатели добиваются юмористического эффекта, который удается сохранить при переводе, используя не только параллельные конструкции, но и сноски.

Библиографички список

1. Степанычева Е.В. Мифологизация потребления как инструмент брендинга // Социально-экономические явления и процессы. 2011, № 5-6 (027-028), С . 216-222.
2. Ильф И., Петров Е Двенадцать стульев. М.: Детская литература, 2017. 560с.
3. Илф И., Петров Е. Дванаест стола. Скопје, Прозарт-медиа, 2021. 546 с. // Перевод Н.Шуканова и Е.Обуховой.
4. История Мосэнерго // Музей истории Мосэнерго /https://www.mosenergo-museum.ru/History_of_Mosenergo/Historical_Review/1887_1917/дата обращения: 10.03.2025
5. Баранова С. И., Беляев Л. И., Иофис М. А. Москва. Наука и культура в зеркале веков. Все тайны столицы. — Москва: АСТ, 2014. — 608 с.
6. Муренкова А.А. Три владельца «Нимфы»: торговые знаки в романах И. Ильфа и Е. Петрова // Русская речь. 2008. № 2. С. 16-22.
7. Советский политический плакат. Коллекция Серго Григоряна/<https://redavantgarde.com/collection/show-collection/343-plough-and-hammer-are-brothers-long-live-the-inseparable-union-of-a-plow-and-a-hammer-a-plowman-and-a-worker-.html>. Дата обращения: 10.03.2025
8. IREPORTER// <https://reporter.mk/kjumram/video-si-poi-gra-so-zhivotot-dodeka-berberot-go-sreduvashe-so-zhiletot/> Дата обращения: 11.03.2025
9. Дигитален речник на македонскиот јазик / <http://drmj.eu/search/%D0%B6%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D1%82> Дата обращения: 11.03.2025.
10. Русско-македонски речник/ Чундева Н., Најческа-Сидоровска М., Накев С., – Скопје, 1997, – 990 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS' INFORMATION

Обухова Елена Сергеевна,
доктор филологических наук,
преподаватель РКИ,
Русский центр при Университете
им. Св.Кирилла и Мефодия в Скопье
e-mail: _oes_@mail.ru

Obukhova Elena Sergeevna,
Doctor of Philological Sciences,
Teacher of Russian as a Foreign Language,
Russian Center at the University of St. Cyril and
Methodius in Skopje
e-mail: _oes_@mail.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИМЯТВОРЧЕСТВА PRAGMATIC ASPECT OF NAME CREATION

УДК 5.9.5

Т.С. Шевченко

Ставропольский государственный педагогический институт

(Ставрополь, Российская Федерация)

e-mail: shevchenko31569@gmail.com

РАСТИТЕЛЬНЫЙ И ЖИВОТНЫЙ КОД КУЛЬТУРЫ В РУССКИХ ПРАГМАТОНИМАХ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ ИЗДЕЛИЙ ПАВЛОВОПОСАДСКОЙ ПЛАТОЧНОЙ МАНУФАКТУРЫ)

Прагматонимы являются современным медиасредством, с помощью которого вербализуется, инвентаризируется и ментализуется национальная картина мира. В данной статье классифицируются и анализируются названия изделий Павловопосадской платочной мануфактуры, репрезентирующие такие фрагменты национальной картины мира, как «растительный мир» и «животный мир».

Ключевые слова: языковая картина мира, код культуры, прагматоним, фитоним, фауноним, ономастика, лингвокультурология.

T.S. Shevchenko

Stavropol State Pedagogical Institute

(Stavropol, Russian Federation)

e-mail: shevchenko31569@gmail.com

THE PLANT AND ANIMAL CODE OF CULTURE IN RUSSIAN PRAGMATONYMS (USING THE EXAMPLE OF THE NAMES OF PRODUCTS OF THE PAVLOVO POSAD SHAWL MANUFACTORY)

Pragmatonyms are a modern media medium through which the national worldview is verbalized, inventoried, and mentalized. This article classifies and analyzes the names of the products of the Pavlovo Posad shawl manufactory, representing such fragments of the national worldview as "flora" and "fauna".

Keywords: linguistic worldview, cultural code, pragmatonym, phytonym, faunonym, onomastics, linguoculturology

Прагматонимы (коммерческие названия товаров) являются современным медиасредством, с помощью которого вербализуется, инвентаризируется и ментализуется национальная картина мира. Картина мира базируется на образе мира как естественной среды обитания того или иного народа. Изделия Павловопосадской платочной мануфактуры (ППМ) вот уже полвека получают индивидуальные названия. Всего таких названий на данный момент насчитывается 1090. Их дают сами художники – авторы рисунков платков; утверждает названия Художественный совет мануфактуры. Поскольку продукция относится к исконным народным промыслам, то в коммерческих названиях намеренно и неизбежно кристаллизуются специфические черты национальной картины мира, ценности, культурные знаки, константы ментальности. Названия платков и других изделий ППМ указываются на этикетках, на сайте, в бумажных каталогах и т.д. В прагматонимах ППМ, как и в других прагматонимосистемах, проанализированных в научной литературе

[1; 2; 4; 6; 7; 8], немаловажное место занимает флористический и фаунистический код: 255 платков (23%) получили названия, в той или иной мере связанные со сферами-источниками «растительный мир» и «животный мир». (Наряду с ними выделяются такие источники образования прагматонимов, как «географические объекты», «смена времен года и суток», «состояния природы», «искусство», «религия», «эмоции и чувства человека», «прецедентные феномены», «рукотворные объекты» и т.д.; некоторые из них мы изучали [9; 10]).

Специфика товара заключается в том, что павловопосадские платки – это выпускающиеся массовым тиражом авторские произведения визуального искусства, относящиеся к национальному народному промыслу, зачастую имеющие в основе своего замысла изображения цветов и прочих растительных элементов; иногда, намного реже – фаунистических элементов. Это уникальный фактор, влияющий на названия данного вида товаров. Сам слоган продукции флористический: «*Цветы России на ваших плечах*». По Т.В. Федотовой, «мир растений – важная составляющая окружающей человека действительности», она «активно отражается и в языке, так как семантическая группа «растения» – один из древнейших пластов лексики» [8; с. 72]. Мир животных является привлекательной сферой-источником, связанной с богатым этноспецифичным коннотативным планом.

Долгое время павловопосадские платки были безымянными. Первые названия, которые на мануфактуре присваивали платкам с середины XX века, прямолинейно дублировали визуальный ряд: *Рябинушка, Букет с геранью, Пионы, Эспарцет, Виноградная лоза, Укроп, Джейраны* и т.д. Впоследствии, с конца XX века и до наших дней, названия стали более художественными и многокомпонентными: *Фиалковые ночи, Соловьиная роца, Запах меда и роз, Игры больших кошек* и т.д. В XX веке появляются единичные случаи языковой игры на основе зоометафор: *Котьябрь, Котовасия, Мадемязуэль* и др. (всё это небольшие шелковые или хлопковые изделия); хотя в прагматонимии в целом языковая игра представлена широко. В ряде случаев название опосредованно связано с фитонимами и фаунонимами: *Сад дивных снов, Перышко Феникса, Жостовский букет, Оазис* и мн. др. Однако все равно в той или иной мере визуальный ряд прямолинейно или ассоциативно подкрепляет название.

Опираясь на принципы К.А. Власовой, классифицировавшей названия кондитерских изделий [1], отфитонимные прагматонимы ППМ (203 номинации) делим на 5 групп.

1. Номены, обозначающие общие понятия, связанные с растениями, в данном случае – в основном с цветком (*Аленький цветочек, Весенний цветок, Водоросли, Дни любви и цветов, Бал цветов, Долина цветов, Каменный цветок, Муравушка, Огненный цветок, Планета цветов, Поле цветов, Снежинки и цветы, Сны белых цветов, Северные цветы, Таинство цветов, Травинка, Цветочная ария, Цветочная карусель, Цветочная корзиночка, Цветочная нимфа, Цветочная полянка, Цветочная симфония, Цветочная сказка, Цветочное настроение, Цветочное ожерелье, Цветочные бусы, Цветочные грезы, Цветочный веер, Цветочный ветер, Цветочный калейдоскоп, Цветочный роман, Цветок Востока, Цветы Австралии, Цветы для души, Цветы для любимой, Цветы любви, Цветы под снегом, Цветы полевые, Цветы России, Шелковые травы, Экзотический цветок; Весеннее цветение, Гурзуф в цвету, Расцветающие камни, Цветущая весна, Цветущее лето, Цветущее поле, Цветущий май*). Редкая старинная шаль предположительно называется *Ботаника*.

2. Номены, обозначающие растения.

2.1. Деревья и кустарники (*Барбарис, Белый шиповник, Виноград, Виноградная лоза, Ежевика, Жасмин, Зимняя вишня, Миндаль, Молодильные яблочки, Маки и виноград, Подсолнухи, Розмарин, Табачные листья, Укроп, Цвет граната, Шиповник, Боярышник, Вербочка, Ивушка, Кленовые листья, Край сандала, Сиреневый вечер, Сиреневый туман, Сирень, Танцующая ива, Фея сирени, Цветет сирень, Рябина, Рябиновые бусы, Рябинушка (Розы и рябина), Сандаловые острова, Тополинный пух*).

2.2. Травянистые растения.

2.2.1. Декоративные травянистые растения (*Анютины глазки, Аромат цветущих роз, Роза и вьюнок, Белые лилии, Белые розы, Букет с геранью, Вальс тюльпанов, Гардения, Гладиолусы, Глициния, Голубые ирисы, Голубые лилии, Город роз, Дельфиниум, Дикая орхидея, Дикая роза, Душа розы, Душистый табак, Желтые ирисы, Запах меда и роз, Зимняя роза, Золотистые розы, Золотые ирисы, Иван-да-Марья, Ирис, Ирисы, Кайма из роз, Камелия, Клематисы, Колокольчики, Розы по кругу, Ландыши, Нарцисс, Огненные лилии, Оранжевые розы, Павловские розы, Пармские фиалки, Пионы, Роза востока, Роза с лентой, Розовый сад, Розы, Розы и колокольчики, Розы и ромашки, Розы и пионы, Розы на снегу, Розы по кругу, Розы под снегом, Ромашка, Ромашки, Танцующие орхидеи, Фиалковые ночи, Хризантемы, Синие тюльпаны Цикламен Чайные розы, Эспарцет*).

2.2.2. Недекоративные травянистые растения (*Луговые маки, Незабудка, Полевой вьюнок, Эдельвейс, Имбирь, Маки, Маки и медуница, Маков день, Маков цвет, Маковое поле, Цветущие маки, Шалфей, Шафран*).

3. Номены, обозначающие совокупность растений.

3.1. Растительные массивы (*В парке Чаир, В садах земли Нижегородской, Вечер в парке, Вечерний сад, Волшебная аллея, Дивный сад, Дворцовый парк, Зачарованный лес, Душистый луг, Лесное чудо, Лесной ручей, Лужок, Лунный сад, Мой садик, На солнечной поляночке, Парк Гуэль, Оазис, Палисадничек, Сад дивных снов, Песня сказочного леса, Полянка, Райский сад, Русское поле, Разнотравье, Сад пустоты, Сады Киото, Сады Сицилии, Сады цветут, Сады Ширазы, Старинный парк, Тайна джунглей, Утренний сад, Цветущий сад, Чудесный сад*).

3.2. Рукотворные объекты, созданные из растений (*Букет, Венок Дуная, Веночки, Жостовский букет, Летний букет, Майский букет, Южный букет*).

4. Номены, обозначающие части растений (*Винные ягоды, Золотые листья, Кружатся листья, Лиственный, Среди густых ветвей, Ягодка*).

5. Номены, обозначающие продукты из растений (*Зимняя пряность, Восточные пряности, Дикий мед, Запах меда и роз, Медовый полдень, Изюминка*).

Как видим, доминирующее место занимают общие обозначения с генеральной семьей «цветок» (48 прагматонимов). Цветок на платке – это материализация романтических стремлений народной души, той, что ищет среди быта в окружающем мире прекрасное – эстетичное и этичное. В русской национальной картине мира *муравушка, аленький цветочек, шелковые травы, «каменный цветок»* – это отображение поэтичности сознания, языка, фольклора, поэтичности труда. Поскольку цветы являются традиционно главным элементом павловопосадского изделия, появляются такие сложные фитообразы, как *Сны белых цветов, Таинство цветов, Бал цветов, Дни любви и цветов, Цветочный ветер* и др. Номинация *Северные цветы* указывает на размах ареала русского народа, на красоту северных земель и любовь к ним. *Расцветающие камни* – это о торжестве цветения над всем в мире, о торжестве, следовательно, и народного искусства.

Как и в исследовании К.А. Власовой, «чаще используются растения, за которыми стоит определенная культурная традиция, поэтому эти наименования имеют символический статус» [1; с. 29]. Таким образом, павловопосадской «королевой» из 25 декоративных цветов ожидаемо является *роза* (24 прагматонима), за ней со значительным отставанием следуют *мак, сирень* (6 и 5 номинаций). Прагматоним *Душа розы* – квинтэссенция художественных устремлений павловопосадских художников, старающихся каждый в своей индивидуальной манере схватить и передать эту самую душу. Так, например, розы на дулёвском фарфоре более 200 лет называют «агашками» (предположительно, от распространенного имени среди работниц мануфактуры – Агафья), этот термин перенял и платочный промысел. Это розы в простодушной, наивно-бравурной интерпретации; есть и платок с названием *Агашки*; а художник Злата Ольшевская говорила про художника Ирину Дадонова, что как бы она розы ни рисовала, «все равно получают агашки».

У каждого цветка есть ассоциативный ряд, считываемый носителем русской культуры.

Случайного при выборе номинации для прагматонима нет. Сирень – цветы дней Памяти, апогей весеннего многоцветья. Мак – народный ассоциат красоты, здоровья, привлекательности молодости. Ландыш – нежный, чистый, хрупкий, символ весны и надежды. Герань – знак доброго дома с традициями и связью поколений. Колокольчик – наивность, чистота, простота, просторы. Ромашка – очарование простоты, заглядывание в будущее. Фиалка – очарование, невинность, уединенность. Рябина – проникновенность, меланхолия, последняя надежда, задушевность. Орхидея, эдельвейс, жасмин – дальние земли, исключительность и редкая гармония.

Из подгруппы «растительные массивы» превалируют «сады» (14 раз), также имеющие устойчивый ассоциативный ряд. К нашему удивлению, из всех фитонимов и фаунонимов, лежащих в основе прагматонимов ППМ, только общие понятия *сад*, *поле*, родовые понятия *птица*, *бабочка* и образы *гнездо*, *крыло*, *охота* внесены в «Словарь русской ментальности» В.В. Колесова и соавторов [3]. Согласно ему, «сад – воплощение красоты, добра и блага как символ рая (вертоград)», «пространство с обилием плодоносных насаждений», «воплощение мыслимого блаженства в высшей (духовной) жизни» [3; с. 200]. Растительный код национальной картины мира имеет выход в трансцендентное измерение бытия.

У многих номинаций подгруппы «растительные массивы» есть распространители со значением географического расширения: Сицилия, Гуэль (Испания), Киото, Шираз, Австралия и т.д. Вместе с экзотизмами *джунгли*, *оазис* они выполняют функцию творческого выхода за пределы национального, чем только подчеркивается уникальность этого национально-го: русский человек с любопытством и добродушием «присваивает» яркие, интересные элементы самых разнообразных культур.

Считываются по особым законам ассоциативные ряды отпрецедентных фитоморфных прагматонимов: *Аленький цветочек*, *В парке Чаир*, *Венок Дуная*, *Каменный цветок*, *Белый шиповник*, *Зимняя вишня*, *Молодильные яблочки*, *Русское поле*, *Рябиновые бусы*, *Сад пустоты*, *Сады цветут*, *Сиреневый туман*, *Фея сирени*, *Цвет граната*. Их прецедентная основа лежит в сферах фольклора, музыки, балета, кино, нами она исследовалась [10].

Многие из фитонимов представлены только в виде прилагательных (кленовый, тополиный и др.). Многие из анализируемых фитообразов в основе прагматонимов имеют при себе распространители, указывающие на национальный признак (*русский*), колоративный (в основном *белый*, также *желтый*, *голубой*, *золотой*, *синий*, *оранжевый* и др.), эмотивный (*танцующий*, *сказочный* и т.д.), темпоральный (*весенний*, *зимний*, *старинный* и т.д.), локативный (*северный*, *южный*, *дворцовый*, *полевой* и т.д.) и др.

Всего в прагматонимах ППМ упомянуто 52 разных растения, и в основном это цветы (анютины глазки, барбарис, боярышник, верба, виноград, вишня, вьюнок, гардения, герань, гладиолус, глициния, гранат, дельфиниум, душистый табак, ежевика, жасмин, иван-да-марья, ива, имбирь, ирис, камелия, клематис, клен, колокольчик, ландыш, лилия, мак, медуница, миндаль, нарцисс, незабудка, орхидея, пион, подсолнух, роза, розмарин, ромашка, рябина, сандал, сирень, табак, тополь, тюльпан, укроп, фиалка, хризантема, цикламен, шалфей, шафран, шиповник, эдельвейс, эспарцет, яблоня). Таким образом, в прагматонимиконе ППМ как медиасредстве (платки выпускаются сотысячными, иногда миллионными тиражами, так что названия их не являются исключительно камерным инфополем) аккумулируются и пропагандируются фрагменты русской языковой картины мира. Поэтому можно сказать, что интегрирующим прагматонимом с этой точки зрения является – *Цветы России*.

Зооморфные прагматонимы ППМ (52 номинации) делим также на несколько групп.

1. Общие понятия (*Восточная птица*, *Под пение птиц*, *Птица счастья*, *Охота*).
2. Животные.

2.1. Млекопитающие – в основном семейство кошачьих (*Гепарды*, *Игры больших кошек*, *Зебры*, *Котовасия*, *Коты на каникулах*, *Коты на рыбалке*, *Котьябрь*, *Кошачий глаз*, *Кошкин дом*, *Леопардовые сны*, *Леопардовый вечер*, *Леопарды*, *Мадемяузель*, *Танго с лео-*

пардом, Тигрики, Ягуар) и *Джейраны*. Практически всё это – малые формы изделий.

2.2. Птицы (*Голубка, Гуси-лебеди, Жаворонок, Журавушка, Заряночка, Золотой петушок, Лебедушка, Любушка-голубушка, Малиновка, Пава, Перо Жар-Птицы, Перышко Феникса, Соловушка, Соловьиная роца, Соловьиные ночи, Финист – ясный сокол*).

2.3. Прочие (насекомые, земноводные) (*Скарабей, Сон бабочки, Танец бабочки, Царевна-лягушка*).

3. Части тела животных (*Белые крылья, На крыльях ветра, На крыльях нежности, На крыльях памяти*).

4. Совокупности и места содержания животных (*Веселый зоопарк, Караван, Золотой улей, Мчится тройка, Дворянское гнездо, Золотая клетка*).

Самым распространенным животным в платочной номинации стал *кот* и другие представители семейства кошачьих (особенно *леопард*), за ними следует *соловей*.

К интертекстуальным относятся такие зооморфные прагматонимы, как *Гуси-лебеди, Финист – ясный сокол, Дворянское гнездо, Мчится тройка, Царевна-лягушка, На крыльях ветра, Золотой петушок, Перо Жар-Птицы, Птица счастья, Перышко Феникса*. Несмотря на то, что их функционирование в роли прагматонима обусловлено их послеапеллятивным значением, выбор их в качестве приемлемой основы для названий платков связан с ассоциативно-стилистическим потенциалом самого фаунонима [8]. Сокол – свобода, удаль; лягушка, гусь, петух – типичные элементы русской языковой картины мира.

Всего в названиях ППМ используется или подразумевается 24 фаунонима (бабочка, гепард, голубь, гусь, джейран, жаворонок, журавль, зарянка, зебра, караван, кот, лебедь, леопард, лягушка, малиновка, павлин, петух, скарабей, сокол, соловей, тигр, лошадь (тройка), ягуар, пчела (улей)). Отличительной чертой прагматонимов этой группы является наличие зоофеминитивов (лебедушка, кошка, журавушка, голубка, пава), поскольку продукция ориентирована практически полностью на женскую аудиторию.

В исследованиях названий конфет [7] имеется вывод, что превалирует фауноним «медведь». В платках такое имя не встречается. Однако русский символ «медведь» не мог остаться без внимания: несчетное количество «мишек» изображено на интересном рисунке платка Елены Жуковой «Лед и пламень»; это про ироничный контраст холодных просторов и жаркой души как условный образ – эмблема национальной картины мира.

Как среди фитонимов, так и среди фаунонимов в прагматонимиконе ППМ распространены уменьшительно-ласкательные формы (*Журавушка, Соловушка, Ивушка, Тигрики, Муравушка, Рябинушка, Вербочка, Ягодка, Веночки, Лужок, Мой садик, Заряночка, Золотой петушок, Лебедушка, Любушка-голубушка, Перышко Феникса*). Во всех группах и подгруппах встречаются номинации в единственном и множественном числе (*Роза с лентой, Пионы; Малиновка, Тигрики*). Но в номинациях декоративных цветов и в номинациях крупных животных преобладает плюративная форма.

Разнообразна синтаксическая структура прагматонимов на основе фито- и фаунонимов: простые и сложные словосочетания на основе управления и согласования, в начальной и косвенной предложной форме, с прямым порядком слов и с инверсией (*Средь густых ветвей, Под пение птиц, Гурзуф в цвету, В садах земли Нижегородской, Песня сказочного леса*), сочинительные сочетания слов (*Розы и ромашки* и мн.др.), предикативные единицы с инверсией и без (*Мчится тройка, Кружатся листья, Цветет сирень, Сады цветут*).

В заключение исследования этих двух сфер-источников образования прагматонимов следует сделать вывод, что растения представляют *русское*, а животные – *женское*. Кроме того, через зоометафоры характеризуются люди (*Любушка-голубушка, Финист – ясный сокол*), а фитонимы, наоборот, иногда антропоморфны (*Иван-да-Марья, Анютины глазки*). «Очевиден тот факт, что каждый национальный язык по-своему неповторимо членит окружающую действительность» [5; с. 213]. В соответствии с манифестацией «миромоделирующей природы» прагматонимов оним-источник репрезентируют этноспецифичную культурно-историческую информацию и экстраполирует свой лингвопрагматический потенциал на

коммерческое имя, образованное на его основе. Павловопосадский платок и его имя определяют, кристаллизируют национальные ценности и черты картины мира и менталитета.

Библиографический список

1. Власова К.А. Растительный код культуры в наименованиях кондитерских изделий // Филология и культура. 2015. №3 (41). С. 27–31.
2. Ермакова, Л. Р. Глуттонические прагматонимы и национальный характер: автореф. дис... на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук 10.02.19. Белгород, 2011.
3. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности. В 2-х т. СПб.: Златоуст, 2014.
4. Омеляненко В.А. Отонимные прагматонимы с национально-культурным компонентом в российской рекламе // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 3. С. 712–728.
5. Трафименкова Т.А. Фрагмент языковой картины мира "растительный мир" в семантико-идеографических и тематических словарях // Ученые записки Орловского ГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. №1. С. 209–215.
6. Файзуллина И. И. Ономастическое поле прагматонимов современного русского языка: дис. канд. ... филол. наук / И. И. Файзуллина. Уфа, 2009. 184 с.
7. Фаттахова Н.Н., Власова К.А. Зооморфный код культуры в наименованиях кондитерских изделий // Филология и культура. 2016. С. 127–133.
8. Федотова Т.В. Источники эргонимической номинации // Научный вестник Южного института менеджмента. 2018. №2. С. 98–104.
9. Шевченко Т.С. Репрезентация русской культуры в прагматонимах, основанных на безэквивалентной лексике // Казанская наука. 2023. №1. С. 28-30
10. Шевченко Т.С. Источники прецедентности в русском прагматонимиконе // Казанская наука. 2024. №6. С. 82-84.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS' INFORMATION

Шевченко Татьяна Сергеевна,
старший преподаватель кафедры русского,
родных языков и лингводидактики
Ставропольского государственного педагогического института,
SPIN-код 6044-6170,
e-mail: shevchenko31569@gmail.com

Shevchenko Tatiana Sergeevna,
Senior Lecturer at the Department of Russian,
Native Languages and Linguodidactics
Stavropol State Pedagogical Institute,
гического института,
SPIN-код 6044-6170,
e-mail: shevchenko31569@gmail.com

УДК 81`373.2

Д.А. Щукина

*Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II
(Санкт-Петербург, Российская Федерация),
e-mail: dshukina@yandex.ru*

К.Р. Минченкова

*Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II
(Санкт-Петербург, Российская Федерация),
e-mail: mikss81@mail.ru*

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА КАК ИСТОЧНИК ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ О МЕСТОРОЖДЕНИЯХ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ

В статье рассматривается роль географических карт в изучении ономастики. На примере Прогнозно-минерагенической карты Северо-Запада России и Фенноскандии анализируются наименования месторождений полезных ископаемых. Авторы рассматривают различные классы топонимов, выделяя гидронимы, оронимы и ойконимы. Особое внимание уделяется влиянию языка саами на формирование этих названий, что позволяет выявить уникальные лингвистические и культурные особенности региона. Представлена история некоторых месторождений.

Ключевые слова: географическая карта, месторождения полезных ископаемых, топонимы, ономастика, Северо-Запад России, Фенноскандия, язык саами.

D.A. Shchukina

*St. Petersburg Mining University of Empress Catherine II
(Saint Petersburg, Russian Federation),
e-mail: dshukina@yandex.ru*

K.R. Minchenkova

*St. Petersburg Mining University of Empress Catherine II
(Saint Petersburg, Russian Federation),
e-mail: mikss81@mail.ru*

GEOGRAPHICAL MAP AS A SOURCE OF ONOMASTIC INFORMATION ABOUT MINERAL DEPOSITS

The article examines the role of geographical maps in the study of onomastics. The names of mineral deposits are analyzed using the example of the Forecast-mineragenic map of the North-West of Russia and Fennoscandia. The authors consider various classes of toponyms, distinguishing hydronyms, oronyms and oikonoms. Special attention is paid to the influence of the Sami language on the formation of these names, which makes it possible to identify the unique linguistic and cultural features of the region. The history of some deposits is presented.

Keywords: geographical map, mineral deposits, toponyms, onomastics, North

Ономастика – это область языкознания, изучающая собственные имена. На начальных этапах развития ономастики значительную роль сыграли работы таких ученых, как Е. Курилович, В.Н. Топоров, А.В. Суперанская и В.А. Никонов. В этих исследованиях были заложены теоретические основы ономастики, предложены первые определения онимов и проанализированы их функции и значение в языке и культуре.

В настоящее время ономастика является интегративной наукой. Исследователи в этой области, помимо лингвистических данных, также используют информацию из различных философских, гуманитарных и естественных дисциплин.

Онимическое пространство отличается чрезвычайной широтой и разнообразием входящих в его состав единиц. Среди топонимов выделяются различные классы, такие как [1; с.42]:

- гидронимы - названия рек;
- ойконимы - названия населённых мест;
- оронимы - названия гор;
- астионимы - названия городов;
- урбанонимы - названия внутригородских объектов;
- антропотопонимы - названия географических объектов, произведённых от личного имени, и многие другие.

Географические карты являются важным источником ономастической информации, которая может быть использована в лингвистическом исследовании, в частности, при изучении наименований месторождений полезных ископаемых. Самая древняя географическая карта – Туринская папирусная - была составлена около 1150 г. до н.э. Она содержит геологическую информацию о рудниках древнего Египта.

Карты предоставляют возможность: - определить местоположение топонимов; - разобраться в происхождении однокоренных названий; - проанализировать взаимосвязи в рамках топонимической группы; - оценить уровень топонимической освоенности исследуемой области, динамику изменений в топонимии и долю сохранившихся и утраченных наименований.

Различные тематические и специализированные карты используются «для получения географических данных, необходимых для понимания возникновения, распространения и развития топонимических явлений» [5; с.83].

Картирование месторождений полезных ископаемых Северо-Западного региона России началось ещё в XVIII веке и прошло несколько этапов развития – от первых геологических исследований, проводившихся путешественниками и учёными, до современных карт, составленных с использованием ГИС (географические информационные системы).

В качестве материала исследования привлекается монография «Недра Северо-Запада Российской Федерации». Она состоит из текста с каталогом и прогнозно-минерагенической карты.

Это «...карта важнейших полезных ископаемых Северо-Западного Федерального округа России и Фенноскандии масштаба 1: 2 500 000. В основу её положены изданные в последние годы листы государственной геологической карты масштаба 1:1 000 000 (территория Северо-Запада РФ) и геологическая карта Фенноскандии масштаба 1: 2 000000. На карту вынесены все месторождения и важнейшие рудопроявления полезных ископаемых, номера которых соответствуют номерам в каталоге. Проведено металлогеническое районирование Российской территории и вынесены металлогенические зоны, рудные районы, узлы и поля, а также горнодобывающие и перерабатывающие предприятия как действующие, так и строящиеся». [3; с.4].

Минерагения (металлогения) – геологическая дисциплина, наука о закономерностях образования и размещения месторождений полезных ископаемых в пространстве и времени [4; с.4].

Термин «Фенноскандия» был выделен финским геологом Вильгельмом Рамзаем в 1898г. «Фенноскандия – физико-географическая страна на северо-западе Европы. Включает Балтийский кристаллический щит и Скандинавские горы. Это относительно целостный геологический объект. Названа по преобладающему на территории историческому расселению скандинавов и финно-угорских народов» [2; с.204].

Одним из наиболее богатых районов Северо-Запада России с точки зрения наличия полезных ископаемых является Кольский полуостров. Именно он и будет предметом нашего изучения.

Плотность месторождений здесь очень высокая. На карте это хорошо видно. Используя легенду карты, можно определить вид полезного ископаемого каждого месторождения – никель, железо, апатит и др. Также присутствуют комплексные месторождения.

Например - номер 073 на карте - Африкандское месторождение. Оно является одним из крупнейших в мире источников перовскит-титаномагнетитовых руд. Находится в Мурманской области, к юго-востоку от озера Имандра, недалеко от железнодорожной станции Африканда. Месторождение было открыто советскими геологами в 1935 году.

Этимологию названия можно найти в книге А.Е. Ферсмана «Воспоминания о камне»: «...Геохимики нашли около самого разъезда №68 замечательное месторождение. Они говорят, что здесь открыты мировые руды титана, сотни миллионов тонн на одной маленькой горюшке. Ну, значит, будут строить завод, фабрику, посёлок. Даже неловко: мировые руды, а разъезд просто №68. Так думал старый железнодорожник. - Надо переименовать. Да опять эти минералоги будут смеяться, назовёшь их словом, а они тебя этим словом! Не знаю. Да и жарко сегодня, не до крестин. Пойти бы выкупаться в Имандре, а то не вмоготу; тут еще пристал диспетчер: поезжай в Охтоканду, принимай какой-то барак, - кляузное дело, и в такую жару! Ну, просто Африка, Африканда какая-то! Разъезд был назван Африкандой...» [8; с.120].

Месторождение номер 048 на карте – тоже комплексное – Ковдорское месторождение бадделеит-apatит-магнетитовых руд. Располагается в 1,5 км к западу от г. Ковдор Мурманской области. Единственное в мире, из руд которого извлекают цирконий. Открыто в 1933г, разрабатывается с 1962 года открытым способом.

Этимология наименования месторождения и города происходит от названия небольшой речки Ковдора. Название происходит от саамского слова «кувт (куфт)», которое переводится как «змея».

Месторождение номер 03 на карте – Котсельваара (от названия горы Котсельваара) – расположено в 25-километровой полосе между посёлком Никель и городом Заполярный на западе Мурманской области. Оно входит в Западный рудный узел, наряду с месторождениями Котсельваара-Каммикиви и Семилетка.

Отработка месторождения подземным способом началась в 1958 году, хотя ещё до войны были обнаружены залежи медно-никелевой руды.

Котсельваара — вероятно, от названия ручья Котсельйоки (Бычья моча) и ваара (гора, сопка).

В 1961 году, после объединения двух месторождений, рудник стал называться "Каула-Котсельваара"

На сегодняшний день запасы месторождения практически исчерпаны. В перспективе шахта может стать современным объектом промышленного туризма.

Описанные месторождения относятся к группе оттопонимических. Африканда – восходит к ойкониму, Ковдорское – гидроним, Котсельваара – ороним. Анализируя этимологию номинаций других месторождений полезных ископаемых Кольского полуострова, можно сделать вывод, что преобладают именно оттопонимические названия. Среди них мы выделили 29 гидронимов (напр.: Вороньтунтровское – от названия реки Воронья; Райяврское – от названия озера Райявр; Аллареченское – от названия реки Алла), 47 оронимов (напр.: Пеллапахк – от названия одноимённой горы; Полмостундровское – от названия горы Полмос; Ньюдайвенч – от названия горы Ньюдайвенч), 8 ойконимов (напр.: Заполярное – от названия города Заполярный, Оленегорское – от названия города Оленегорск; Коашвинское – от названия посёлка Коашва).

Этимология большинства наименований месторождений полезных ископаемых Кольского полуострова напрямую связана с языком саами.

Считается, что название «Хибины» произошли от слова «хибень», что означает «плоская возвышенность, плоскогорье». Многие названия были даны первопроходцами Хибин, академиком А.Е. Ферсманом: «В тесной столовой старого дома Хибинской горной станции на озере Вудъявре большое оживление. Вдоль длинных столов сидят за кружками чаю герои многолетних хибинских экспедиций. Среди них саами Василий Кобелев, несколько исподлобья смотрящий на нас, и молодой саами Николай. <...> Сегодня крестины. Сначала надо назвать горы и долины Хибин — те, для которых до сих пор не было названия, а потом, и это главное, надо окрестить новые минералы. <...> — Вот здесь раньше паслись стада диких оленей. Не правда ли, Василий? Значит, эту гору надо назвать Гора оленьей долины, по-саамски — Поачвумчорр — олень, долина, гора» [8; с.116-118].

У Семёнова-Тянь-Шанского О.И. в «Словаре саамских слов, использующихся в образовании топонимов на Кольском полуострове» находим следующие определения:

Варь – лесная гора, лес
 Вуд – верхняя безлесная часть горы
 Вум – горная долина
 Вуом – лесная зона горы
 Выд – вершина, покрытая субальпийской растительностью
 Горр – ущелье
 Иок (йок) – река
 Няльм – устье реки
 Пахк – голая гора, вершина
 Порр – горный хребет с острым гребнем
 Уай – ручей
 Уайв – голова, вершина горы
 Уайвенч – вершинка горы
 Чарр – тундра
 Чорр – горный хребет
 Явр – озеро [6; с.10-18].

Тихомиров И.К. в своей работе «Очерки по физической географии Хибинских тундр» даёт более развёрнутые формулировки:

Варрь, варь – холм с вершиной, покрытой лесом, “варака”

Пахк – каменная гора с мягкими округлыми очертаниями и вершиной, выходящей за верхнюю вертикальную границу древесной, высокоствольной растительности

Чорр – горный, каменный массив с плоской вершиной, выходящей за верхнюю вертикальную границу древесной, высокоствольной растительности [7].

Географическая карта, особенно в контексте прогнозно-минерагенической информации, является значимым инструментом для исследования ономастической информации. Она помогает не только в определении месторождений, но и в понимании культурных и исторических аспектов, связанных либо с минералогией региона, либо с общим наследием человечества в этом уголке мира.

Результаты ономастического исследования наименований месторождений полезных ископаемых Кольского полуострова могут быть использованы в высших технических учебных заведениях на лекциях по лингвистическим дисциплинам и культурологии.

Библиографический список

1. Жучкевич В.А. Общие и региональные закономерности топонимики. Автореф. д-ра геогр. наук. Минск, 1970.
2. Карелия: энциклопедия: в 3т. /гл.ред. А.Ф. Титов. Т.3.: Р-Я. Петрозаводск: «Петро-Пресс», 2011. 384с.

3. Коровкин В.А., Турылева Л.В., Руденко Д.Г., Журавлев В.А., Ключникова Г.И. Недра Северо-Запада Российской Федерации. СПб, изд-во СПб картфабрики ВСЕГЕИ, 2003. 520с. + 14 вкл.
4. Минерагения: Учебно-методическое пособие по проведению лабораторных занятий/ Б.Р. Мирзошоев, А.И. Муллакаев, Хасанов Р.Р. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2022. 47 с.
5. Пospelов Е.М. Топонимика и картография. М., 1971. 256 с.
6. Семенов-Тянь-Шанский О.И. Словарь саамских терминов и обозначений // Историко-краеведческий альманах «Живая Арктика». Топонимы Хибинского края. / под ред. В. Берлин. Апатиты. 2004. № 1. С.10-18
7. Тихомиров И.К. Очерки по физической географии Хибинских тундр. М., 1954.
8. Ферсман А. Е. Воспоминания о камне. М.: изд-во Академии наук СССР, 1958. 176 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS' INFORMATION

Щукина Дарья Алексеевна,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка и
литературы Санкт-Петербургского
горного университета императрицы
Екатерины II,
SPIN-код 5590-9570,
e-mail: dshukina@yandex.ru

Shchukina Daria Alekseevna,
Doctor of Philology, Professor,
Head of the
Department of Russian Language and Literature
at the St. Petersburg Mining University of
Empress Catherine II,
SPIN code 5590-9570,
e-mail: dshukina@yandex.ru

Минченкова Ксения Рэмовна,
ведущий инженер центра языковых ком-
петенций Санкт-Петербургского горного
университета императрицы Екатерины II,
e-mail: mikss81@mail.ru

Minchenkova Ksenia Removna,
Senior Engineer at the Center for Language
Competencies of the St. Petersburg Mining
University of Empress Catherine II,
e-mail: mikss81@mail.ru

ОНИМНАЯ ПЕРИФЕРИЯ ONYM PERIPHERY

УДК 811.161.1'373.222

И.В. Островерхая

*Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
(Калининград, Российская Федерация)
email: iostroverkhaya@kantiana.ru*

МАСКУЛИННЫЕ ФЕЛИСОНИМЫ, МОТИВИРОВАННЫЕ БЕЛЫМ ЦВЕТОМ ДЕНОТАТА

В статье представлены результаты фелисонимотворческого эксперимента по выявлению репертуара маскулинных фелисонимов, мотивированных белым цветом денотата. Показано, что метафоризация является ведущим способом образования онимов данной целевой группы, тогда как символическое ассоциирование и прямая лексическая номинация менее продуктивны. Сделан вывод о высоком фелисонимотворческом потенциале современных номинаторов.

Ключевые слова: зооним, фелиноним, фелисоним, онимизация апеллятива, трансонимизация, метафора, метафоризация, типичное имя.

I.V. Ostroverkhaya

*Immanuel Kant Baltic Federal University
(Kaliningrad, Russian Federation)
email: iostroverkhaya@kantiana.ru*

MASCULINE FELICONYMS MOTIVATED BY THE WHITE COLOR OF THE DENOTATION

The article presents the results of a felisonization experiment to identify a repertoire of masculine felisonim motivated by the white color of the denotation. It is shown that metaphorization is the leading way of forming onyms of a given target group, whereas symbolic association and direct lexical nomination are less productive. The conclusion is made about the high felicity-creating potential of modern nominators.

Keywords: zoonym, felinonym, felisonym, onymization of the appellative, transonymization, metaphor, metaphorization, typical name.

Традиционно клички домашних кошек, являющихся одними из любимейших компаньонов человека, рассматривались в общих исследованиях по зоонимии без разделения на конкретные виды животных (Е.Н. Варникова [3], М.Ю.Беляева [1], Т.В. Федотова [18] и др.). Однако, начиная с 2021 года, стали появляться работы, специализирующиеся на изучении исключительно собственных имён домашних кошек. Статьи Е.Н. Варниковой [4], М.В. Бобровой М.В. и Ю.Ю. Посохиной [2], И.В. Островерхой [12-15], Д.И. Медведевой [9], Д.И. Медведевой и Т.С. Медведевой [10], Е.И. Энгель [22] и Е.Е. Завьяловой [6] свидетельствуют об активизации усилий учёных-ономатологов по воссозданию ономастического портрета российских домашних кошек.

В современной ономастике для обозначения собственных имён кошек употребляются термины «фелиноним» (Н.Г. Рядченко [16], Е.В. Гусева [5], Т.В. Шмелёва [20], Е.Н. Варникова [4] и др.) и «фелисоним» (М.Ю. Беляева [1], Г.Б. Мадиева и В.И. Супрун [7],

А.А. Хайкина и Л.А. Чернявина [19], И.В. Островерхая [12-15] и др.), находящиеся в гиперонимических отношениях [15; с. 399-400]. В настоящей статье используется термин «фелисоним», ввиду того что она посвящена онимам, относящимся непосредственно к представителю биологического вида *Felis catus*.

Общеизвестно, что ключевой тенденцией в создании зоонимов любого вида является «зоонимическая универсалия» [16; с. 79], заключающаяся в именовании животного по его внешним признакам, одним из которых выступает его окрас. Тем не менее, анализ библиографического материала показывает, что на данный момент (начало 2025 года) колоративно мотивированные фелисонимы остаются детально не изученными.

Данная статья нацелена на восполнение пробела в инвентаризации репертуара современных российских фелисонимов, имеющих колоративную мотивировку. Предметом изучения являются маскулинные фелисонимы, мотивированные белым цветом шёрстного покрова животного. Исследовательская база фелисонимов была составлена в ходе фелисонимотворческого эксперимента, респондентами которого стали 248 студентов естественнонаучных специальностей Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, средний возраст которых составляет 18 лет. Согласно условиям эксперимента, респонденты могли предложить одно или несколько подходящих имён для котёнка-самца, которые были бы мотивированы белым окрасом его шёрстки. Узкая специализация и гендерная направленность настоящего исследования определяет его новизну, поскольку абсолютно все онимы в нём имеют избирательную мотивировку и приложимы к одному единственному денотату в отличие от ономастиконов предшествующих фелисонимических и фелинонимических исследований, в которых анализируются онимы, имеющие различную мотивировку и относящиеся к разным денотатам.

В общей сложности эмпирический корпус представлен 282 фелисонимами, из которых 175 фелисонимов (62%) являются уникальными (неповторяющимися), что является одним из показателей высоких «креативных способностей современных имядателей к ономастическому творчеству» [21; с. 15].

Эксперимент показал, что абсолютным лидером среди собранных имён, мотивированных белым окрасом шерсти котёнка, выступает метафорический фелисоним *Снежок*, упомянутый в анкетах 10% респондентов. Вместе с тем практически 80% участников эксперимента подчеркнули, что кличка *Снежок* является настолько широко распространённой применительно к именованию белых котов, что фигуральный характер заложенной в ней метафоры уже не ощущается в полной мере. Интервьюирование респондентов выявило тот факт, что имя *Снежок* не генерируется современными номинаторами в процессе метафорического переноса, а воспроизводится как типичное имя для любого кота белого окраса и, следовательно, может пополнить список традиционных русских фелисонимов. Кроме того, во многих анкетах содержится указание на то, что имя *Снежок* расценивается современными номинаторами как «слишком банальное», «простое» и даже «избитое», поэтому предлагаются модификаты *Снеж*, *Снежа*, *Снежик*, *Снежкин*, *Снежков*.

Проведённый анализ свидетельствует о том, что большинство фелисонимов создаётся номинаторами посредством метафорического переноса на основе сходства окраса шерсти котёнка с различными предметами белого цвета. Продуктивность метафорических фелисонимов в исследовательском корпусе составляет 73%.

В качестве традиционной ассоциативной темы зафиксирована тема «зима», позиционируемая как «белое время года». На основе сравнения с характерными белыми зимними объектами в процессе метафорической онимизации апеллятива, которая может сопровождаться усечением или добавлением отдельных формантов, образованы такие фелисонимы, как *Айсберг*, *Вьюга*, *Вьюжа*, *Вьюж*, *Лёд*, *Лёдик*, *Ледок*, *Льдыш*, *Льдышка*, *Нилас* (морской лёд), *Сугроб*. Продуктивными являются также фелисонимы, созданные на основе иноязычных апеллятивов при возможном добавлении русских онимообразовательных формантов, например: *Айс* (от английского *ice* 'лёд'), *Айсик*, *Айси* (от английского *icy* 'ледяной'), *Бумба* (от латышского

sniega bumba ‘снежок’), *Винтер* (от английского *winter* ‘зима’), *Луми* (от финского *lumi* ‘снег’), *Лумик*, *Сноу* (от английского *snow* ‘снег’), *Снови* (от английского *snowy* ‘снежный’), *Сноубол* (от английского *snowball* ‘снежок’), *Юки* (от японского *yuki* ‘снег’), *Юка*, *Юкис*, *Юр* (от чувашского *úr* ‘снег’) и др. К рассматриваемой тематической группе следует отнести топоним *Эверест*, предложенный одним из респондентов по ассоциации с белым снегом, покрывающим горные вершины.

К тематическому полю «зима» примыкает поле «предметы, образовавшиеся в результате природных процессов или атмосферных явлений», которое представлено фелисонимами *Кристалл*, *Клауд* (от английского *cloud* ‘облако’), *Клаудик*, *Клауди*, *Мист* (от английского *mist* ‘дымка, лёгкий туман’), *Мисти*, *Облако*, *Облачко*, *Туман*, *Тума*, *Туманчик*, *Туманик*, *Фог* (от английского *fog* ‘туман’), *Фогги* (от английского *foggy* ‘туманный’), являющимися продуктами простой или деривационной онимизации соответствующих апеллятивов.

Чрезвычайно популярной для образования фелисонимов оказалась тема «еда», с которой имядатели связывают не только белый окрас, но и «блаженство общения с домашним питомцем» [6; с. 365]. Исследовательский материал демонстрирует наличие метафорических фелисонимов, созданных на основе апеллятивов, относящихся к кондитерским изделиям (*Безе*, *Зефир*, *Зефирка*, *Зефирчик*, *Зеф*, *Зефа*, *Зефи*, *Зефирик*, *Марципан*, *Марци*, *Маршмеллоу*, *Меренга*, *Пастилул* (мужское имя по ассоциации с белой пастиллой), молочным продуктам (*Брынза*, *Кефир*, *Кефи*, *Кефирчик*, *Кумыс*, *Милк* (от английского *milk* ‘молоко’), *Милки*, *Милкис*, *Пломбир*, *Пломби*, *Сливки*, *Сливка*, *Сливич*, *Сметанчик*, *Сметаныч*, *Сырок*, *Творожок*), кулинарным блюдам и ингредиентам (*Кокос*, *Крахмал*, *Кунжут*, *Майонез*, *Майо*, *Пельмень*, *Рис*, *Сахар*, *Сахарок*, *Шуга* (от английского *sugar* ‘сахар’), *Шампиньон*). В рамках темы «еда» отмечено также наличие фелисонимов, образованных в процессе межразрядной трансонимизации кулинариумов и имён словесных товарных знаков, например: *Бешамель* (густой белый соус из яиц, молока и муки), *Бри* (от французского *Brie* ‘мягкий сыр из коровьего молока’), *Орбит* (марка жевательной резинки в форме белых подушечек), *Фрэппи* (производное от «кофе фраппе», представляющего собой коктейль, смешанный из кофе, мороженого, молока, сиропа, ликёра и колотого льда), *Широ* (светлая соевая мисо-паста *Shiro Miso*).

Тематическое поле «минерал / порода / камень» актуализируют фелисонимы *Алмаз*, *Даймонд* (от английского *diamond* ‘бриллиант’), *Жемчуг*, *Жем*, *Опал*, *Фенакит* (драгоценный камень, похожий на бриллиант), в которых воплощается не только колоративная семантика, но и убеждённость номинатора в исключительности кошек как особых существ, достойных роскошной, богатой и привилегированной жизни.

Флористическая тема, эксплицирующая соотносённость с растениями белого цвета, представлена усечёнными фелисонимами *Жас* (усечённое от жасмин), *Лил* (мужское имя в честь цветка белая лилия), *Ми* (усечённое от мирт). Данные гипокористические имена демонстрируют характерную тенденцию к сокращению имён, ориентированную на «быстроту прохождения информационного сигнала» [8; с. 132] при реализации подзывной (вокативной) функции имени в процессе общения хозяина со своим питомцем.

Анималистическую тему репрезентируют фелисонимы *Белёк* (схожесть с цветом шёрстки детеныша тюленя), *Беляк* (по сходству с белым окрасом зайца-беляка), *Голубь* (по ассоциации с белым голубем – символом мира).

Медицинская тематика выражена единичным фелисонимом *Аспирин* (белый как таблетка), который является продуктом трансонимизации коммерческого имени *Аспирин*.

О «сознательной рациональной стратегии именуемого» [18; с. 520] наглядно свидетельствует фелисоним *Аксон*, детерминируемый профессиональной областью одного из респондентов, по мнению которого, «для имени белого кота подойдёт термин аксон, так как аксоны образуют белое вещество в центральной нервной системе».

Как известно, метафорический перенос имени может осуществляться не только по сходству объекта-цели с объектом-эталоном, но и по их контрасту [13]. Примерами подобно-

го переноса являются метафорические фелисонимы *Базальт, Гудрон, Ночь, Ноча, Ночик, Сажка, Сажик, Тучка, Туча, Тьма, Уголь, Уголёк*, модулем сравнения в которых выступает контрастный чёрный цвет. Наряду с данными метафорическими фелисонимами в эмпирическом корпусе также зафиксированы колоративные фелисонимы *Черныш, Чёрный, Блэк* (от английского *black* 'чёрный'), *Блэки, Нуар* (от французского *noir* 'чёрный'), *Неро* (от итальянского *nero* 'чёрный'), *Шварц* (от немецкого *schwarz* 'чёрный'), образованные в результате онимизации русского апеллятива *чёрный* и соответствующих иностранных адъективных колоративных апеллятивов с сохранением их внутренней формы.

Вторая по продуктивности группа фелисонимов (16% от общего числа онимов, входящих в исследовательскую базу), напрямую мотивирована лексическим значением апеллятива *белый*. Фелисонимы *Белый, Бел, Белец, Белёныш, Белиз, Белик, Белок, Белоша, Беляк, Беляев, Бельш, Бельшка, Бельша* сохраняют свою внутреннюю форму – признак, положенный в основу и отражающий первоначальное видение объекта номинации, которым является участвующий в эксперименте котёнок-самец белого цвета. Данная группа включает также фелисонимы, образованные от соответствующих иноязычных колоративных адъективов: *Альбус* (от латинского *albus* 'белый'), *Альбусик, Балмас* (от литовского *baltas* 'белый'), *Балт* (от латышского *balts* 'белый'), *Бланко* (от испанского *blanco* 'белый'), *Блонд* (от английского *blonde* 'белокурый'), *Бялочек* (от польского *biały* 'белый'), *Вайт* (от английского *white* 'белый'), *Вайтик, Вайс* (от немецкого *weiß* 'белый'), *Вайсик, Левко* (от греческого *λευκό* 'белый'), *Левкос, Широ* (от японского *shiro* 'белый').

Особый интерес в плане выявления фелисонимотворческих способностей современных номинаторов представляют фелисонимы, в которых просматривается новое прочтение апеллятивов на основе вычитывания в них форманта *Бел-*, эксплицирующего семантику белого цвета: *Беляш* (белый кот, а не блюдо), *Беляшик, Белёк* (белый кот, а не детёныш тюленя), *Белка* (белый кот, а не грызун семейства беличьих), *Бельчик, Белкин, Бельканто* (белый кот, а не красивый певческий голос), *Бельэтаж* (белый кот, а не ярус театрального зала), *Бельведер* (белый кот, а не надстройка над домом). Аналогичное прочтение имеют фелисонимы, основанные на прецедентных онимах: *Бельмондо* (белый кот, а не актёр Жан-Поль Бельмондо), *Беллуччи* (белый кот, а не отсылка к актрисе Монике Беллуччи), *Белуши* (белый кот, а не актёр Дж. Белуши). Симптоматично, что аналогичная лингвокреативная деятельность современных номинаторов подтверждается исследованиями других авторов [10; с. 200].

Третья группа онимов, предложенных участниками эксперимента, представляет собой ассоциативно-символические фелисонимы, на долю которых в эмпирическом корпусе исследования приходится 11%. Данные фелисонимы создаются посредством трансонимизации собственных имён различных кинематографических и литературных персонажей, а также имён героев компьютерных игр на основании наличия белого цвета в образе соответствующего персонажа. Например: *Азриель* (монстр-босс с белым мехом из компьютерной игры «Undertale (Подземная сказка)»), *Белая Тучка* (белый медведь из мультсериала «Ми-ми-мишки»), *Буба* (покрытый белой шерстью двуногий домовый из мультфильма «Буба»), *Буран* (огромный длинношёрстный белоснежный кот из цикла книг «Коты-воители»), *Вольт* (белый пёс из мультфильма «Вольт»), *Виллумп* (йети из компьютерной игры «Лига Легенд»), *Каспер* (маленькое приведение белого цвета из фильма «Каспер: Дружелюбное приведение»), *Олаф* (снеговик из мультфильма «Холодное сердце»), *Пуа* (поросёнок с преимущественно белой шерсткой из мультфильма «Моана»), *Руфус* (молодой человек с длинными светлыми волосами из аниме «Хвост Феи»), *Ралоф* (персонаж со светлыми волосами в игре «The Elder Scrolls 5: Skyrim (Древние свитки 5: Скайрим)»), *Умка* (белый медвежонок из мультфильма «Умка») и др. Фелисонимы данной группы отчётливо обнаруживают интересы и предпочтения имядателей, что является особо важным «для понимания языковой картины мира современного человека» [5; с. 91].

Итак, проведённый фелисонимотворческий эксперимент позволил выявить репертуар маскулильных фелисонимов, мотивированных белым цветом шёрстного покрова животного, и

сделать вывод о достаточно высоком лингвокреативном потенциале современных имядатель, которые при выборе подходящего имени для предложенного объекта номинации продемонстрировали широкий кругозор, эрудицию и незаурядные творческие и лингвистические способности. Стремление номинаторов к созданию оригинального фелисонима подтверждает тезис об открытости ономастической системы «для индивидуальных осмыслений и переосмыслений» [11; с. 129]. Перспективным направлением для дальнейшего исследования представляется проведение подобного фелисонимотворческого эксперимента по выявлению репертуара феминных фелисонимов, мотивированных белым цветом шёрстного покрова кошки, с последующим сравнительным анализом с результатами, полученными в ходе настоящего эксперимента.

Библиографический список

1. Беляева М.Ю. Ономастика Кубани: прошлое и настоящее: учебное пособие для студентов вузов. Славянск-на-Кубани, 2020. 138 с.
2. Боброва М.В., Посохина Ю.Ю. Зоонимы Троельжанского сельского поселения Пермского края: мотивационные особенности фелинонимов // Филология в XXI веке. 2022. №2(10). С. 18-26.
3. Варникова Е.Н. Зоонимы: место в ономастическом пространстве // Вопросы ономастики. 2011. №1(10). С. 51-62.
4. Варникова Е.Н. Типологические особенности русских кличек кошек // Ономастика Поволжья: Материалы XIX Международной научной конференции, посвященной 220-летию со дня рождения лексикографа, собирателя фольклора и русского писателя В.И. Даля. Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург, 2021. С. 229-232.
5. Гусева Е.В. Традиционные и частотные клички животных в языковой картине мира современного горожанина // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2002. №4. С. 91-104.
6. Завьялова Е.Е. Фелинонимы как тренд Tiktok // Ономастика Поволжья: Материалы XXII Международной научной конференции, Саратов, 26–29 сентября 2024 года. Саратов: Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского, 2024. С. 363-366.
7. Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Теория и практика ономастики. Учебное пособие. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. 199 с.
8. Матвеев А.К. Эволюционные процессы в ономастике // Вопросы ономастики. 2008. №6. С. 130-136.
9. Медведева Д.И. Семантический перенос в номинации (на материале российских фелинонимов) // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики: Сборник научных трудов VIII Международной научно-практической конференции, Елабуга, 11–12 октября 2024 года. Елабуга: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2024. С. 264-266.
10. Медведева Д.И., Медведева Т.С. Лингвокреативная деятельность номинатора в российских фелинонимах // Многоязычие в образовательном пространстве. 2024. Т. 16. №2(21). С. 197-205.
11. Новикова О.Н., Талецкая Т.Н. Имена современных политиков в словообразовании: трансонимизация // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24, №1. С. 129-134.
12. Островерхая И.В. Внутривидовые омофелисонимы // Нефилология. 2023. Т. 9. №4. С. 729-739.
13. Островерхая И.В. Метафорические фелисонимы, мотивированные цветовым признаком // Филологический аспект. 2023. № 5(97). С. 14-19.

14. Островерхая И.В. Трансонимизация как процесс образования фелисонимов // Филология и культура. 2023. № 4 (74). С. 48-57.
15. Островерхая И.В. Фелисонимы: мотивы номинации // Преподаватель XXI век. 2023. №3-2. С. 398-411.
16. Рядченко Н.Г. Зоонимия русская // Русская ономастика и ономастика России. Словарь. Москва: Школа-Пресс, 1994. С. 78-84.
17. Федотова Т.В. Особенности номинативной ситуации и принципы номинации в зоонимии // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 4. С. 33-40.
18. Федотова Т.В. Специфика образования и функционирования зоонимов как универсального разряда онимов // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы : Сборник материалов XI Международной научной конференции, посвященной памяти Заслуженного деятеля науки Адыгеи и Кубани, профессора Розы Юсуфовны Намитоковой, Майкоп, 20–23 декабря 2017 года. Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2017. С. 516-521.
19. Хайкина А.А., Чернявина Л.А. Особенности номинации домашних животных городскими жителями (на примере фелисонимов) // Решение. 2014. Т. 1. С. 212-214.
20. Шмельёва Т.В. Ономастика: учебное пособие. Славянск-на-Кубани, 2013. 161 с.
21. Щербак А.С., Казанкова А.А. Креативные тенденции в сфере современных урбанонимов // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. 2016. Т. 2. № 4(8). С. 12-17.
22. Энгель Е.И. Фелинонимы в русском языке: лексико-семантический анализ // Всероссийский научный журнал «Вопросы права». 2024. № 2. С. 171-175.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS' INFORMATION

Островерхая Ирина Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент ОНК
«Институт образования и гуманитарных
наук» Балтийского федерального
университета имени Иммануила Канта,
SPIN-код 8515-1181,
email: iostroverkhaya@kantiana.ru

Ostroverkhaya Irina Vladimirovna,
PhD in Philology,
Associate Professor at the Institute of Education
and Humanities of the Immanuel Kant Baltic
Federal University,
SPIN code 8515-1181,
email: iostroverkhaya@kantiana.ru

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Файл со статьей в формате .doc, .docx, .rtf должен быть назван Статья_ФИО

Статья должна включать:

- 1) УДК;
- 2) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный курсив, выравнивание по центру);
- 3) место работы автора, город, страну (шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив, выравнивание по центру);
- 4) название статьи (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);
- 5) аннотацию (150–200 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 7) перевод пунктов 2-6 на английский язык;
- 8) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);
- 9) библиографический список на русском языке (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов);
- 10) сведения об авторе на русском и английском языках в виде таблицы: ФИО полностью - жирным шрифтом, степень, звание, должность, место работы, SPIN-код elibrary, e-mail (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов);

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в квадратные скобки, указывается фамилия автора работы или название издания (в случае коллектива авторов), год издания, после двоеточия приводятся номера страниц, например: [Иванов 1996 : 54–67], [Фольклор Русского Устья 1986 : 115], если издание многотомное, то ссылка оформляется следующим образом: [Достоевский 1975 : 3 : 4–6], где 3 – том издания.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ши-

рине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в алфавитном порядке по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- 1) предмет, тему, цель работы;
- 2) метод или методологию проведения работы;
- 3) результаты работы;
- 4) область применения результатов;
- 5) выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 81

С.А. Скуридина

*Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: saskuridina@yandex.ru*

**МИКРОТОПОНИМЫ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»**

В настоящей работе рассматриваются особенности выбора Ф.М. Достоевским микропонимов в романе «Братья Карамазовы». Автором статьи отмечается, что писатель использовал семантически маркированные онимы для обозначения топосов анализируемого произведения, что способствовало созданию особой атмосферы и глубины повествования. Включенные в аппеллятивно-онимное единство, имеющее автобиографический подтекст, микропонимы играют важную роль в формировании хронотопа произведения, способствуя, с одной стороны, возникновению у читателя ощущения достоверности происходящего, с другой – выводя повествование на символический уровень. (150-200 слов).

Ключевые слова: Достоевский, микропонимы, оним, хронотоп, «Братья Карамазовы» (5-10 слов).

S.A. Skuridina

*Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: saskuridina@yandex.ru*

**MICROTOPONYMS IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL
«THE KARMAZOV BROTHERS »**

Microtoponyms in F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov" This paper examines the features of F.M. Dostoevsky's choice of microtoponyms in the novel "The Brothers Karamazov". The author of the article notes that the writer used semantically labeled onyms to denote the toposes of the analyzed work, which contributed to the creation of a special atmosphere and depth of narration. Included in an appellative-onym unity with autobiographical overtones, microtoponyms play an important role in shaping the chronotope of a work, contributing, on the one hand, to the reader's feeling of authenticity of what is happening, on the other – bringing the narrative to a symbolic level. ...

Key words: Dostoevsky, microtoponyms, onym, chronotope, «The Brothers Karamazov».

По мнению основоположника Воронежской ономастической школы Г.Ф. Ковалева, онимы в художественном тексте кодируют информацию в соответствии с четырьмя факторами: авторским сознанием, системностью именника, социальными характеристиками, историческим хронотопом [Ковалев 2014 : 5]. Под хронотопом вслед за М.М. Бахтиным понимают «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [Бахтин 1975 : 234].

Текст, текст, текст.....

Библиографический список

1. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Ленинград: «Наука», 1983. 191с.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.,1975. 504 с.
3. Бессонова А.С. Неизвестное Даровое (по архивным материалам) // V Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна: Лига, 2019. С. 193–200 [Электронный ре-

сурс]. URL: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2020/06/Blok_LCH.pdf (дата обращения - 18.12.2024).

4. Ковалев Г.Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Новая книга, 2014. С. 3–27.

5. Ковалев Г.Ф. Хронотоп и автобиографизм, как они понимаются в литературной ономастике // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2017. № 3 (26). С. 10-22.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Скуридина Светлана Анатольевна,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка и
межкультурной коммуникации
Воронежского государственного техническо-
го университета,
SPIN-код: 5975-9507,
e-mail: saskuridina@yandex.ru

Skuridina Svetlana Anatolyevna,
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of Russian Language
and Intercultural Communication,
Voronezh State Technical University,
SPIN-code: 5975-9507,
e-mail: saskuridina@yandex.ru

Научное издание

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 2 (2) 2025

Издается с 2025 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 26.05.2025. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 22,3. Усл. печ. л. 23,9. Тираж 26 экз. Заказ № 52
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84